

Карине ТЕР-СААКЯН

***ЕРЕВАНСКИЙ
ВАЛЬС***

Этой книги не было бы без друзей, хороших знакомых. Написать ее мне помогли разные люди, некоторых я знала, с другими познакомилась в ходе работы - они все стали соавторами.

Спасибо Левону Малхасяну (Малхасу) за его «Ереванский вальс», без которого, возможно, этой книги и не было бы.

Отдельное спасибо Мартину Цолаковичу Вартазаряну (Булику -) за терпение в общении со мной и неоценимую помощь.

Спасибо другу- редактору Марине Аргутян – тоже за терпение и труд. Она же написала про мальчика-водоноса, Английский парк и скульптуры Ботеро. Большая благодарность журналисту Елене Галоян, которая помогла вспомнить то, что было упущено.

Спасибо Еве Терян за рассказ об отце - Симоне Теряне и за уроки пунктуации, а Терезе Касьян – о матери, Белле Дарбинян.

Всем остальным за то, что нашли время и желание рассказать то, о чем знают и помнят.

Спасибо покойному Герберту Багдасаряну и агентству «Photolure»

Всем моим собеседникам- ереванцам...

Эти записки – объяснение в любви друзьям, знакомым, просто людям, которые живут в лучшем городе мира. Лучшем для меня и, следовательно, в любви я объясняюсь и Еревану. Так уж получилось. Не все однозначно относятся к этому Городу – есть много людей, которые его просто не любят. Есть и другие – они бы очень хотели быть принятыми здесь, но не получается, ведь Ереван обладает способностью вовремя отбрасывать фальшивое, наносное. Иногда это получается сразу, иногда – через некоторое время. Несмотря на свою доброту, а может именно поэтому, Город терпелив на удивление. Ему 2787 лет, он видел все, его ничем не удивишь, как не удивишь ничем и истинных ереванцев, для которых доброта, честность и порядочность образ жизни. Эта книга о них, без которых я Ереван просто не представляю...

К сожалению, их осталось очень мало. Но они еще есть – стоит только пройтись под вечер по Абовяна или вокруг Оперы – то тут, то там промелькнут знакомые лица... Иногда кажется, что они будут всегда, даже если вдруг, не дай Бог, Города не будет. И проходя по улицам родного Города, особенно осенью, когда тротуары в опавшей листве, превращающей их в выстеленные золотом дорожки, в голове всегда будут звучать те мелодии, которые могли родиться только здесь. Он действительно «город жизни моей»...

В 1924 году Совнарком Армении обсуждал план реконструкции Еревана, представленный академиком Александром Таманяном.

" — Промышленность располагается здесь, — сказал академик и ткнул указкой.

Все посмотрели на пустынный привокзальный район. В те времена было забавно говорить о промышленности Еревана: не дымилась ни одна труба...

— Перед вами город на 200 тысяч жителей, — сказал академик, — перед вами столица. Вот ее административный район.

Это был воображаемый центр города. Воображаемая площадь.

Глаза совнаркомовцев следили за указкой.

— Район культуры, искусства, отдыха, — сказал академик..."

Таманян нарисовал план города, а дальше как будто бы все пошло само по себе...

Ереван был отсталым, обыкновенным азиатским городом с узкими улицами, по сторонам стояли построенные из кирпича и мелких круглых камней, зачастую глинобитные дома: Город раскинулся на огромной территории, но был малолюдным...

Гений Александра Таманяна в проектировании Еревана в том, что великий архитектор задумывал город как амфитеатр. Центр был партером, а все сотовое располагалось вокруг Горы. Эта гора создавала психологическую устойчивость жителей города, она – вечное напоминание и вечная конечная цель. Психологию ереванцев сформировал Арарат...

Говорят, нельзя начинать с фразы «день начался», нужно что-нибудь такое, после которого уже неважно: последует потом день или ночь. Нельзя сразу говорить и о любви или ненависти - нужна прелюдия, реверансы и тому подобная чепуха. Наверное, нужно объяснить, почему вдруг захотелось написать именно о Ереване и ни о чем другом, почему именно это должно быть интересно, по крайней мере для меня, и думаю, для моих друзей. Их немного – за 30 лет набралось человек пять.

Наверное достаточно. Больше этой цифры – это уже приятели, добрые знакомые, просто хорошие люди, с которыми можно выпить чашечку кофе и поболтать о том, о сем – не больше. И еще – эту книгу помогли мне написать два человека, сами того не зная.

Мне хочется объяснить (для кого и зачем – не знаю) чем для нас был и есть Ереван – может не самое лучшее место на земле, но для нас – Родина и все, что с этим связано. Неважно, как мы здесь жили в самые страшные 90-е годы и выжили. Скорее всего нам всем было ясно – если не будет этого города, уже не будет ничего – ни нации, ни страны, словом - ничего. Тогда легче всего было уехать, что и делало большинство. Оказывается, это сейчас нам кажется, что большинство. Остались очень многие, и притом те, кто свободно мог уехать, и никто бы им слова не сказал.

Можно по-разному относиться к Гоар Гаспарян, но ее действительное мужество достойно всяческих похвал. Хотя нет, не похвал. Поведение таких людей не меряется простыми «да-нет». Певица, которой рукоплескал весь мир, сидела возле печки и мерзла, и голодала вместе со своим народом. Она не могла уехать – не то воспитание. Да и не только она. Так что остались не только те, кому некуда было уезжать, но и те, кто и помыслить не мог себя вне этого города. Увы, с каждым годом этих людей все меньше и меньше... Хотя, все больше и больше людей встречается на улице и с удивлением здороваются, типа «ой, ты здесь?», подразумевая – живой, на месте, никуда не делся! Я попробую рассказать о том, что мне дорого и, смею надеяться, не только мне. Иногда язвительная критика и внешняя бравада скрывает настоящую любовь, которая нетерпима ко всем негативным проявлениям.

Но пока.... Бог пожалел человека только наполовину : нам не дано знать, когда окончится земной путь. Но у нас есть воспоминания, они грызут душу и отнимают спокойствие. Воспоминания - страшная вещь, особенно во второй половине жизни, и еще тогда, когда нет видимых причин для мазохизма и самокопания. Но «подводные» причины всегда тяжелее и страшнее видимых, ибо в них мы или находим, или – что чаще всего не находим успокоения. Все начинается с малого: сначала постоянно слушаешь музыку, которая была с тобой в ранние годы, потом приходит очередь старых фильмов и, как следствие, пустота и мятущийся дух. А когда нет ни того, ни другого, что в нашей действительности наиболее вероятный вариант, – тогда сидишь до утра, напряженно вслушиваясь в шум незатихающего города, и вспоминаешь, вспоминаешь...

Зачастую помнишь всякие глупые мелочи, из которых складывалась вся жизнь – что-то не сделано, что-то упущено, а вот этого можно было вообще не делать. И бессонница воспринимается, как благо, как время, которое словно дается нам для осмысления и покаяния. Ерунда это все – молитвы, биение себя в грудь, исповеди. Есть вещи, в которых страшно признаться себе, а не то что духовнику, каким бы авторитетом он не обладал в твоих глазах. А иногда даже завидуешь ушедшим – неважно, что загробной жизни нет (или есть?..), – у них уже все в прошлом: удачи и поражения, утраты и победы, любовь...В конце концов итогом прожитых лет становится скука, хандра и безысходность. Страшно жить в окружении призраков, ушедших мыслей, фраз, нот, кадров. Но... не получается. И чем больше уходишь в прошлое, тем страшнее и труднее жить – смеяться, когда хочется выть, разговаривать, когда не о чем и по большому счету не с кем. У Ремарка есть гениальное объяснение самоубийства Стефана Цвейга. За точность не ручаюсь, но было примерно так: «... он совершил большую ошибку, написал на чужбине воспоминания, когда от них нужно было бежать...». Не уподобляемся ли и мы сами Цвейгу, ибо весь смысл существования начинает сводиться к ушедшим дням, которые как всегда кажутся лучше, чем они были на самом деле. Может, все было бы иначе, если бы мы имели возможность все познавать в свое время и в свой час, ведь,

безнадежно отстав в некоторых вещах, в глупостях мы преуспели как никто другой. Наверное, самое страшное – осознание зря прожитой жизни... И единственное, о чем можно жалеть.

Но когда сидишь в ночи- все время кажется, что сейчас в комнату войдет кто-то из самых близких ушедших, пожурит слегка и отправит спать. Время-то позднее – дело скорее к утру, чем к полуночи. Но не приходят, а спина чувствует – взгляд, тень, еще что-то неуловимое. Знаю, что оборачиваться и разговаривать нельзя – уйдут и больше никогда не придут. Самое удивительное в ночи – это громкий голос, который зовет. Но опять-таки отвечать нельзя. Ответил – значит готов идти в нескончаемую ночь: нет ни ангелов, ни Страшного суда, ни Царствия Небесного. Все это здесь, на земле. Просто боимся – боимся исповеди, открытых чувств, всего того, что, как мы предполагаем, ждет нас за чертой...

В году 2004 от Рождества Христова вдруг пришел страх, что забудется все родное- близкое, и Город исчезнет, и люди, населяющие его, канут в небытие. Как-то совпало: старые новые знакомые, воспоминания, звонки друзей издалека, а значит ниоткуда. Тогда начали рождаться эти заметки, просто так, без всякого повода. Хотя... повод был и серьезный: написать, вспомнить дурную и счастливую молодость, а заодно и не забыть ныне оставшихся, не уехавших и не сломавшихся. Все очень просто – нас уже не будет, а Город у подножия Арарата останется. А может и Арарат вернется домой....

Можно родиться, где угодно и кем угодно, но жить человек может только там, где он нашел себя, где он знает каждый камень и где каждая улица и дом вызывают воспоминания. Обычно таким городом становится тот, где прошли студенческие годы. Коренным ереванцам, а их осталось очень мало, в некотором смысле повезло – это их город. Но и нам, вроде бы некоренным, но прожившим здесь – страшно подумать -30 лет, Ереван тоже стал родным. Во всяком случае, роднее, чем провинциалам, заповившим город в последние 10 лет. В конце концов, ереванец – это не место рождения, это состояние души, образ жизни.

У каждого – свой Ереван, свои памятные места. Обо всем рассказать, конечно, невозможно, да и не нужно. Говоря простым языком – нельзя объять необъятное. Можно много писать об этом Городе и каждый будет писать по-своему. У меня он получился джазовым, что отнюдь не означает, что здесь играли и играют только джаз. Вполне может быть, что джаза в нем намного меньше, чем я это себе представляю - в Ереване вообще много музыки – хорошей и профессиональной. Кстати, американское посольство, по инициативе которого вот уже который год подряд проходят JAM-ы, почти не привозит исполнителей классического джаза – у нас его играют намного лучше. Возможно, Ереван у меня получился несколько приукрашенным, но ведь не все же впихивать в рамки политики и прав человека, о которых так любят говорить наши доморожденные демократы. Кое-кто договорился уже до того, что «Ереван живет в атмосфере страха». Ну да ладно, Бог им судья.

Наверное, уместно напомнить, что родом я из старинного армянского города Гандзака, ставшего сначала Кировабадом, ныне называющегося Гянджой. Город как город – не хуже и не лучше многих, но уже в детстве мне всегда хотелось в Ереван. Он был на какой-то другой планете, именуемой Арменией. Так меня воспитали, а может сработали карсско-карабахские гены, но получилось, что получилось.

Когда знаешь, что больше никогда не придется походить по улицам детства и город, где ты родился, потерян навсегда, о нем очень больно вспоминать. Число потерь у каждого человека растет с каждым прожитым годом и чем ближе к концу жизни, тем горше чувство утраты места, где он родился, где похоронены его предки. Помню, где-то в начале 90-х годов прошлого века по Армянскому телевидению была

передача о Киликии. Говорил старик, избежавший турецкого ятагана и сохранивший ключи от своего дома... На что он надеялся, зачем он хранил их, пройдя через все круги ада на чужбине? Неужели надеялся вернуться- если не сам, так дети, внуки... Кто знает...

Года два тому назад в одном из ящиков письменного стола мне попались ключи от нашего дома в Кировабаде – вспомнился и тот старик, и «Пустые стулья на дне рождения» Вардгеса Петросяна. Ключи я все-таки выкинула, и вместе с ними ушла и подсознательная вера в то, что когда-нибудь я вернусь в тот город, который остался в памяти только событиями 1988-1989 года, когда озверелая толпа азеров сделала все для того, чтобы он остался в памяти ненавистным, чужим и нежеланным. Чтобы даже вспоминать о нем не хотелось.

Однако вернемся в Ереван.

Зимний предновогодний вечер. Декабрь. А хуже декабря в Ереване разве что февраль. В «Поплавке» необычно тихо: музыкантов нет, два-три человека сидят за столиками. Пока нет и Малхаса, который вроде бы должен появиться, что и происходит часам к девяти. И, удивительное дело, к его появлению кафе оживает. Откуда-то возникают посетители – не очень много, но все же достаточно- сразу же исчезает уныние, жизнь закрутилась. «Зимой это заведение вообще надо закрывать. Пока не придет весна, народа будет мало. Вот весной...» Действительно, весной, а уж тем более летом в «Поплавке», как правило, яблоку негде упасть.

...Но сейчас зима и за чашкой кофе приходят воспоминания 70-х, когда Ереван еще не заполонили приезжие, поменявшие в одночасье ауру города. Постепенно уходит понятие «городской парень» - тот тип людей, которые сделали Ереван Ереваном. Они в те годы собирались в кафе, в основном с утра, то есть часам к двенадцати. Раньше приходило в многочисленные кафешки не было смысла – все или спят, или заняты. Удивительное дело, они все умудрялись учиться, работать. Потом «городские парни» стали интеллигенцией Еревана, безжалостно растоптанной смутными временами. Кто уехал, кто умер. Не спивались, нет – пить было не на что. Просто тихо сходили на нет. Кстати, людей на митинги в 1988 году тоже собирали «городские парни». Может если бы не они – ни митингов, ни всего последующего у нас не было бы.

Хорен Абраамян: Я в жизни сыграл много ролей, это была моя работа. Но, наверное, самая главная из них – роль простого ереванского парня Хорика. Не знаю, как сыграл, но поверьте, вложил в эту роль душу

Левон Малхасян: Городские парни... Не хочется говорить банальности. Я хорошо знаю этот тип людей – этаким собирательный образ ереванца. Он ироничен, обладает юмором и никогда не надевает белые носки с черным костюмом... Этот образ на моей памяти, по сути, не меняется. Для меня ереванец пятидесятих годов и сегодняшний – один и тот же человек.

Рубен Ахвердян: «Но я люблю жить мою жизнь в этом покинутом и темном городе, где меня любят, и мне верят, где еще поют мои песни»

Мартин Вартазарян: Ереванские парни, говорите? По мне, ереванский парень это тот, кто может отличить третий участок от третьего массива, Киевский мост от моста Победы, улицу Екмаяна от улицы Тиграняна. Шучу, конечно. Что отличает ереванских парней от всех остальных? По-моему ничего. В них все те же качества, те же крайности, которые свойственны нашему национальному менталитету. Щедрость и скупость, открытость и скрытность... Честь мундира ереванских парней? Это честь улицы, честь подъезда, честь всего того, что связано с их детством. Ну а за пределами города честь мундира действительно соответствует этому понятию. Они умеют постоять за себя и своих друзей. А почему в городе мы не можем быть такими? Кого бы

я мог назвать истинным ереванцем? Назвав сотню, я пропущу еще три. Нас много, очень много..

Левон Игитян: *Ереванский парень – это ночной человек. Как можно спать, когда нет ничего лучше, чем прогуляться с друзьями, посидеть, выпить. Нам было жалко расходиться по домам, мы не могли насытиться городом...*

А тогда жизнь, как и сейчас, вращалась вокруг Оперы. Большой круг начинался с памятника Абовяну и заканчивался гостиницей «Армения», малый – сама Опера с улицами Туманяна и Саят-Нова. Дальше шла terra incognita.

И еще был Конд, в лабиринте которого можно было легко затеряться. Целы были дома, построенные персами, арки, под которыми можно было пройти только согнувшись и разнообразные запахи. Кстати, еще в 70-е там можно было потеряться, что однажды и произошло со мной. В Конде на каждом квадратном метре была прописана масса людей. Бывало, что умерших даже не выписывали в надежде получить квартиру побольше при сносе старого дома. Здесь жили коренные ереванцы. Репатрианты, прибывшие в 1946-м году, жили везде. Они строили свои дома в садах по Баграмяна и выше и называли свои кварталы по местам, которые покинули они или их родители в 1915 году в Западной Армении: Арабкир, Мараш, Ареш, Киликия.. Именно они и приучили ереванцев пить горький кофе, одеваться, наоткрывали кафе по всему городу, наподобие парижских, и совершенно изменили его облик. В сегодняшней ауре Еревана есть и их заслуга. Из Греции был и Каро Тоникян – очень известный в 50-е годы певец. Он шил прекрасные брюки. Его мне и представили как «лучшего певца среди портных и лучшего портного среди певцов...» За давностью лет все забылось: осталась только эта фраза и греческая песня, которую Каро вполголоса напевал за столиком в ресторане гостиницы «Ани». Как давно это было, в прошлом тысячелетии...

Надо сказать, что Ереван в те годы был не совсем «советским» городом. Правда, недремлющее око Старшего Брата царило и здесь, но все же не так, как в других республиках СССР. Мы были лучше осведомлены обо всех новостях рока и джаза, а диски можно было в общем-то купить почти свободно, были бы связи. А они были: в Ереване учились студенты из Спюрка, которые кроме шмоток привозили, так сказать, «заграничную» культуру. На этой культуре мы и выросли. Сейчас, по прошествии трех десятилетий, настоящий Ереван все так же продвинут по части музыки и живописи. Увы, не обошла его стороной вездесущая русская попса, которую активно вытесняют арабско-турецкие шлягеры. Но смею надеяться, что основных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, они не поглотили. Хотя, как знать...

Однако вернемся в 70-е. В те годы мы мало интересовались политикой – она была на кухнях и в анекдотах. Но уже прибывал «груз -200» из Афганистана, уже всеми правдами и неправдами откупались от армии, а партбилет стоил астрономическую по тем временам сумму – 5000 рублей при цене «Жигулей» в 6500. Зато партбилет давал массу преимуществ: в закрытых распределителях можно было спокойно купить все, что угодно, начиная с одежды и заканчивая литературой. Тем же путем прибывали и пластинки. Дети наших партбонз были в общем неплохие ребята и охотно делились своими «сокровищами».

Но все это как-то походя - казалось, Ереван живет совершенно другой жизнью, по крайней мере та его часть, в которой мы постоянно варились. Напротив бывшего театрального института была пивная, где подавали самую вкусную жареную картошку и совсем неплохое пиво. Чуть выше - Дом техники (где сейчас посольство Сирии) – там тоже было неплохо. Ну а «Пончиканец» - вообще мечта студента–

горячие пончики за 4(!) копейки. Это те, что с дырочкой. Целые стоили 5! То ли мы повзрослели, то ли время стало другим, но многое из того, что было, сейчас воспринимается совсем по-другому. Даже те же пончики – вкус не тот, чего-то не хватает. Денег у нас почти всегда не было, тянули от стипендии или оттого, что подкидывали родители до конца месяца. Пустая молочная бутылка стоила 15 копеек – пачка «Авроры» и коробок спичек. Правда, так бывало уж очень редко. Зато, когда в кармане появлялось пять или десять рублей – неслыханное по тем временам богатство – отправлялись обедать в ресторан «Армения», где метродотелями и официантами в основном были армяне из Греции. Они-то и научили нас, несмышленишей, вести себя за столом, не приходить в ресторан в джинсах и еще очень многому. У моего друга почти все официанты ходили в знакомых – его отец был родом из Греции, и кстати звали его Артур Айдинян. Сейчас это имя почти никому ничего не говорит, а в пятидесятых это был знаменитый тенор, причем приехавший в Союз, пострадав от греческих фашистов. Голос у него был хороший. Наверное, мои ровесники, да и люди постарше помнят фильм Григория Мелик-Авакова «Сердце поет». Чудесный фильм – в нем играл Грачя Нерсисян. Так что столик для нас был всегда, даже когда мы заказывали сущую ерунду типа зелени, сыра и вина. Мой друг, Станислав Айдинян, ныне в Москве, поэт и переводчик, последний литературный секретарь Анастасии Цветаевой. Он и сейчас возникает в электронном бытии, посылает поздравления. А в рестораны сейчас почти все ходят в расшитых джинсах или в золотистых турецко-персидских одеяниях.

Сейчас в «Армению» просто так не зайдешь. И не от того, что не пускают, а от того, что дорого – как никак «Armenia Marriott». Но как и тогда, на улице стоят столики и, посидев полчаса, можно увидеть массу интересных лиц, не говоря уже о знакомых. Правда, сегодняшние знакомые в основном из своей братии, спешащей на очередной брифинг или семинар, часто проходящие в последнее время в этом отеле. Здание отремонтировано, но сохранило свое тепло, ауру. Может поэтому кафе на улице перед гостиницей всегда полно.

В 70-х дружба завязывалась, как тогда казалось, на всю жизнь. Так и получилось – по прошествии двух десятков лет старые связи вдруг возобновляются и понимаешь, что этот человек никуда из твоей жизни не уходил, он был где-то в уголке души и в нужное время появился, вспомнив все – и хорошее, и плохое. Чаше хорошее – в молодости все мы безгрешны и счастливы.

В тот предновогодний вечер в «Поплавке» никто не играл... Было тихо, необычно и неуютно. Чего-то явно не хватало и некоторое оживление за столиками не могло изменить общей картины. Из динамиков тихо слышалась музыка – что-то непонятное и не хватающее за душу. И разговор был ни о чем, и кофе казался хуже обычного... Словом, все было не то. Все время казалось, вот сейчас придут музыканты, начнут играть и... Но ничего не произошло. Настроение не приходило – наверное иногда так и должно быть, когда хочешь чего-то большего, а его нет и тогда на память услужливо приходят воспоминания...

В «Поплавке» в те годы много не сидели. В основном народ кучковался в «Сквознячке» и в «Козырьке», перемещаясь иногда в сторону Дома журналистов или к кинотеатру «Москва». На месте «Сквознячка» сейчас зеркальный офис, мимо которого хочется пройти как можно быстрее, чтобы заглушить то, чего никогда не вернешь. Чего стоила одна надпись «Сквознячек». Там собирались непризнанные и уже признанные поэты и писатели и говорят, что некогда всемогущий министр внутренних дел Вано Сирадегян вечно был должен за кофе, который был самым приличным в округе. Чуть хуже кофе был в «Козырьке». Тут наверное уместно вспомнить, что в голодные годы Вано материально поддерживал Эдмона Аветяна и Левона Нерсисяна – сына великого артиста Грачя Нерсисяна – и это были не

подачки, а действительная помощь. Эдмон Аветян, умерший в 2002 году был нашим учителем латинского и языкознания. Интереснейшая личность, философ, диссидент, поэт. Не будь этой помощи от ученика, он бы не выжил. Левон Грачевич умер раньше, в 2001... Кстати, помогали не только ему – ученики из Спюрка посылали деньги своим учителям – всем тем, кто не уехал, не считавшим возможным уехать, когда жить стало совершенно невозможно.

Тогда всего было много – стихов, вина, любви, хорошей музыки. Хорошим в нашем тогдашнем понимании были «Beatles» и рок, который мы и сейчас слушаем, вызывая непонимание у своих детей. Джаз слушали далеко не все, но как однажды выразился мой двоюродный брат, уже тогда большой поклонник тяжелого рока, «кто слушает Beatles, тот слушает и джаз». Это нечто вроде классики, наверное, которую мы и тогда, а уже тем более сейчас слушаем постоянно.

Однако вернемся в «Поплавок». Новый год прошел, музыканты вернулись, вернулось и «ушедшее» настроение, но на дворе еще зима и через стеклянные окна видны одинокие прохожие, спешащие домой в январскую стужу. В принципе не очень-то и холодно – 5-6 градусов ниже нуля, но все равно неприятно. А здесь тепло, уютно, молоденькая девочка поет Autumn Leaves, поет сносно и что-то трогает за душу. Отходят куда-то мысли о завтрашнем дне, о работе – все хорошо...

В Ереван часто приезжали артисты югославской эстрады. Мы на них бегали – все же Югославия считалась «Западом», и пели они по большей части то, что мы любили. Правда, был известный на весь мир Джаз-оркестр Константина Орбеляна, где пели певцы, подобные Фрэнку Синатре и Тому Джонсу, и молоденькая Лариса Долина, начавшая петь именно в Ереване. Злые языки говорят, что сейчас она об этом предпочитает не вспоминать...Помню, какое было столпотворение, когда приехал знаменитый «Арсенал» с Алексеем Козловым – билетов не было, и мы ухитрились пройти через артистический ход, используя все мыслимые связи. В Ереван приезжали все – можно было играть, что душе угодно, не очень-то оглядываясь при этом на вездесущий идеологический отдел ЦК. Тогда это много значило.

По большому счету джаз в Армении сейчас слушают, потому что модно или из снобизма. Но динозавры, сторожа, последние из могикан будут всегда, и значит джаз тоже будет. Они воспитали себе достойную смену. Пристрастия может и поменяются, но джаз останется джазом. Того Еревана- нашего Еревана давно нет, все попытки вернуть прежний дух города пока разбиваются о серую массу приезжающих из районов и привозящих непонятную страсть к турецкой или арабской музыке.

Слушатели приличной музыки постепенно стареют, умирают, и Бог его знает, что будет с городом лет через десять или пятнадцать. Город, конечно, будет, но уже не тот, к которому мы привыкли.

Но не все еще потеряно. В тот же «Поплавок» ходит молодежь – слушает, аплодирует, да и играют там отнюдь не старики. Кто знает, может их дети не будут слушать то, что крутят в маршрутках или такси. Да и центр Еревана уже не тот. Старые жители продали роскошные квартиры из-за нужды и переселились в другие районы города, их место заняли нувориши и выходцы из районов. Иногда «переселенцы» встречаются в новых районах, с непонятным выражением лица, сломленные и настолько не вяжущиеся с, допустим, III участком, что даже хочется подойти и спросить: Что вы здесь делаете? Не подходишь и не спрашиваешь, потому что ответ ясен – не смогли, не выдержали нужду и беспросветность. Все горе в том, что потом кончаются эти деньги, начинаются скитания по квартирам до конца жизни.

Однако не будем о грустном –многочисленные кафе, пустующие зимой, скоро начнут заполняться народом, пойдет совсем другая жизнь. Наверное, одна из самых приятных вещей на свете – сидеть под теплым апрельским солнцем где-нибудь под тентом, пить кофе и ... просто сидеть, не разговаривать. Подойдет кто-нибудь – уже хорошо, а не подойдет – тоже ничего. И даже небольшой дождик не помеха – он скоро пройдет, оставив после себя свежесть, и может напомнит такой же день в далекой сопливой юности, когда даже в ливень неохота было идти домой.

В то время казалось, что мир незыблем и дружба – понятие если не вечное, то очень длительное. По прошествии трех десятков лет мы встречаемся и, кажется, что ничего не изменилось, - только сидение за чашкой кофе, треп и какие-то смутные планы в надежде на то, что все к лучшему. В сущности, Ереван считался «заграницей». И это тоже «вина» репатриантов. Прибалтика – понятно, там Европа, но сейчас кажется, что мы преувеличивали ее достоинства. Здесь тоже было неплохо, по крайней мере свободы было больше, чем в других республиках незабвенного СССР. В Городе даже получили работу некоторые диссиденты: Юрий Орлов, Игорь Заславский... А в 1974-м на факультете физики читал пару лекций профессор Китайгородский, только что приехавший из США. Мы, филологи, тоже бегали послушать его рассказы о «свободном мире». Нам было с чем сравнивать –билеты на самолет и на поезд были дешевы, запросто можно слетать на пару дней в Москву, которая тогда была жутким городом, где я умудрилась в троллейбусе громко рассказать антисоветский анекдот. Пришла в себя только после толчка от друга и неприятных взглядов. В Ереване у нас такого не было – говори что хочешь, только не «злоупотребляй».

О Тбилиси и говорить не приходится – вечером в пятницу садишься в поезд, а утром ты уже в столице Грузии, в воскресенье - обратно. В Тбилиси тогда было хорошо, но для нас он был чужой, слишком грузинский, с его зашкаливающим национализмом и спесью столицы Кавказа. Правда, не для всех – выходцы из Тбилиси, да и из других мест были чужими в Ереване. Кстати, это сохраняется и до сих пор. Армяне вообще очень любят уточнять, кто откуда родом, и соответственно относятся к карабахцам, тбилисцам, гюмрийцам. В свое время все дружно ненавидели репатриантов- «ахпаров», хотя именно благодаря им, как уже было сказано, город стал походить на столицу – восточную, немного провинциальную, но все же столицу. Кто знает, что бы получилось из Еревана, не будь в нем этого смешения разных городов. Сейчас все так же дружно терпеть не могут карабахцев... На кого ополчатся завтра – неизвестно. Причем, эта черта присуща в основном выходцам из провинции, настоящий ереванец не будет делить людей по местечкам. У него своя градация –не всегда главную роль играет место рождения.

За окном мелко сыпал снег, и до весны еще далеко. Город затих, а может это просто шум тонет в снежном покрове. Все получается не так, как хочется, а как должно – от судьбы не уйдешь. В «Поплавке» за столиком сидел одинокий художник. Он приходил почти каждый вечер, зачастую даже не заказывал кофе – сидит и слушает музыку. Сидит долго, до закрытия. В 70-е годы он наверное был «хиппи», у него до сих пор длинная грива и борода. Он просто сидит и слушает джаз. Наверное, эти ребята больше играют для него, чем для других.
“Джаз рассказывает нам о своих горестях. А всем на это наплевать. Вот этим-то он и хорош”, - сказал как-то Эрик Сати.

Мы тогда не предполагали, что через пару десятков лет эти посиделки станут частью культуры города, а самые талантливые и удачливые все же выбьются в люди. Ребята, самозабвенно играющие джаз и рок в кафе и ресторанах, вдруг стали живыми классиками. Только сейчас стало ясно, какие они все были молодые, талантливые, красивые и ... смелые. Они играли, рисовали, писали неплохие вещи.

Все делалось шутя, играючи и казалось, что ничего невозможного нет. Так оно в итоге и получилось. Но... как всегда есть «но» - никто из теперешних «динозавров» не считал, что делает что-то из ряда вон выходящее. Потому нет и записей – кому они нужны? Как говорил Симон Терян: «Не могу я стоять в наушниках в какой-нибудь студии и записываться. Мне нужен зал, зрители, их глаза, кто-то конкретный, для кого я пою». И это не только он, многие так думали. И получилось так, что сейчас записи 70-х – большая редкость за исключением пары пленок, которые были записаны просто так, несерьезно.

Сейчас они ездят на иномарках, довольно обеспечены, полуголодную молодость иногда вспоминают, как нечто далекое и даже нереальное. Иногда кажется, что сытая жизнь их несколько испортила - они изменились. Некоторых, может, испортила, но опять же, не мне судить. Большинство при ближайшем рассмотрении остались все теми же- всегда готовы прийти на помощь, а что играют или делают – так оно и должно быть... Как тут не упомянуть «звездочек-однодневок», не успевших вылупиться, как уже с собственными записями, апломбом, сознанием исключительности.

Еще тогда, в 70-х действительно казалось, что вся страна идет в одну сторону, Армения – то есть Ереван – в другую. Именно с тех пор и укоренилось в нас неприятие всего того, что позже стало называться «совковостью». Это было не диссидентство, это был образ мышления. Армяне вообще по жизни диссиденты – им никогда не нравится власть – какая бы она ни была.

В прошлом музыки было много, в ней тоже было что-то от диссидентства. Одно время пошло повальное увлечение русскими романсами и Окуджавой. Тогда же из небытия возник Булгаков – «Собачье сердце» перепечатывалось на старенькой «Украине», последняя копия едва прочитывалась, но и ей были рады. Где-то полгода подряд мы говорили исключительно цитатами из него. «Мастера и Маргариту», равно как и «Доктора Живаго» уже читали в нормальном издании «Посева».

Удивительное было время: в клубе КГБ крутили голливудские фильмы, в том числе «Крестного отца», «Историю любви», мультики про Микки Мауса и Белоснежку. А на бюро комсомола песочили за «неподобающий советскому человеку стиль одежды». Под одеждой, естественно, подразумевались джинсы. Носили только Wrangler и Levi's – других просто не было. Потом рынок наводнили итальянские джинсы по 100 рублей – страшно дорого по тем временам, но весь Ереван ходил в них. Помню, Марк привез из Чехословакии полосатые джинсы – вообще диковинка, ибо джинсы должны были быть синего или голубого цвета. А про памятник Микаелу Налбандяну остряки замечали: «Писал о свободе, а его связали и поставили между КГБ и МВД».

А потом - комсомольские инструкторы стали «отцами нации» и чуть было не потеряли страну. Потом была война, холод, разруха. Было страшно от очередей за хлебом, от бесконечной темноты, от неудач на фронте. Иногда казалось, что беззаботная жизнь осталась где-то далеко, ушла безвозвратно, оставив только воспоминания. В 1994-м стало не до воспоминаний, и все мысли были о том, как выжить, не сломаться. Десять лет тому назад казалось, что прозябание никогда не закончится, и мы до конца своих дней будем стоять в очередях за мокрым и непонятного цвета хлебом и ждать электричества на полчаса. Но Бог в очередной раз спас нас. А может и не Бог, а мы сами, поняв, что можем потеряться, исчезнуть, как потерялись и исчезли многие до нас. Начался медленный тяжелый возврат к жизни. Мы победили и первый раз за последние тысячу лет, отвоевали свои территории. Наконец армяне поняли, что можно побеждать и заставить с собой считаться.

Недавно бродя по вечернему Еревану, вспомнились зимы 1993-95 го – страшные, темные, опасные, когда на улицах по ночам стреляли. В 1995 году INTERNEWS организовал самый первый семинар для тележурналистов. Жили мы, приехавшие из Гюмри, Ванадзора, Аштарака в гостинице «Ани», где был свет и горячая вода. Один из учебных репортажей был об энергетическом кризисе: жуткие кадры - люди у костров, мертвый, потухший город. Было ощущение, что так будет всегда. Но... Сначала появился свет – и это уже стало поводом для радости. Тихо-тихо стали выползать из углов старые знакомые, город постепенно очищался от грязи и смрада. Стали открываться кафе и вместе с ними – новые лица. Правда вперемешку со старыми. Теми, кто остался.

«В Грузии нет джаза, музыка у них не располагает к импровизации. Вот Азербайджан и Армения – это другое. И здесь и там все построено на импровизациях народных мелодий. Весь секрет в этом. Но у нас тоже перебарщивают – Summertime и Take 5 стали армянскими народными песнями. Кто только их не поет и не играет...»

Положим, в Грузии нет не только джаза, там много чего нет. Надо просто пару дней прожить в Тбилиси, чтобы понять, где ты живешь...

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Есть на свете города красивее и ухоженнее, только вот Ереван, как это ни будет звучать странно для многих, город, без которого трудно жить. Наверное, как и парижанину трудно без Парижа, истинному тбилисцу без Тбилиси, так и нам, ставшими ереванцами. Я говорю не о тех, приехавших, для которых родина, родной город и родной, довольно грязный подъезд ничего не значат. Это я говорю тебе я, ты меня поймешь. Ереван иногда бывает отталкивающе неприятен, просто не знаешь, куда от него деться. Но стоит выехать за черту города и... начинается депрессия. Тебе не хватает Города.

Пишу это все я тебе из Тбилиси- города, между прочим, не худшего, а может в свое время превосходившего Ереван. Как-никак столица Кавказа: и архитектура здесь другая, и магия бесчисленных улочек – не мне об этом тебе рассказывать. Но вот скучно в Тбилиси. Мне скучно. В номере гостиницы телевизор ловит массу каналов и даже 1-й армянский. Я, ты знаешь, в Ереване вообще почти не смотрю ни один армянский канал, здесь буквально впииваюсь в экран – как там на родине, в Ереване. За окном идет дождь, идти некуда и неохота, тем более гостиница довольно приличная. Времени навалом и лучшего занятия, чем писать письма просто не придумать. А тем более о Ереване, который отсюда кажется таким далеким, что страшно.

Ты явно помнишь, что в Тбилиси просто так посидеть невозможно ни зимой, ни летом. Негде. Здесь другая культура – или ты сидишь и наливаешься вином, поглощая невероятное количество еды в ресторане, а потом болтаешься по Руставели. Или ты делаешь то же самое дома, потому что в ресторанах все очень дорого. Зарплата маленькая, а пачка сигарет стоит \$1,5. Самые дешевые сигареты – армянские – по доллару пачка. Может они так борются с курением, кто их знает?

Сижу и мечтаю: вот оказаться бы в Ереване, пройти по проспекту по колено в лужах и пусть какой-нибудь идиот окатит тебя с ног до головы. Ну, выругаешься, отряхнешься и пойдешь дальше, куда ноги поведут. А поведут они явно к ближайшему кафе, где можно посидеть, отогреться – ведь у нас

всегда холодно, а в Тбилиси снег – национальная катастрофа. Посидишь, выпьешь чашечку кофе, а там глядишь – и знакомые подошли, посидели, вот и время прошло. Вроде бы бесцельно, а на самом деле – в родном городе. После этого можно и в Тбилиси или еще куда-нибудь...

Мне тут явно возразят, нет того Еревана, нету, испарился, вроде и не было, все сейчас по другому. Да нет, есть. В конце концов, мы же сами себе придумываем город, заселяем его друзьями и близкими. Главное, было бы кем заселять. Народ же есть, никуда он не делся – просто времена изменились, а мы с тобой упорно не хотим меняться. Или я ошибаюсь?.. Может этот придуманный мною город действительно не имеет ничего общего с тем Ереваном, в котором мы живем. По Городу мы ходим раз и навсегда затвержденным маршрутом, киваем знакомым и вдруг понимаем, что придуманного мало, все в настоящем. Ничего, что знакомых мало, главное, что они еще есть.

Одним словом, в Тбилиси скучно. Уже нет того «интернационала», нет тех тифлисских дворов, где говорили на разных языках и даже на грузинском. И все понимали друг друга. Сейчас говорят только на грузинском и очень часто не понимают друг друга. В Ереване все говорят на своем языке и пока друг друга понимают. Может от моноэтничности. Мы же крайне закрытая нация, никого к себе не впускаем, а если и впускаем, то быстренько превращаем в армян. Еревану пока трудно перемалывать все в одно целое, но все к этому идет. Ереванец уже во втором поколении воспринимает себя только ереванцем и никем иным.

Дождь уже превратился в снег, но гулять все равно нельзя – слишком поздно, а в Тбилиси поздно вечером не гуляют...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Пошли отведать настоящую грузинскую кухню. Ты ее знаешь – все очень вкусно, если сделано правильно. И тем не менее, в уме все время был Ереван и дурное настроение, выразившееся в двух словах: хочу домой!

Ты знаешь, как для меня трудно уезжать из Еревана, тем более, что тебя держит тысяча нитей, разрыв хоть одной из них болезненная штука и может привести к глупостям. Странное дело, даже тифлисская теплынь после противного ереванского мороза действует отрицательно.

Снег все идет и можно усмотреть в этом случайность, но как ты любишь говорить, любая случайность – закономерность и если тебе очень хочется, чтобы что-то случилось – это обязательно будет.

По тбилисскому времени уже полночь, значит у нас уже час ночи – время расходиться по домам.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Снег еще идет и если смотреть с пятого этажа нашей гостиницы, то заснеженный проспект Руставели немного напоминает Ереван. Кстати, здесь есть один поворот, который в ночное время в точности похож на угол мединститута. Скажу тебе по совести – ностальгия очень неприятная штука: она гложет и давит, приводя мысли в хаос, а чувства – в полный раздрой. А самое грустное то, что с собой нет музыки. Но слава Богу, остался один день, который, я очень надеюсь, пройдет быстро, и уже скоро начнется ереванская круговерть. А пока лежишь и представляешь: вот иду я по вечернему городу,

холодно, но не так уж и страшно, потому что скоро конец прогулки и есть где отогреться.

Вынужденные отлучки делают человека оптимистом, тем более отлучаешься ты на время, а возвращения ждешь с радостным нетерпением.

Заснеженный Тбилиси – явление довольно редкое, но так приятно пройти по снегу, естественно представляя родной город. Боже ты мой, как это все-таки тяжело и даже страшно – во всем искать родные приметы, освещение.

Февраль 2005 года.

В Ереване, конечно, тоже холодно и снег. Но весна уже чувствуется. Пока что-то неуловимое, еле заметное, но есть: уже не так тоскливо по вечерам, и день стал длиннее. Понемногу прибавляется народ в кафе, выползают на свет божий те, кому зима в тягость. Еще каких-нибудь двадцать дней – и все. Короткая армянская весна, которая мгновенно переходит в лето. Единственное, чего нет в Ереване – так это весны. Идешь по проспекту Баграмяна – деревья стоят грустные, серые, буквально через день – все зеленое, буйное, кажется и зимы-то не было! Весна – прекрасное время года, на солнышке все по-другому: и жизнь приятнее, и сюрпризов больше.

Странное дело – то ли аура у этого города другая, то ли еще что-то, но никакие мировые потрясения особо его не волнуют. На моей памяти один раз Ереван по-настоящему поднялся на ноги: 20 февраля 1988 года, когда решалась судьба нации. А так... время от времени собирают с деревень народ, он пошумит, и все опять возвращается на круги своя. Истинный ереванец не пойдет митинговать – ему это не надо. И голосует он с неохотой. Просто истинных ереванцев осталось слишком мало, их голоса и воля ничего не решают.

В далекие 70-е казалось, что для полного счастья почти ничего не нужно – только бы разрешили заниматься любимым делом, играть и слушать свою музыку, читать то, что хочется, и втайне ждать, когда Союз развалится. Дождались, развалился – и Ереван в одночасье перестал быть городом. Нет, что-то конечно осталось, но это уже было не то. В гонке на выживание и кусок хлеба многие изменились, исчезли, чтобы потом, когда закончилось страшное время, вылезти из углов. Оказалось, что многие ценности, которые мы все исповедовали, стали ненужными, не ко двору.

Джазмена однажды спросили: куда идет джаз? “Если бы я знал, — ответил он, — я был бы уже там”.

Джаз — явно не тот тип творческой деятельности, который следует выбирать, имея в виду долгую, здоровую и благостную жизнь. Если бы кому-нибудь пришло в голову учитывать джазовое музицирование в соответствующей статистике, профессия джазмена попала бы в десятку самых «вредных». Наиболее популярны здесь три вида закончить свой жизненный путь и музыкальную карьеру: наркотики и пьянство, автомобильные катастрофы, а если уж болезни — то такие, чтобы выжало, выело и унизило до конца. По крайней мере, так было, покуда джаз был настоящим.

Я просто сижу и уже 40 лет играю джаз. Больше я ничем не занимаюсь.

Симон Терян: В его пальцах солнце

Генрих Игитян: По моему личному мнению, Малхас в джазе является тем, чем был Минас в живописи, Параджанов в кино и Довлатов в литературе.

Джаз в Армении не просто джаз, а состояние души, если хотите, целый пласт городской культуры. Джаз в Ереване был всегда – по крайней мере для нас, чью юность в серые застойные годы скрашивал состав Малхаса, звучавшее в «Крунке». Там подавали жуткий кофе и прекрасное легкое вино «Гетап» по 87 копеек, там слепило глаза от сигаретного дыма, там официантками служили строгие, но снисходительные тетушки неопределенного возраста.... но там собирались друзья, бурлили споры, травили анекдоты, из рук в руки передавался «самиздат» и ... звучала музыка.

Эту музыку играли Малхас, Кока Бакунц, Алик Захарян и Армен «Чико» Тутунджян. Мы уже тогда знали – такого джаза нет нигде в Союзе! С годами жизнь изменилась. Кофе стал лучше, тетушек-официанток сменили длинноногие томные дивы, на месте «Крунка» обосновался центр «Текеян». Зато Джаз, наш Джаз – остался. Правда, из «Крунка» образца 1966 года он переехал в «Поплавок» 90-х. Но «Поплавок» ведь тоже – из тех, наших времен... Хотя с 1997 года и он изменился. Теперь он респектабельно сияет иллюминацией и сбивает с ног ценами. Но это все мелочи... Здесь сидит Малхас и играет джаз, и мы, как много лет назад ходим слушать его игру.

Армянский джаз – это больше чем музыка, это стиль поведения, образ мыслей, естественно с неким восточным колоритом, но это все-таки джаз. Сейчас его играют, наверное, больше, чем годы назад. В том же «Поплавке» работает семь составов, сменяя друг друга каждый вечер.

Начиналось все в далеком 1938 году с джаз-оркестра Артемия Айвазяна. Ереванский джаз был первым на Кавказе. Потом уже были Баку, Тбилиси, Степанакерт с прекрасным джазменом Гарри Бархударовым. В 1956 году в оркестр пришел Константин Орбелян, при котором оркестр объездил почти весь мир. Роберт Еолчян, Мартин Вартазарян, Аксель Бакунц, Симон Терян, Лола Хомянц, Татевик Оганесян, Армен Мартиросян и много-много других – я называю первые пришедшие на ум имена.

Это было время, когда мы охотились за дисками и доставали по любой цене Оскара Питерсона, Каунта Бейси... В 70-е годы джаз несколько уступил року, но как оказалось, всего лишь на время. Джаз-бэнд Армении под управлением Константина Орбеляна был одним из лучших в Союзе, и визитной карточкой оркестра был бессмертный «Караван» Артемия Айвазяна.

В этом длинном и почетном ряду стоит и Левон Малхасян, в просторечии Малхас. Когда задумывалась эта статья к 60-летию джазмена, Малхас просил, чтобы в ней было поменьше его и побольше джаза. Но писать в наше время об армянском джазе, не упоминая его, не очень-то получается. Так лучше пусть говорит он сам:

ДЖАЗМЕН

Что же такого особенного в армянском джазе?

-В Армении повсюду горы. Мы остро чувствуем барабанный ритм. Ведь джаз родился в ритме африканских барабанов. А в остальном я не вижу особых отличий армянского джаза. Хотя, когда приходится играть где-нибудь за границей, меня сразу вычисляют как восточного пианиста. Сам удивляюсь, вроде никаких восточных сладостей я не делаю?

РАЗВЛЕКАТЕЛЬ

-Терпеть не могу, когда меня называют отцом армянского джаза. Я просто основал малые составы. Первый – в 1963 году в Брюсовском институте, где я учился, но ни дня в своей жизни не проработал филологом.

У него до сих пор нет никакого музыкального образования и в том, что касается нотной грамоты, он, по собственному признанию «полный ноль». Но грамота – грамотой, а джаз джазом. Первый состав так и назывался «Трио Левона Малхасяна». «В 1970-м на всесоюзном фестивале джаза в Куйбышеве стали лауреатами. С того года я начал отсчет своей джазовой карьеры". В том первом составе играли Артур Абрамян (контрабас), Армен «Чико» Тутунджян (барабаны) и Левон, потом трио превратилось в квартет с саксофонистом Аликом Захаряном.

Потом... была война, блокада, холод и никто не мог подумать, что в Армении может возродиться джаз. Это было как на другой планете, или как любит говорить Малхас: «Весь земной шар вертится в одну сторону, Ереван – в обратную». Это применительно и к джазу. Кстати, все настоящие джазмены всегда называют себя entertainer, то есть "развлекатель", человек, доставляющий радость.

СТАРЫЙ СТОРОЖ

-На юбилеях чувствуешь себя покойником - сидишь на сцене, весь в цветах, на занавесе какая-то бронзовая цифра...Ужас!

-Я всю жизнь провел в Ереване. Объездил более сорока стран, но всегда возвращался домой, какие бы заманчивые предложения мне там не делали. Я один из старых сторожей - караулю свой город. Много народу отсюда уехало - кто в Штаты, кто в Европу, кто в Москву. Если я уеду, то кто останется? Здесь в "Поплавке" уже семь лет я встречаю друзей со всего света. Это моя сторожевая будка. Я родился в Ереване. Наверное, самое важное, что я и живу в этом городе. Я живу и играю музыку. Я играю ту музыку, которая говорит то, что я хочу сказать, то, о чем я мечтаю, то, что я доверяю только своим ближайшим друзьям.

В 1998-м году фирма ART-JAZZ, президентом которой, естественно является Малхас, организовала первый джазовый фестиваль в Ереване. На сцене филармонии играли составы из Штатов, России, Франции, Словакии, Швеции, Грузии. Ночные джем-сейшены - в "Поплавке". Та же история повторилась и в 2000-м году. Джазмены приехали из одиннадцати стран вместе с легендарным Чиком Кореей. Следующий может состояться в 2006 году – так по крайней мере предполагается. А пока... В «Поплавок» заглядывает и президент страны с гостями, сам большой любитель джаза. «Как же ему не любить джаз – в Степанакерте был отличный джаз, в Баку тоже. Когда у Орбеляна не хватало солистов, он за ними отправлялся в Баку или Тбилиси», - говорит Малхас.

ЕРЕВАНЕЦ

Ну а «Ереванский вальс» знают почти все – он очень романтический, ностальгический и в то же время очень ко двору сейчас, когда город постепенно возрождается.

-У этого вальса интересная история. Много лет назад мы сидели в "Поплавке" с моим другом, тоже Левоном до четырех утра. Пили, разговаривали. И решил на посошок сыграть. Еле добрался до рояля, отвел душу. Поднялись - поздно, расходиться пора. И вдруг в пустом зале появляются три фигуры. Один из

"призраков" представляется режиссером, говорит, что снимает фильм про Ереван и уже год не может подобрать музыку. Это был Микаел Погосян. Потом просит сыграть еще раз тему, которую я только что сочинил. Сказал, что попробую. Аранжировка оркестровка, говорит, это уже не ваше дело. Опять еле-еле доплелся до рояля, сыграл. Наш режиссер все записал на обычный диктофон. Мелодия, и вправду, стала лейтмотивом фильма "Ереван-джан". Единственное, что я тогда попросил, чтобы меня не представляли в титрах как композитора. Какой из меня композитор? Я просто музыкант. У меня руки как у дальнбойщика, это разве руки пианиста? Знаменитый боксер Борис Лагутин даже спросил, занимался ли я в молодости боксом или борьбой.

Он коллекционер: пластиковые пакеты, зажигалки, ручки – его слабость. Любимый писатель – Сергей Довлатов. Из напитков признает только водку, все остальные - пренебрежительно называет «парфюмерией». Любит развлекать друзей афоризмами, шутками - все к месту, одномоментно. Кто еще может в пять утра сказать: «Ереванцы должны быть дома до того, как небо посветлеет». Или же летом, когда в «Поплавке» не то что сидеть, стоять негде – «тут как на таможне в Садахло». Поймет это только армянин и обязательно ереванец. У него есть медаль «Мовсеса Хоренаци», но по настоящему он гордится красной книжечкой - "Почетный гражданин Еревана".

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

... В студенческие годы я ничем не отличался от многих джазовых фанов. А началось все с радиозфира, с программы «Time for jazz», бессменным ведущим которой на протяжении почти 40 лет был известный джазовый комментатор и критик Уиллис Конновер. Благодаря этой передаче я впервые услышал игру Оскара Питерсона. Игра великого пианиста меня потрясла. Так я серьезно и на всю жизнь «заболел» джазом. Питерсон оказал на меня как пианиста серьезное влияние, он — мой первый и единственный учитель, хотя об этом, естественно, не знает. В моей коллекции — около 130 виниловых дисков этого замечательного музыканта, которые я бережно собирал на протяжении многих лет.

...В 1963 году контрабасист Артур Абрамян, Армен Тутунджян-Чико (ударные) и я создали первый в Армении малый джазовый состав. Это трио, в котором, к слову, я был единственным непрофессиональным музыкантом, зародилось в стенах Брюсовского института. Спустя некоторое время трио Левона Малхасяна превратилось в квартет — к нам присоединился саксофонист Алик Закарян (сегодня он — один из ведущих московских джазменов). Этим составом мы и поехали в 1970 г. в Куйбышев, на 1-й Всесоюзный джаз-фестиваль. Это было первое выступление армянского малого джазового состава за пределами Армении. Но первый блин, как говорится, не вышел комом. Алик Закарян получил приз лучшего саксофониста фестиваля, я же поделил приз лучшего пианиста с музыкантом из Одессы Файнбойном. Спустя 2 года мы добились еще большего успеха, на этот раз на джазовом фестивале в Воронеже. Наш квартет подготовил всего одну композицию — шаракан VII века в джазовой обработке, запись которой, к сожалению, не сохранилась. Наша джазовая сюита удостоилась главного приза фестиваля. Это был действительно большой успех, тем более, что жюри возглавлял такой корифей джаза, как Анатолий Кролл. Наши успехи воодушевили других молодых армянских джазменов. Мы ведь были не единственными, в Армении было много талантливых джазменов, особенно пианистов: Давид Азарян, Арташес Карталян, Рубик Амирбекян, Котик Петросян, да всех и не перечислишь. Так с нашей легкой руки в Ереване

появились многочисленные джазовые «островки» — так называемые комбо-составы: трио, квартеты, секстеты.

...Концертировали мы в те годы не часто — лет сорок назад джаз в Армении не был серьезно востребован. Чтобы как-то продержаться, играли в кабаках, ресторанах. Я совершенно не стесняюсь говорить об этом нашем кабацком периоде. Многие джазмены начинали так, да и джаз, собственно, родился в нью-орлеанских кабаках.

...Лет 25 назад в ресторане гостиницы «Ани» мы сыграли прекрасный джем-сэйшн с оркестром самого Би Би Кинга. А было это так. Мы отработывали нашу вечернюю программу. В это время в дверях ресторана появился Би Би Кингсо своими ребятами (в дни ереванских гастролей музыканты проживали в гостинице «Ани»). Увидев нас, они вернулись в свои номера, принесли инструменты — кто гитару, кто тромбон, кто трубу — и без лишних слов подсели к нам. Это было потрясюще. Наш джем-сэйшн продлился более 4 часов.

...Первый в Армении джаз-фестиваль я организовал в 1985 г. Фестиваль был довольно представительный — в нем участвовали музыканты из 23 стран Союза. Кстати, этот фестиваль стал дебютом Сергея Манукяна — это я его откопал где-то в Прибалтике и пригласил в Ереван. А сегодня его называют «легендой российского джаза». Через год мы провели второй джаз-фестиваль — «Джазовая панорама-86». Так Ереван заявил о себе как о фестивальном городе, городе с джазовыми традициями. Затем наступила 10-летняя пауза, связанная с известными событиями — землетрясение, война.

Джазовая жизнь в Ереване оживилась с появлением, вернее, вторым рождением любимого ереванцами «Поплавка». Гарегин Нушикян, президент ассоциации «Нушикян» (он и его брат Вачаган — истинные ценители джаза, они внесли серьезный вклад в организацию ереванских международных джаз-фестивалей 1998 и 2000 гг.), предложил мне работать в «Поплавке». Первое время я выступал один, затем постепенно стал приглашать других музыкантов — Ваага Айрапетяна, Чико, Карена Гасаряна. И — пошло-поехало. Сегодня в «Поплавке» (к неудовольствию любителей попсы и рабиса) звучит только джаз, здесь работает уже 7 оркестров. За это время в Армении выросло целое поколение талантливых джазменов. Кстати, многие из них, будучи еще совсем зелеными юнцами, начинали у меня в «Джаз-клубе» еще в 1983 г

....Убедившись в том, что джаз в Армении уже достаточно популярен, мы решили замахнуться на международный джаз-фестиваль. Фестиваль 1998 г. удался на славу. В нем участвовали великолепные музыканты из Нью-Орлеана, Франции, России, Грузии. «Гвоздем» же программы было выступление знаменитого состава «New York voices». После второго джаз-фестиваля 2000 г. международная фирма «Bohem music» включила Ереван в список городов, проводящих джаз-фестивали. Мы очень разборчивы в выборе участников фестиваля. Главное для нас сегодня — уже не география, а качество исполняемой музыки. Да пусть будет белый, но прилично играет «черный» джаз...

...Конечно, я жалею о том, что не имею музыкального образования. Это серьезный пробел. Классическое музыкальное образование позволило бы интереснее играть. Хотя я знаю многих американских джазменов, которые, не зная нот, творят чудеса. Импровизации невозможно научиться, здесь тебе никакая консерватория, никакие ноты не помогут. Другое дело, что ты, имея классическое музыкальное образование, можешь обогатить свою информацию,

свою игру более интересными элементами, фрагментами, цитатами. Умение импровизировать должно быть от рождения — или оно есть, или его нет. Это дар свыше. Конечно, по нотам можно исполнить очень сложную джазовую пьесу, но потом ты остаешься наедине со своей философией, жизненным опытом, знанием инструмента...

Жизнь моя — сплошная импровизация, такая же скачкообразная, как джаз. Единственное, в чем я был и остаюсь последовательным — в пропаганде джаза, организации этого самого «поплавочного состояния». Статус, должности с их привилегиями никогда меня не прельщали — это все не для меня. Для музыканта, тем более джазмена, самое главное — свобода, свобода творить. Мне не раз предлагали какие-то там директорские посты, но я всегда отказывался. Единственное, на что я согласился — стать президентом компании «Jazz -Art», да и то это — сугубо символическая, неоплачиваемая должность. Моя свобода стоит гораздо дороже того, что мне время от времени предлагают.

Между тем сносятся старые дома... Предполагал ли Александр Таманян, что могут сделать его «наследники» из спроектированного им «города мечты»? Наверное, нет. Но вообще-то Город, каким бы он ни был: красивым или уродливым, остается родным для всех, кто не мыслит себя без Еревана.

И БЫЛ В ЕРЕВАНЕ АНГЛИЙСКИЙ ПАРК...

В 30-х годах сад в центре Еревана назывался Английским. В основном это были дубы, от которых сейчас мало что осталось. Самые старые уже превращены в декоративные украшения сада. Сад всегда играл в жизни ереванцев особую роль. В сени его деревьев выросло не одно поколение ереванцев: прятались в тени его деревьев от палящего зноя, объяснялись в любви... впрочем, немного терпения... Название любимому саду, как водится во времена перемен, поменяли - он стал парком им. 26-ти комиссаров. Вход в сад стоил 10 дореформенных рублей, то есть 10 копеек. К вечеру собирались в нем любители танцев. Кстати, там играл один из лучших духовых оркестров Еревана и там начинал свою карьеру Рафик Бейбутов, которого потом Артемий Айвазян забрал в свой Джаз-оркестр. (Уже потом в 70-е Рашид Бейбутов уехал в Баку). И, ох уж эта мода: девушки приходили на танцы в умопомрачительных полупрозрачных кофточках из нейлона, а парни - в брюках-дудочках. В разгар веселья на площадках появлялись вездесущие дружинники, охраняющие, порядок и нравственность. Возмущенные блюстители порядка уводили любительниц танцев за полупрозрачные кофточки в милицию. Представляете, сколько у «хранителей морали» сейчас было бы работы!

Это был настоящий парк культуры и отдыха – карусели для детей, 2 кинотеатра – повторного фильма и летний, теннисные корты, на которых проходило первенство СССР, библиотека, аттракционы для взрослых.

На краю сада и тогда находилось здание театра. В начале пятидесятых оно сгорело, на смену ему возвели нынешнее с зимним садом, что стало особой гордостью ереванцев. А сразу за театром впоследствии, в те же 50-ые, а затем и в 60-ые собирались библиофилы. Наверное, все мы помним, как трудно было достать приличную книгу. Вот в Английском и книгу можно было достать, и обменяться печатными изданиями, и поговорить о достоинствах и недостатках любимого автора.

К полудню, около памятника Пепо, собирались старики, группа этак человек в 15 - 20. Они начинали рассказывать истории в стиле гусанских песен. Старики соревновались, и бывало, что переносили завершение «спора» на следующий день. Один из моих знакомых рассказал, что был свидетелем «единоборства» двух таких

вот «божьих одуванчиков». Темой его стало количество строк в одной из глав «Давида Сасунского»: один из них утверждал, что 35, другой был уверен в 34. За точность не ручаюсь, за давностью лет. Так вот, чтобы доказать правоту, старики читали по памяти «Давида Сасунского» к вящему удовольствию слушателей.

Там же, рядом с театром находился популярнейший и единственный в Ереване ресторан «Масис» - все остальные рестораны входили в систему той или иной гостиницы. Славился «Масис» и тем, что при нем действовала школа официантов, которых обучали специалисты из Москвы и репатрианты. Позже в «Масис» ходили специально пить кофе Татоса - мастера, виртуозно варившего этот божественный напиток. В 80-ые Татос ушел работать в Дом журналиста и вслед за ним туда перекочевали его поклонники.

А невинные сборы стариков-сказителей переросли в шумные сборища, этаким Гайд-парк, где представители разных возрастов шумно обсуждали футбольные матчи, убеждая себя и каждого в том, что именно он и никто иной, является наилучшим знатоком этого вида спорта. С такой же «яростью» обсуждались и партии шахматных турниров, особенно, если в них принимали участие армянские мастера. В 60-ые годы кому-то из партийных функционеров, побывавших в Венеции, сад показался вполне приемлемым для сооружения «армянской Венеции», тем более рядом у «Масиса» был свой артезианский колодец. Вырыли каналы, пустили воду, а студенты готовились стать гондольерами... Только что-то не заладилось в системе, и вода зацвела. Над парком загремел хор лягушек, и появились комары. Канавы засыпали, о них сейчас напоминает только небольшая лужа у кафе, притулившегося у края парка.

В трудные годы толпа знатоков спорта поредела, политические проблемы обсуждались у Оперы. Хотя завсегда там свой сад не оставили, но по-деловому обсуждали насущные проблемы: какое дерево лучше горит, чайник закипает в 15 минут, если печь топить только бумагой. А на ступеньках театра им. Сундукяна сидела аккуратненькая старушка, готовая за небольшую мзду рассказать каждому желающему очередную серию одной из первых мыльных опер - «Просто Мария». Света не было, движки были не у всех, а знать содержание хотел каждый. Но, честно говоря, платили скорее из восхищения перед находчивостью бабушки. Многое видел старый парк. Сейчас от зеленого любимца остались «рожки да ножки» - всего лишь небольшой пятачок. От него, как от большого пирога, отрезали по кусочкам на всякие новые «надо». Большую часть передали французскому посольству, кстати, именно за эту часть сада можно не беспокоиться - ничего не вырубят, сохраняют. Какую-то часть заняла новая гостиница «Конгресс», что-то пошло на расширение проезжей части улицы. А в дальнем углу опять стройка, и неизвестно - опять ли что-то отрежут от сада или все же оставят в покое.

Гайд-парка давно уж нет, как, впрочем, нет и футбола, над которым можно было бы страстно помечтать. Ушли в прошлое и старички-поэты, нынешние как-то очень грустно и неторопливо обсуждают политические новости или щелкают зарами нарды. Звонко шлепают в бассейне фонтана мальчишки, и никого не стесняясь, обнимаются влюбленные. И очень хочется надеяться на то, что опыты над садом закончились. И его оставят нам всем хотя бы таким, как сейчас...

НЕПРИДУМАННЫЙ ГОРОД

Ереван меняется – сносятся старые дома, благоустраиваются улицы. Вечерний город светится всеми мыслимыми огнями. Но от «розового Еревана» почти

ничего не остается. Не получится ли так, что любимый город станет таким же безликим, как и любой мегаполис мира. Или что еще хуже – типично восточным городом- базаром... А может мы сами его придумали, этот «розовый город»? Наверное, все же не придумали и по-другому нельзя. Иначе, нашего Еревана не будет, он растворится в безликой и бесцветной массе мест обитания, по ошибке именуемых городами.

МАРТИН ВАРТАЗАРЯН:

Город был. По улицам ходили духовые оркестры, они играли во всех парках – вот восторг был для детворы! Была другая атмосфера. Мне очень жаль гостиницу «Севан», улицу Абовяна. Ведь ее можно было сохранить в таком виде, в каком она была – все было из черного туфа, это была красота и это действительно было лицо этой улицы. Сейчас этого нет. Вот в Германии, отношение к тому, что было создано до них, очень правильное. Они сохраняют архитектуру, внешний вид, а внутри пожалуйста, меняйте.

Самое главное человеческие отношения. Они стали поверхностными. У многих мысли свелись к банальному: а что я буду иметь с него, а он с меня? Я помню, когда моя бабушка получала от сестры моего отца из Степанавана два кулька яблок. Она спускалась с пятого этажа, раздавала всем соседям по яблоку, поднималась домой и 2-3 яблока оставалось нам.

У нас был сосед, у которого было несколько ульев и когда он делал мед, говорил всем: принесите стаканы, но не граненые и не большие, а то всем не хватит. На первом этаже у нас жил заядлый рыбак, он ездил на мотоцикле, ловил рыбу и раздавал каждому по две рыбки. И вот их мы ели с удовольствием. Нет, мы не были голодны, просто у этих рыбок был какой-то особый вкус. Это формировало отношение – поделись. Сейчас я не уверен, что это так. Если бы я не родился и не вырос бы в Ереване, вот просто приехал бы, посмотрел вокруг и сказал бы: «О-о, как красиво строится, как хорошо, прекрасно». Но так как я родился и вырос в Ереване, то мне многое причиняет боль. Я уже не говорю о постаменте памятника Ленину или о том, что ставшая символом Еревана «кукуруза» будет разрушаться – а ведь это действительно красивая архитектурная мысль. Это творение архитектурного искусства. Может там технические огрехи, может там санузел не на уровне, но к архитектуре это не имеет отношения. Этого тоже будет очень жаль. Очень много жаль.

Но жаль тем, кто действительно, еще раз повторю, родился и вырос в Ереване. Если говорить об атмосфере, то, конечно, атмосфера изменилась, стало больше жесткости, стало больше какого-то недоверия, опаски и это тоже тревожит. Я не говорю «обидно», потому что обида это не категория. Но та атмосфера, которая была в Ереване, будь то в одном доме, на одной улице, в районе, будь это по всему городу – она, к сожалению, изменилась.

И вот определенная «деловитость» что ли, привела к тому, что мы потеряли что-то очень важное, а взамен ничего не приобрели. Отсюда и возникает духовная пустота. Даже детские забавы, которые – не будем говорить о цене, если они и имели цену, то чисто символическую, сейчас стали менее доступны. И потому я вижу не очень много веселых детей. Это тоже тревожит. Меня тревожит «громкость» молодежи, потому что этому поколению, которое будет воспитывать следующее поколение, трудно будет что-то сформировать, определить устои. Возможно, это идет не столько от семьи, потому что каждый хочет видеть своего сына добрым, порядочным, благожелательным.

Но в этой атмосфере добрый, благожелательный не выживет и еще тревожит то, что действительно повысился процент самоубийств. Тревожит еще и то, что люди рассчитывают на сиюминутный какой-то успех – будь это от лото, будь это от родственников за границей, а сами ничего не делают. Не только не хотят, но и не могут. Я буду говорить о той сфере, которая мне ближе всего – об искусстве, о музыке. Если композитор что-то писал, то он знал, что его произведение будет исполнено, это будет оценено, это будет приобретено, и не секрет, что музыкант существует за счет своей работы. А так - выходить на рыночные отношения, встать на углу и говорить: кто хочет ре-минорный квартет. Подойдут и спросят: а фа-мажорного нету?

Я не говорю о личностях, но знаю, что министерство культуры может обратить на это внимание. Народное творчество тоже перестало существовать, из ремесла превратилось в бизнес. Все превращается в бизнес и отсюда вроде бы на первый взгляд на сегодня ненужные вещи, имеющие определенную ценность, исчезают. А ведь был дом народного творчества, куда я с гордостью водил приезжавших в Ереван друзей, знакомых, коллег. Приезжали из других республик и это тоже стимулировало творчество, расширяло угол зрения. Не только в записях, видео, но и в личных контактах формируется человек, мировоззрение этого человека. Если я показал свою музыку африканцу, и услышал его музыку, то обогатился, и он, и я. Сегодня этой возможности нет. При всем техническом разнообразии и доступности есть деградация, потому что обратная сторона технического прогресса – это деградация человека. Вспомните, что произошло в Нью-Йорке и Москве, когда отключили свет – люди были в полной растерянности. Они оказались беспомощными. Потерян критерий оценок. Тогда был худсовет, были ставки у музыкантов. Это удручало серых случайных людей. И вот упразднили худсоветы. Появилась, так сказать, творческая свобода. Но творческая свобода это не вседозволенность. Свобода накладывает больше ограничений, чем любые законные параграфы. Моя оценка свободы заключается в следующем: я настолько свободен, что сам себе могу запретить. По-моему, это высшая категория свободы. Мне не нужно, чтобы мне кто-нибудь запрещал, я должен сам себе запретить. При отсутствии ограничений все ниже и ниже опускается планка требований. Отсюда и формируются вкусы следующего поколения, которое опускает планку еще ниже. Дальше уже ничего нет. Очень жаль, что планка потеряна...

Мартин Цолакович для многих и многих являет собой эталон истинного ереванца. Его прекрасный, правильный русский язык сейчас воспринимается как нечто нереальное – так в Ереване уже мало кто говорит. Без его рассказов большей части этой книги не было бы...

«Меня все зовут Булик. Знаете, в детстве у меня были абсолютно желтые волосы. Я сам из Лори, а цыпленок по-лорийски – Булик. Вот так и пристало имя на всю жизнь».

Этот человек поистине является энциклопедией армянского джаза, он знает все обо всех. Ну или почти все. Представлять его особой нужды нет – композитор Мартин Вартазарян, автор музыки к более чем двум сотням фильмов и театральных спектаклей. «Здравствуй, это я!», «Живите долго», «Тоска». Как он сам говорит: «после первой сотни спектаклей и фильмов перестал считать». В настоящее время он дирижер-консультант эстрадно-симфонического оркестра Армгостелерадио и преподает на кафедре джаза в Ереванской консерватории. Мартин Ватазарян, или как его все зовут – Булик – бессменный ведущий всех джазовых фестивалей в Армении.

Первый джаз-оркестр в Армении организовал еще в 1936 году трубач Цолак Вартазарян, отец композитора. Так что джаз у него – наследственное. «Это был оркестр Дома Строителей, который находился около кинотеатра «Москва», а потом уже на его основе и был создан Государственный джаз Армении под управлением Артемия Айвазяна. Оттуда и пошло. Наш джаз, в отличие от джаза Утесова, Цфасмана, Скоморовского и других, построен на национальном мелосе. И потом – армянская музыка очень гибкая, она легко вбирает в себя разные стили и направления и – рождается то, что мы называем армянским джазом».

В 1948 году слово «джаз» было исключено из советского лексикона, но как грибы после дождя стали расти Эстрадные оркестры. Армянские композиторы же как писали джазовые вещи, так и продолжали писать. Чего стоит один только концерт Эдгара Оганесяна для саксофона с джаз-оркестром, не говоря уже о произведениях Артемия Айвазяна, Арно Бабаджаняна и Арама Хачатуряна.

«В Ереване не было ни одного уважающего себя института или предприятия, где бы не было бы эстрадного оркестра. Лучший был в Брюсовском институте, который организовал тромбонист оперного оркестра Левон Мирзоян. Кстати, там, в Брюсовском начинал и Левон Малхасян, ныне знаменитый Малхас – старейшина армянского джаза.

Я же руководил оркестром Ереванского Госуниверситета, который первый из армянских коллективов был в Чехословакии, а в 1965 году выступал в прямом эфире на Гостелевидении СССР. Ну а дальше – все наверное знают – оркестр под управлением Константина Орбеляна объехал весь мир и везде был удостоен высших похвал. В 1972 году Мелик Мависакалян стал руководителем Эстрадно-симфонического оркестра Гостелерадио Армении. В 80-е годы сюда пришел Ерванд Ерзнкян, благодаря которому оркестр сохранился до сих пор... Ну а что тогда, в 70-е годы мы играли чуть ли не подпольно, ерунда все это. Играли что хотели, ездили на всесоюзные фестивали. Это сейчас почти никуда не поедешь – денег нет».

Кстати, по воспоминаниям тбилисцев, в 60-е годы эстрадный оркестр ювелирной фабрики с большим успехом давал концерты в Тбилиси к радости тамошних армян. Ну а о гастролях оркестра Константина Орбеляна в Баку и Кировабад и говорить не стоит – очереди за билетами были огромные, да и билетов не было.

Все это история. Сегодняшний день армянского джаза, да и вообще культуры довольно грустен. Нет денег, нет господдержки, все делается на голом энтузиазме. Кстати, почти все деятели культуры просто убеждены, что культура должна стать одним из элементов национальной безопасности. В противном случае армянская нация обречена на забвение и медленное умирание. «Пока культурой не начнет заниматься государство, ничего не будет. Сейчас звукозапись стоит огромных денег, которые есть не у всех, а надежд на меценатов очень мало. Да и нельзя на них надеяться. Я просто боюсь, что когда у государства дойдут руки до культуры, то самой культуры уже не будет – вот что горько. Вот наш джаз-бэнд под управлением Армена Мартиросяна – отличный коллектив, талантливые ребята, но у них нет возможности гастролировать, записываться. Нет жизненного пространства. А без этого музыканту смерть. Я всегда говорил и буду говорить – если собрать всех наших музыкантов, рассеянных по миру – речь идет о джазменах- можно создать пару

десятков оркестров, притом высочайшего класса. Но не все так плохо: есть джазовый колледж Акселя Бакунца, есть прекрасные музыканты, к примеру, Никогайос Вартамян, один из лучших контрабасистов, Армен Пароникян – виброфонист, Армен Уснунц – саксофонист. И еще много много других». Разговаривали мы долго, вернее говорил Мартин Цолакович, мне оставалось лишь кивать головой и время от времени вставлять пару слов, показывать, так сказать, небольшую эрудицию. «Сегодня отношение к джазовой музыке может улучшить взаимоотношения людей, она же может быть только доброй, в отличие от, скажем, рока. Да и в конце концов – джаз является одной из ветвей человеческой цивилизации».

У маэстро интересное хобби – он любит слушать музыку, когда от нее устает. «Причем любимое – это то, что я слушаю в данный момент. Ну а насчет того, чтобы уехать отсюда навсегда – и мыслей таких не было. Меня в других странах хватает максимум на неделю. Где бы я ни был, я всегда задавал себе вопрос – а мог бы я жить здесь. И получалось что нет, не мог, не мое там все». Вот такой получился разговор. Интересно, что почти все мои собеседники, будь то артист, музыкант или художник, просто не представляют себя вне Еревана, Армении. Может действительно, жить и творить можно только на родине. И в конце всегда неизбежная ложка дегтя, когда говорят или пишут об армянской культуре. В Азербайджане, который в джазе имеет лишь пару громких имен, из которых все знают только Вагифа Мустафу-заде, недавно сделали отличный Интернет-портал www.jazz.az. Армянских имен там, естественно нет. Хотя именно армянские музыканты были у истоков не только азербайджанского джаза, но и все музыки. Сейчас там об этом предпочитают не вспоминать. «Увы, все это, повторяю, деньги. А ведь известные азербайджанские джазмены были из Еревана, не говоря уже о Рафике Бейбутове, который пел здесь в парке им.26 Комиссаров, потом уже в оркестре. Уехал в Баку, стал Рашидом Бейбутовым...»

А вот у нас и на это нет денег. Действительно, может стоит и нашим госмужам и меценатам подумать над этой идеей – благо, материалов для такого сайта более чем достаточно. А то получится через пару лет, что и армянского джаза не существует.

Вечерний Ереван, прекрасен в любое время года и в любой час. И дело тут вовсе не в архитектуре, а в том особом духе гостеприимства и доброжелательности, которыми наполнен Ереван. Именно поэтому ереванцы не любят по вечерам засиживаться дома - всегда есть куда сходить, в любое время суток можно посидеть с друзьями, выпить кофе или чего покрепче, послушать музыку. Здесь почти все друг друга знают: не успеешь сесть за столик, как обрастаешь знакомыми. Сдвигаются стулья, завязывается обычный ереванский треп – летом до утра, зимой – до полуночи.

«Первые ласточки» появляются уже в марте – это наиболее стойкие завсегдатаи кафе, которым до смерти надоели прокуренные помещения. Да и солнышко греет на редкость уютно.

Очень скоро в кафе не протолкнешься, на каждом углу будут продавать холодные соки. Наступит райская жизнь - словно не было холодной зимы, скуки и длинных непонятных вечеров, когда и дома сидеть не вмоготу, но и выходить холодно. Правда, силы иногда находятся и даже в снег и мороз ноги несут в знакомые места – посидеть, отвести душу, тем более, что ложишься спать не раньше трех-четырех ночи (или утра – кому как нравится).

Американцы, народ дотошный, пришли к выводу, что люди, склонные к одиночеству, не ложатся спать раньше часа ночи. Они независимы в суждениях, не любят просить о помощи, всего в жизни добиваются самостоятельно, обладают развитым умом и утонченной наблюдательностью. Все правильно, только когда всего добиваешься в жизни – или тебе кажется, что всего – приходит пустота и сомнения – а надо ли было все это? Слава Богу, эти дурные мысли имеют обыкновение исчезать с первым лучом солнца, и жизнь становится опять нормальной.

На дворе весна и город становится милее и роднее. Однажды в сопливой молодости, как-то весной сидели мы с подругой в кафе Дома журналистов. Сидели мы долго, часов с 11 утра до, кажется, шести вечера. Делать было нечего, и мы пили кофе, одну чашку за другой. Где-то на пятой мы уже не вставали, нам приносили. Кто-то подходил, подсаживался, говорили черт знает о чем – все забылось, только осталось восхитительное чувство полной свободы от каких бы то ни было обязательств. Потом нам посчитали – мы выпили где-то чашек 12 то ли 13. Честно говоря, выпитое и «кофе» назвать немного трудно – слишком много было воды...

Сейчас уже столько не выпьешь – кофе стал приличнее, да и сидеть целый день в кафе могут себе позволить очень немногие, почти никто из моих оставшихся знакомых. У всех дела, заботы. В том же Le Café de Paris, где самый вкусный кофе, можно посидеть максимум час, да и то, если есть дело. Сегодняшний Ереван весной и летом становится немного похож на тот, ушедший. Может поэтому все мы с нетерпением ждем тепла, чтобы посидеть, пообщаться. Это Город нашей мечты, наших сбывшихся и несбывшихся надежд.

Совершенно не к месту вдруг вспомнились пластинки на 78 оборотов и старые, дребезжащие проигрыватели, на которых эти пластинки шипели, хрипели, но все же можно было послушать русские романсы, вальсы Штрауса. Одна такая пластинка почему-то запомнилась: Михаил Менделевич пел еврейскую колыбельную. Представлялся красивый, высокий мужчина, а оказалось – низенький, толстый и лысый... Но пел бесподобно. В одно время пошло увлечение еврейской музыкой – году так в 81-82-м. Был такой, да впрочем и сейчас есть, скрипач и композитор Вилли Вайнер, авторский концерт которого прошел совсем недавно. Чистокровный еврей, он уехал в Израиль, прожил там около года и – вернулся в Ереван. Вроде бы на родину человек поехал, но оказалось, что родина – здесь. Вилли – истинный ереванец, о чем он говорит с гордостью. Кстати, у них дома все говорили по-армянски с характерным ереванским акцентом и это при том, что и мама и папа были евреи.

...Откуда-то, издалека, донесся шорох песка, крики погонщиков и трубный глас. Это шофар, еврейский духовой инструмент, древний, как сам народ. На полтора часа мы окунулись в мир еврейской музыки, которая удивительным образом звучит очень естественно в Армении. Подарил нам эту возможность композитор Вилли Вайнер – удивительный музыкант, о творчестве которого можно сказать, что он пишет ту музыку, которую слышал в детстве. Музыка Вилли именно такая – это еврейские мелодии, которые всегда в душе и в сердце. Просто приходит время, когда они выплескиваются, потому что чаша переполнена.

Когда слушаешь «Мой Иерусалим» - встает величественный золотой город царя Соломона, Иисуса и Мухаммеда. «Экзодус» («Исход») – это пустыня, по которой Моисей 40 лет вел свой народ к земле обетованной... Музыка Вилли Вайнера – это узнаваемые образы, настроение, история народа. Это и трагедия, и вера в будущее. А его «Песнь песней», посвященная жертвам Геноцида и

Холокоста потрясает – такую музыку может написать только человек, в генах которого вечно будет жить память о невинно убиенных.

Ну а очень джазовая «Мечта» и посвященный родителям «Осенний роман» просто чудесны. Можно много говорить о концерте – о блестящем исполнении музыки оркестром Общественного ТВ и радио под управлением Ерванда Ерзникяна, прекрасном исполнении солистов, ненавязчивом конферансе Карена Кочаряна. Арт.продюсером концерта был Армен Манукян. А можно ограничиться словам Мартина Вартазаряна: «Я рад, что имел возможность участвовать в записях его музыки. Рад, что имею возможность сейчас говорить о нем. Я рад, что он вообще существует на этом свете, потому что мир был бы без него, наверное, чуточку беднее....».

«Армения – моя родина, и я благодарен судьбе, что родился, вырос и сформировался как личность, на этой прекрасной древней земле. Я – ереванец. Сегодня осуществилась моя мечта, я хочу подарить вам кусочек своей души. Очень надеюсь, что моя музыка тронет ваши сердца. Я верю, что Доброта и Любовь помогут каждому из нас совершить свой Исход...»

Чуть позже из небытия возникла и Марина, с которой мы были знакомы то ли с 1978, то ли 79-го года. Встретились и сразу «признали» друг друга. Письма из Тбилиси, кстати, адресованы именно ей, уроженке Тбилиси, но не мыслящей себя уже без Еревана, особенно без Дома Журналистов, где она работает, если не соврать лет 25. Домжур без нее для меня, во всяком случае, тоже не воспринимается. Она единственный человек, который может выслушивать мои глупости часами и, самое главное, давать дельные советы, которым я не всегда следую. У нее очень уютный дом, где можно приткнуться в углу и никто на тебя внимания не обратит, ну сидит человек, молчит, значит ему так нужно и хорошо.

Идея написания этой книжки в большей части принадлежит ей... Она же и подсказала название, а вернее натолкнула на него. Действительно, что может быть лучше «Ереванского вальса». У Марины есть еще одна уникальная черта характера: она все принимает как должно и на все горести и невзгоды, обрушивающиеся на нее и ее друзей реагирует однозначно: сегодня было плохо, завтра будет другой день и все изменится. Все будет хорошо. С таким человеком легко жить и общаться. И еще она ненавидит, когда ноют: «Не говори все время, что плохо, действительно станет плохо». Мудро, и всегда к месту.

В 1994 году я уже работала на Аштаракской телестудии, делала новости, редактировала программу на русском языке и вдруг почему-то захотелось написать о том, что мы все пережили в 1988-1989 году в Кировабаде и о том, как относились к беженцам здешние армяне в голодные годы. Сказано – сделано. Написала 2 страницы, которые мне страшно хотелось увидеть напечатанными – где угодно и на каком-то угодно языке. Написано было на русском. А тогда у нас делала передачи Нарине Элоян – актриса, журналист, переводчик, подруга Эдмона Аветяна. Поехали мы снимать Карине Ходикян, которая тогда была зав.отделом публицистики в знаменитом журнале «Гарун», выходившем все время, несмотря на холод, трудности с бумагой и безденежье. Отсняли мы интервью, и вдруг у меня ни с того ни с сего вылетело: вот написала ерунду, но хочу, чтобы кто-нибудь посмотрел. Она взяла посмотреть эти несчастные две странички. Дело на этом вроде закончилось. Каково было мое удивление, когда она мне позвонила и сказала, что перевела и опубликовала мой рассказик. Более того, посоветовала писать. Так и пошло – у меня в «Гаруне» была страница, где мне разрешалось писать, что Бог на душу положит, но с одним условием: чтобы написанное было приемлемо, не скажу хорошо и талантливо. Главным редактором был Левон Ананян, ныне председатель Союза

писателей Армении. А Карине Ходикян стала зам.министра культуры... Им двоим я в общем-то обязана моим сегодняшним положением состоявшегося журналиста. А первый гонорар я помню до сих пор – 300 драмов, которые для меня – самая высокая плата на свете.

А потом были годы телеоператорства в информагентстве «Ноян Тапан», что давало некоторые преимущества: ребята пропускали вперед и удавалось отснять интересные кадры.

До недавнего времени все ушедшее было очень далеко. Вспоминалось иногда, к случаю, когда слишком уж припирало одиночество, все время казалось, что что-то упущено, что-то не сделано и вообще можно было бы уехать, начать все если не заново, то хотя бы в другом месте, другом городе. Так продолжалось до первой поездки в послевоенный Карабах. Казалось, что уж в Карабахе, почти родине, мне будет если не очень хорошо, то терпимо. Терпение закончилось на второй день, когда до смерти захотелось в Ереван... А ведь мучила подспудная мысль – остаться в Степанакерте, поработать пару лет. Но Ереван оказался сильнее: особенно когда представляешь, что не сможешь прогуляться вечером по проспекту или просто позвонить друзьям.

Именно в Степанакерте вспомнилась зима 1982 года. Гуляли мы с другом по Орджоникидзе (ныне - Владикавказ). Погода была солнечная, искрился снег, мы шли и говорили о, разумеется, Ереване. Помню удивительную фразу моего друга, ставшего последовательно директором тамошнего Дома кино, семинаристом в Эчмиадзине, русским священником и, наконец, торговцем книгами в Москве: «Мы и в Париже, и на краю света будем вспоминать о Ереване....». Не знаю, вспоминает ли он сейчас это в Москве? Скорее всего нет, а может и да – кто знает?

В один из жутких дней 93-94гг., когда уже было все равно – дадут свет или нет, будут ли деньги на хлеб и вообще, выживем ли мы, у меня невольно вырвалась фраза: «Уехать бы куда-нибудь!». Мои друзья с недоумением посмотрели на меня: «уж если ты об этом говоришь, значит, действительно надо уезжать...». Сказано было сгоряча, от беспросветности, но в тот же миг я поняла, что лучше умереть здесь, нежели влачить существование на чужбине, где ты – как ни крути – человек второго сорта, будь ты даже семи пядей во лбу.

А в Ереване нынче слушают джаз, один за другим идут фестивали концерты...

Эстрадно-симфонический оркестр Гостелерадио, ныне Общественного Телевидения и Радио Армении пользовался и пользуется не меньшей популярностью, чем Гоударственный джаз Армении. Он был создан на основе квинтета Константином Орбеляном в 1956 году, в 1966-1972 оркестром руководил Мартин Вартазарян, с 1972 по 1986 – Мелик Мависакалян. В 1986 году художественным руководителем и главным дирижером оркестра стал Ерванд Ерзнкян.

«... Все началось в 1965 году с вокально-инструментального ансамбля Политеха «Мечтатели», где мы играли The Beatles и обработки армянских народных песен. Это была первая серьезная рок-группа и я там играл до 1970 года. В оркестре я с 1972 года. Как вы знаете, в те времена многое было под запретом. Это, конечно, тормозило развитие джаза и рок- музыки, но в то же время мы старались идти вперед».

Так начался наш разговор с Ервандом Ерзнкяном, композитором, зав.кафедрой эстрады и джаза Ереванской консерватории и, как уже было сказано, главным дирижером и душой оркестра, прекрасным басистом. А еще Ерзнкян вместе с

Ара Ернджакяном в 2005 году был награжден Золотой медалью Политехнического института за вклад в армянскую культуру.

«В Армении сейчас в джазе положение лучше, чем в популярной музыке. В этом смысле нам повезло – джаз не занятие для дилетантов. Тут нужен профессионализм, школа. В Армении же очень давние корни джаза и нам было у кого учиться. И еще у нас очень развита профессиональная школа инструменталистов.

Для меня все началась в 60-х годах. В 1966-67гг. я играл в квинтете – Артур Вартапетян (фортепиано), Армен Захарян (барабаны), Александр Захарян (саксофон) я на контрабасе и Александр Титаренко на трубе. Потом у нас был квартет: Левон Малхасян (фортепиано), Александр Захарян (саксофон), Армен «Чико» Тутунджян (барабаны) и я на контрабасе. В 1970-м на всесоюзном фестивале джаза в Куйбышеве мы стали лауреатами».

В настоящее время в Армении два биг-бэнда – Государственный джаз Армении (руководитель и главный дирижер Армен Мартиросян) и Оркестр телевидения и радио.

«Не каждая страна может себе позволить иметь два таких высококлассных оркестра.. Причем, у наших оркестров здоровая конкуренция, несмотря на разноплановость стилей. Армянские джазовые музыканты могут выступать на любой сцене мира с большим успехом: Ваагн Айрапетян, Никогайос Вартамян, Тигран Пештмаджян, Армен Уснунц, Арсен Нерсисян и многие другие. Но увы, мы давно не выезжаем на гастроли – денег нет. Творческий коллектив в 40 человек требует огромных затрат. Репетируем каждый день, мы не прекращали репетиций даже в холодные 1993-94 годы. Может именно поэтому оркестр не распался.

А сейчас у нас много молодежи. Я бы сказал, что оркестр является лабораторией для студентов – эстрадников нашей консерватории. Они здесь проходят обкатку, учатся играть вместе. Мы никогда не играли и не играем под фонограмму – только живая музыка».

Если с джазом дела обстоят более ни менее прилично, можно даже сказать, просто хорошо – одни фестивали чего стоят(!), то в эстраде

«За фестивали вообще спасибо посольству США в Армении. Но если говорить о популярной музыке, то количество переходит в качество. То, что у нас большое количество детских студий, пол-республики поет, пол-республики танцует и почти все пишут музыку, дает свои положительные результаты. Действительно, сегодня исполнителей больше, чем 15-20 лет тому назад. То есть у нас столько певцов и певиц, что пора бы уже начать отбор. Да, есть несколько исполнителей, действительно высокого уровня. Но рядом с ними бесконечное множество бездарных и безвкусных исполнителей. Большинство телеканалов показывает клипы с арабскими и турецкими мелодиями в исполнении армянских певцов и певиц. Наша демократия еще слишком слаба и мы не готовы к отражению такого рода интервенции. Нельзя все разрешать, должен быть создан какой-то орган, регулирующий репертуарную политику на государственном уровне. Я все же надеюсь, что удельный вес популярной оркестровой музыки со временем на нашем ТВ станет больше».

Ну и неизбежные вопросы в конце – что маэстро делает в свободное время и не манят ли его «заокеанские соблазны». Оказалось, что времени на хобби просто нет. Ерзнкян любит спорт, особенно футбол, любит читать – когда есть время. «В сутках всего 24 часа и их почти всегда не хватает». А насчет уехать - «у меня здесь любимая работа и уезжать я пока никуда не собираюсь».

Мартин Вартазарян: «Алик – настоящий фанат саксофона»

Александр Закарян, еще одна легенда 60-х... Родился в Тбилиси, вырос в Ереване, здесь же начинал свою карьеру джазового музыканта. Вместе с уже не раз упоминавшимися Малхасом, Чико и Кокой играл в квартете, который неизменно признавался лучшим на джазовых фестивалях в СССР. В 1970-м на фестивале в Куйбышеве и в 1971 в Воронеже был признан лучшим саксофонистом. Александр Закарян играл в оркестре Телевидения и радио Армении под управлением Мартина Вартазаряна, в знаменитом джаз-оркестре Константина Орбеляна.

А в 1980 году он переехал в Москву, где и живет по сей день, приезжая в Ереван на концерты и джазовые фестивали. У Закаряна саксофон звучит и как дудук, и как флейта и как... просто сакс. «Живя 25 лет в Мокве, я ни разу не прерывал своих связей с родиной. Не раз представлял Армению за рубежом со своими друзьями, выпустил CD “Nostalgie of Armenia”».

Про Алика получилось мало, но вины автора в этом нет. Каждый его приезд в Ереван – это концерты, встречи с друзьями – времени рассказывать у него просто нет.

Мелик Мависакалян: Я живу в Ереване, но сейчас мне очень неуютно в моем городе. Раньше мы целый день гуляли по улице Абовяна, заходили в кафе, рестораны, веселились. Нам не нужна была громкая музыка, чтобы раскрепоститься – хватало общения друг с другом. Сейчас все поменялось – город беспорядочно застраивается, всюду пыль, грязь, я уже не говорю о мусоре. В Ереване стало нечем дышать. Поэтому я предпочитаю сидеть дома, в Канакере, или на даче, подальше от этого шума и суеты.

В 1957-60гг. я играл в оркестре кинотеатра «Москва» - перед началом фильмов это было обязательно. Там была и небольшая танцплощадка. После последнего сеанса мы всем оркестром смотрели кино – это были и трофейные фильмы, и советские. Была интересная жизнь.

Мелик Мависакалян, как уже было сказано, руководил оркестром 14 лет. При нем было сделано немало фондовых записей – ведь оркестр Гостелерадио был предназначен прежде всего для этого. «Мы в месяц должны были делать 20 минут фондовых записей. Это очень много - делать записи для фонда непросто». С концертами разъезжал по всему миру Государственный джаз-оркестр Армении Константина Орбеляна. Когда у него не хватало солистов, он забирал их из оркестра Гостелерадио. Конечно, не сам, через Союз композиторов, министерство культуры – но надо было показать армянское искусство на высоте. Что они и делали. Сейчас, по прошествии многих лет все, что рассказывают ветераны, даже кажется чем-то нереальным, далеким – да полно, в СССР ли это все было? Однако было, к нашей всеобщей радости.

Почему-то получается так, что говоря про сегодняшний Ереван, почти все мои собеседники подчеркивают мусор, нескончаемое строительство и отсутствие духовной жизни. Может они и правы. Просто мои собеседники видели другой Ереван, да и я тоже – чистый, приятный город, местами даже уютный.

Ловлю себя на мысли: Ереван постепенно становится таким же шумным, как и 30 лет тому назад. Начали возникать пробки, особенно на Баграмяна, по недоразумению в наше время называвшийся проспектом Барекамутюн, который все уже тогда называли «проспект Баграмяна». Правда, сейчас прямо посередине

улицы, около станции метро стоит довольно несуразный конный памятник Маршалу. Вообще новых памятников много – не все они нравятся. Но и то сказать – второго Кочара с его Давидом Сасунским не будет. Это единственный и неповторимый. Говорят, что памятник Вардану Мамиконяну - тоже прекрасный - должен был быть на более высоком постаменте, чтобы Спарамет парил над городом, но не получилось. Да еще место у памятника не очень удачное, хотя может по тогдашнему генплану здесь должно было быть совсем другое. Поэтому Вардан оставляет впечатление чего-то незаконченного . . .

Â “Êñâéêâ” (âîçëä Äñà ðöâïæîêëä) Îäðääæáñîâ, áññëòóôââ âñþ ýðó “ÿëáãðæüíñ-äññëðäðè÷-âñëóþ” êðèðèëó, ñëàçäë: “À íó îðääñðäâñðä ýðó ñëóëüñðóððó îææó äáðý çððëäëüññùë ððñâìè - îáâññëðäâìè...” Îðääñðäâæâ ýðó èâððèíó, ïââðæáññûâ êðèðèëë çâññë÷-äëë.

Сейчас территория вокруг Оперы, начиная от самого театра и заканчивая памятником Аветику Исаакяну, забита кафе, в которых летом мест практически нет. В каждом крутят свою музыку, шум и гам стоит несусветный, но... обслуживание приличное, кофе неплох, хороший выбор напитков. Правда, если учесть, что летом пьется в основном пиво и нечто безалкогольное, то все нормально. В ереванскую жару пить водку не очень-то приятно, но если холодная и хорошая, а тем более после полуночи – одно удовольствие. Знаем, пивали. Главное знать меру, то есть не выпить меньше, чем нужно.

На город спускается прохлада, загораются огни и, коварная штука память, кажется, что не было тех страшных лет пустоты и мрака. Плохое забывается быстро, мы помним только хорошее. Тогда, если у тебя не было компании своих друзей, вечера тянулись довольно грустно. Работали всего 3 телеканала, смотреть их было просто невозможно.

Но в 1975 году в программе «22.30», которую вел Армен Ованнисян, показали 25-минутный ролик «The Beatles». День этот запомнился еще и потому, что с утра два факультета Госуниверситета– филфак и физфак решили подняться на Арагац. Добрались мы до Амберда и поняли, что можем не успеть обратно к передаче. Спускались вниз чуть ли не бегом, от Бюракана до Аштарака шли пешком. На наше счастье попался автобус в Ереван и ровно в 10.25 мы уже сидели перед телевизором. Ролик прокрутили два раза, а потом мы с Марком Григоряном долго гуляли по Еревану, «переваривали» увиденное... Это сейчас, по прошествии лет понимаешь, что надо было обладать некоторой долей мужества, чтобы в глухие застойные годы, когда вовсю шла реабилитация Сталина, показать «их» музыку. Даже в Ереване... Кстати, тот же Ованнисян добился того, что на радио не передавали азербайджанскую музыку, турецкую вообще не знали. Не то, что сейчас... И если уж речь зашла о радио, то стоит вспомнить передачу «Час эстрады» с 19 до 20.00. Передавали джаз, рок, иногда, наверное в угоду вездесущему Главлиту, советские и армянские песни.

Память обладает удивительным свойством помнить мелочи, запахи, настроение, подчас забывая главное. А может быть главное – это именно чувства, настрой, переживания тех беззаботных, как нам тогда казалось, лет. Может быть и другое – защитная оболочка, которая отсекала лишнее, тягостное. Все это приходит потом, когда понимаешь, что как бы ты ни старался выкинуть все ненужное, не получается. Оно всплывает в таком месте и в такое время, что даже диву даешься – неужели я это помню? Вроде бы забылось – ан нет, всплывает в таком контексте, что хоть беги. Так было однажды на площади Республики (бывш. Ленина) прошлым летом, когда над нею стояла туча пыли – ее приводили, по замыслу главного архитектора, в божеский вид. Кстати говоря, привели – очень симпатично получилось, а на месте памятника Ленину – огромный рекламный щит. Все правильно.

Так вот, болтались мы (другого слова нет) как-то с другом по площади (еще до революции, до войны) – денег нет, идти некуда. Словом, скучно. Прошли мимо «Армении», развернулись и вверх по Абовяна, а в это время подспудно гложет мысль об убитом времени, которое можно было бы с провести с пользой. С какой – не уточнялось. Просто именно тогда надоело это бесконечное шляние по кафешкам, по городу и захотелось чего-то более серьезного. И сразу дружба, которая длилась годами, ушла, растворилась. Говорить стало не о чем, ходить – тем более. Чувство было неприятное, но вполне обычное – так бывает, когда знаешь, что этот человек уже неинтересен, он ясен и поэтому скучен.

Мы очень любили «Серенаду солнечной долины» и Рэя Чарльза. Глен Миллер был постоянно на слуху и нередко случалось так, что выяснялось, что мы идем по городу и бубним одно и то же – и это был Глен Миллер. Вообще мы очень любили американское кино, кино до 70-х годов. «Звездные войны» были уже в другом поколении. Наше – Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор в «Клеопатре», Кларк Гейбл и Вивьен Ли в «Унесенных ветром», которые тоже крутили в зале КГБ. А может я ошибаюсь, но что-то такое мы смотрели. Нет, все же это были «Унесенные ветром»... Вообще у каждого свой Ереван. У одних – это дом, ближайший магазин и еще пара мест в радиусе одной-двух остановок. Смею предположить, что эти люди не живут в Ереване, они просто сосуществуют с ним. Спросишь их – где тут рядом дом или еще чтонибудь – не знают. Может не хотят говорить, может еще какая причина. Например в Степанакерте тоже не дождешься внятного ответа – максимум на что способны карабахцы – показать куда-то рукой и сказать: дойдите до поворота, там спросите. Доходишь, спрашиваешь – результат тот же, только может ориентир другой.

Иногда из этого круга вырывается молодая поросль, которой тесно на своем пятачке, в основном это юноши. Девушки выходят замуж, и мир для них замыкается в телесериалах. Ереван же ко всему прочему еще и сугубо патриархальный город, несмотря на весь свой столичный «лоск». Иногда он очень неприветлив для своих сограждан, особенно зимой, когда холодно и нет отопления. И вот тогда и несут ноги в разные теплые места: посидеть, встретиться с друзьями, отойти душой от промерзлых домашних стен и, чего греха таить, послушать джаз.

«Поплавок» стал любимым местом наших сограждан и гостей. По моему, самое главное здесь – это люди, посещающие кафе, которые своим присутствием создают теплую атмосферу. Потом уже все остальное – музыка, месторасположение, интерьер и, конечно же, всеобщий любимец Левон Малхасян. Думаю, что нам удалось сохранить традиции нашего города. Начиная с 60-х годов «Поплавок» - это не просто кафе, а место встречи творческой интеллигенции. Не случайно, что в «Поплавке» звучит джаз. Эта удивительная музыка притягивает к себе людей, а «Поплавок» сохраняет свою репутацию». -Это говорит Гарегин Нушикян, бизнесмен, глава ассоциации «Нушикян», который вместе с Малхасом провел 3 джазовых фестивалей и собирался провести четвертый. Но, увы, не получилось. Наверное, что-то пропало: то ли желание, то ли настроение. А жаль. Правда, отсутствие фестиваля заполняет тот же Малхас, привозя время от времени музыкантов из США или приглашая друзей из Москвы поиграть в Ереване.

Очередной «Jazz Appreciation Month» в этом году начался весьма необычно – с джазово – художественных импровизаций в Союзе художников. Молодежь рисовала, играла джаз, причем весьма неплохо – словом развлекалась от души и развлекала всех пришедших. Оказывается, молодые армяне слушают не только попсу и рабис, но и джаз, который, как говорят сведущие в нем люди - мировоззрение и состояние души. Называлось все это действо «The Colors of

Jazz» - лучшего для такого session-а и не придумаешь. Вообще интересно получается – где Армения, где, к примеру, Новый Орлеан.

У нас не надо объяснять что такое джаз – его здесь играют давно и хорошо, а молодежь просто идет по стопам предшественников, благо, примеров для подражания хоть отбавляй.

Художники и музыканты радовали зрителей 8 апреля, а на следующий день весь вечер в отеле Armenia Marriot четыре часа играл эстрадно-симфонический оркестр Общественного телевидения и радио Армении под управлением Ерванда Ерзнкяна.

Бессменный ведущий всех ереванских джазовых фестивалей композитор Мартин Вартазарян то представлял оркестр, то сам садился за рояль, то заставлял шевелиться публику. «Что-то народ сейчас пассивный стал. Вот я помню, когда мы играли в парке Комайги, танцевали все подряд и без перерыва. Может нам сейчас тоже переселиться в парк?» - после этих слов народ затанцевал, да как!

35 ЛЕТ СПУСТЯ

Но самое интересное было на другой день, когда в первом отделении играл Государственный джаз-оркестр Армении под управлением Армена Мартиросяна, которого потом сменил Армен Усунц. Ну а во втором отделении играли ветераны джаза (так и было написано в программках) – всеми узнаваемые и любимые Левон Малхасян, Александр Захарян, саксофонист, приехавший из Москвы, Ерванд Ерзнкян, Аксель Бакунц и Армен «Чико» Тутунджян – те самые ветераны, без которых история армянского джаза – не история. Играл тот самый знаменитый состав, который на всех джазовых фестивалях СССР брал первые места. Начали они свое выступление с классика джаза Диззи Гиллеспи - «A night in Tunisia».

Представляя музыкантов, Мартин Вартазарян нашел для каждого и теплое слово, и шутку, и слова благодарности. А потом они играли так же, как и 35 лет тому назад. Конечно, кое-что в их игре изменилось – добавилось профессионализма, опыта. Но все также они понимают друг друга без слов и играют так, как будто только вчера вместе репетировали. Потом они же играли вместе с оркестром, чтобы, как выразился ведущий, никто бы не подумал, что они только вместе умеют играть.

Все дело в том, что они вообще умеют играть, даже в случае с Малхасом, то есть не зная нот. Кстати, представляя его, Мартин Вартазарян сказал: «Человек слова. Сказал, что не будет учить нот и так и не выучил». Про Александра Захаряна: «Его «Дле яман» на саксофоне звучит как на дудуке». «Я даже не знаю – он и музыкант, и преподаватель, и журналист – одним словом -Чико», - это уже про Армена Тутунджяна. Ну а Акселя Бакунца Мартин Цолакович просто предложил залу позвать так, как его знают без малого пять десятков лет - «Кока!Кока!».

Ветераны отыграли блестяще, лишний раз доказав, что единомыслие в джазе, да и в любом другом деле – великая вещь. Тем более, когда все это длится уже 35 лет.

Завершая концерт, Мартин Вартазарян сказал: «Ну, встретимся через 35 лет, на этой же сцене». А зал, стоя, аплодировал и оркестру, и ветеранам, да и может самому себе...

Фестиваль продлился до 16 апреля, и закончился выступлением в Большом зале Филармонии будет играть квартета Фрэнка Амсалема. Пианист родом из Алжира, жил во Франции, а в 1981 году переехал в США, где учился в Мекке джазовых музыкантов – колледже Беркли, затем Манхэттенская школа музыки и на сегодняшний день Фрэнк – один из «потрясающих пианистов», как о нем сказал французский музыкант Мартиал Солал.

В Ереван Амсалем приехал с первоклассными музыкантами: саксофонистом Адамом Колкером, барабанщиком Отисом Брауном III, басистом Хансом Главишником и певицей Сарой Лазарус.

Но до этого уже отыграло грузинское трио Отара Маградзе, на очереди наши – Time Report, Ваагн Айрапетян, Chiko & Friends. «Если в Армении каждый месяц делать джаз-фестивали, залы будут битком набиты», - эти слова Левона Малхасяна очень точно определяют место джаза в армянской культурной жизни последних 70 лет.

И не успели мы отойти от JAM-2005, как в Ереван приехал еще один джазовый состав из США. Привез его Гарри Кесаян, пианист, личность довольно известная по обе стороны океана. В очередной раз удивляешься, как много поклонников и ценителей джаза в Армении. На концерте в оперном театре не было свободного места.

Музыканты играли от души – сказываются традиции, школа. Гарнер Томас, Ричард Тейлор и Грегор Браун играли самозабвенно, мгновенно почувствовав публику. А когда саксофонист Гарнер Томас стал играть на двух саксофонах сразу – зал буквально взвыл от восторга. Следующий всплеск восторга вызвала солистка Элайн Гибс, исполнив «Georgia on my mind» Рэя Чарльза. Контакт с залом был полный – все вместе хлопали, подпевали и очень долго не отпускали музыкантов.

Пройдемся по улицам Еревана. С Монумента открывается великолепнейшее зрелище, а если еще и прокатиться на чертовом колесе, то с самой высокой точки вид вообще потрясающий: Арарат нависает над городом в дымке и кажется, что все очень просто: надо спуститься вниз по Абовяна, дойти до конца города и – вот она, Гора. Это пронзительное сиюминутное чувство очень тяжелое и горькое, ибо знаешь, что все это – всего лишь дивная сказка, мираж, слишком хорошие для того, чтобы стать явью. И как бы нас не уверяли некоторые горячие головы, что наше поколение поднимется на Армянскую Гору, никто в это всерьез не верит. Да и в шутку тоже. В шутку даже говорят: хорошо, что Арарат недоступен, а то понатыкали бы забегаловок, открыли бы пару ярмарок – и все, горы нет. Каждый человек и вся нация в целом всегда ищет чего-то недостижимого. Для нас это недостижимое – Арарат...

Из играющих на улицах Еревана музыкантов можно собрать небольшой, но вполне приличный оркестр. Именно это мне пришло в голову на улице Абовяна. Пройдя от площади Республики до метро «Еритасардакан» я насчитала шесть музыкантов: двух скрипачей, двух аккордеонистов, одного дудукиста и женщину, которая пела около гостиницы «Ani Plaza».

Музыкантам подают почти все – правда, в основном 10-20 драмов. Но они и этому рады. «Я не нищий, я на хлеб зарабатываю!», – сказал один из них. Все мои попытки вызвать его на разговор оказались безрезультатными – не хотел человек говорить о себе, хоть убей. Даже имени своего не назвал. А ведь ничего зазорного в этом нет – во всем мире были и есть бродячие музыканты. Это даже особый мир, образ жизни. Во всем мире, но только не у нас. У нас это почему-то приравнивается к попрошайничеству. Помнится, несколько лет тому назад у того же метро «Еритасардакан» играл аккордеонист. Рядом лежал открытый чемодан с афишами его концертов. Увы, имени не помню, но играл он здорово. В одно время в подземке на скрипке играла одна девочка – играла неумело, даже фальшиво, однако прохожие бросали в сумку монетки...

К чему это я? Может к тому, что в центре города слишком много попрошаек. Просят в основном женщины неопределенного возраста, в страшно грязной одежде, есть среди них и больные. Злые языки говорят, что в Ереване существует «мафия нищих», вроде «детей лейтенанта Шмидта». Может быть и существует. В 1997 году, по крайней мере, дети-попрошайки всю собранную за день сумму отдавали «маме», которая делила выручку – и себе немного оставляла. Артур, тогдашний мой собеседник, считал это само собой разумеющимся. «Она же за нами присматривает», – говорил он.

У Союза писателей в любую погоду круглый год сидела женщина, но вот уже год, как ее не видно. Она была русской, звали ее, скажем, Галя. Устраивалась она с удобствами – подушка, теплый плед, еда. Сын жил в России, деньги на жизнь присылал. А на мой вопрос – так почему же вы здесь сидите, она ответила довольно неожиданно: «Скучно мне дома»... Еще одна женщина, беженка из Азербайджана, каждый день приезжала из Цахкадзора в Ереван на «промысел». «На дорогу набираю, да еще на хлеб-сыр. Рассказываю, как нас азеры били – люди добрые, подают». Может с психикой у этих людей не все в порядке, не знаю. Но уж лучше торговать семечками или играть на скрипке, чем травить душу людям подчас выдуманными рассказами.

А еще на улице можно сфотографироваться на память – обычно фотографы обретаются на площади Республики или около Оперы. Тут нелишне вспомнить, что первыми уличными фотографами в Ереване были репатрианты – они ходили с никому неизвестным «кодаком» фотографировали всех подряд. Потом открыли фотоателье – некоторые из них на улице Абовяна действуют и по сей день. На витринах обычно выставлялись, да и выставляются фотопортреты знаменитых армян. Ну а этот симпатичный пес тоже ереванец. Сидит себе, охраняет стенд – наверное хозяин отлучился куда-то. А может просто зазывает прохожих запечатлеть себя у фонтанов.

Есть еще одно место, откуда Ереван может виден не так красиво, но как-то теплее и роднее. Это символ города со стороны Котайка. Когда возвращаешься издалека и не терпится поскорее оказаться в городской толчее, то сначала показываются высотки Авана и Нор-Норка и – сразу же – мост, после которого ты уже Дома, где так славно было в юности. Да и сейчас неплохо.

В «Поплавке» уже полно народу. Правда, окна еще не растворены, но весна уже царит в клубе. В этот вечер играли Айк Шакарян, Никогайос Вартамян, Тигран Пеитмаджян... Каждый раз, слушая составы «Поплавка», не перестаешь удивляться – в маленькой, далекой от основных мировых джазовых центров Армении играют джаз даже слишком профессионально. Непрофессионалы здесь не задерживаются – так, отыграют вечер, другой и все. Уже 8 лет – это визитная карточка нашего города, его лицо и, если хотите, где-то символ. Сказано может

сильно, но вполне в духе времени. Ведь и джаз-клуб при некотором стечении обстоятельств может стать символом, как Давид Сасунский. И не надо говорить, что это вещи несовместные – у каждого времени свои символы, свои знаки. Может еще через 30 лет Ереван будет ассоциироваться еще с чем-нибудь – кто знает, куда покатится время. Но, наверное, будет как всегда – «весь мир вертится в одну сторону, Ереван в другую».

Никогайос Вартамян (Коля): *Ереван – это просто поселок городского типа, глухая провинция. Я играю здесь, перед жующей публикой потому что мне надо играть музыку, играть постоянно. Владельцы «Поплавка» наверное зарабатывали бы больше, если бы приглашали других музыкантов. Ну к примеру, Форша, который здесь тоже поет. Вообще город надо переименовать в «АЛМ». Это мы, это наше истинное «Я». Все остальное: классика, джаз – наносное, нужное двум – трем людям. Джаз нужен Малхасу, он им живет, его ничто другое не интересует. Своим становлением я обязан трем людям: моему отцу, скрипачу Акопу Вартамян, виолончелисту Геронтию Талалян и Левону Малхасяну. Днем я играю классику, вечером здесь зарабатываю на жизнь. Все в порядке, у меня нет комплексов. В 1986 году на «Джазовой панораме» в Ереване Коля заменил заболевшего голландского контрабасиста и так, что голландцы играли с ним весь фестиваль. Этот город удивителен тем, что ему хочется обязательно потрогать своих знаменитостей, затискать до смерти.*

Из детства запомнились гастроли орбеляновского оркестра, на которые мы в Гандзаке ходили как на праздник. Пропустить – упаси Боже! Помню всех, но особенно Симона Теряна. Была такая байка, ее придумал, кажется, Карен Свасьян, философ и музыкант: «Азнавур сошел с ума: бегают по Парижу в черной сорочке, бьют себя в грудь и кричат: Я Симон Терян»... Песни Азнавура Симон пел – ну просто слов нет. Мало кто помнит, что своего рода «гимн» Теряна, песню «Je t'attend», услышанную как-то в ночном эфире запрещенной тогда радиостанции «Soudi of Arabia», Симон впервые спел еще в 1961 году, за несколько лет до первого приезда самого Азнавура в Армению. Никогда не забуду восторга зрителей – вперемешку с каким-то священным оцепенением, когда он исполнял «I Who Have Nothing»... Увы, почти ничего не сохранилось, пара пленок и несколько записей...

В зале очень темно. Воцарилась такая звенящая тишина, что можно даже засомневаться: а есть ли в нем зрители? Зрители есть, да и тишина эта – между двумя аккордами - всего на несколько секунд. Публика зачарованно и затаив дыхание смотрит на артиста, стоящего на сцене в свете прожектора. Непонятно во что он одет, луч света выхватил из темноты только лицо и руки, а на лице – мука, в голосе – страдание, ведь поет он о любви, жизни и смерти: «Спасибо жизни! Если плачешь – значит ты живой!». При этих заключительных словах песни его рука резко устремляется вперед, и каждому зрителю кажется, что жест этот предназначен только и только ему. Отгремели последние аккорды, зал взрывается громом аплодисментов и криками «Браво!», в порыве восторга зрители вскакивают со своих мест.

Зажигается свет. На сцене стоит совершенно седой человек с удивительно молодым лицом. Он одет во все черное. С улыбкой принимает он многочисленные букеты, раздает автографы, скромно кланяется и уходит со сцены. Однако еще несколько минут зрители аплодируют и скандируют его имя, и он еще раз выходит на сцену. Вместе с ним выходит ведущий программы и объявляет: «Наш сегодняшний концерт завершил Симон Терян! До новых встреч, друзья!» При имени любимого артиста люди снова начинают неистово хлопать и не хотят отпускать его. Он еще раз кланяется и уходит, чтобы вернуться вновь...

Симон Терян. Поистине одна из самых загадочных, противоречивых и харизматических личностей советской эстрады 60-70-х годов. С его именем связана целая эпоха в Государственном Эстрадном оркестре под управлением Константина Орбеляна. Каждое выступление, каждая песня превращались в «театр одного актера». Симон Терян говорил: «Мало быть хорошим певцом, в первую очередь надо быть Артистом, именно так, с большой буквы. Представьте, что в зал каким-то образом попал глухой человек. Так сумейте сделать так, чтобы он все понял. Вот тогда вы имеете право называть себя артистом. В противном случае вы – просто вокалист. Я всегда одеваюсь во все черное, чтобы ничто не отвлекало зрителя от моего лица и рук, ведь чтобы озвучить текст песни, мало одних слов. Я люблю своего зрителя, и может быть именно поэтому он любит меня. Зрителя не обманешь, он знает и чувствует все».

С начала шестидесятых и до последнего дня сценической жизни продолжалось победное шествие артиста по многим сценам мира – от СССР, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Югославии до Египта, Финляндии, Ливана, Германии, Франции, США... И всюду - неизменный гром оваций и аплодисментов. Почитание к нему доходило до того, что поклонники буквально разрывали его рубашки на части и забирали себе в качестве сувениров, слагали о нем самые невероятные легенды, рассказывали веселые истории и анекдоты. В жизни Симона Теряна сыграл свою огромную роль его величество «случай». В 1958 году в честь ноябрьских праздников в Ереванском Государственном университете был организован музыкальный вечер, где должен был играть один из факультетских ансамблей. Прямо перед началом концерта выяснилось, что солист ансамбля заболел, и мероприятие оказалось под угрозой срыва. Оркестранты были в панике, так как в зале было множество приглашенных и отмена концерта была равнозначна катастрофе. Они не знали, что предпринять, и тут один из музыкантов предложил нереальную, на первый взгляд, идею: попросить одного из сокурсников, который, как они знали, хорошо поет, выступить вместо солиста. Студента-химика срочно отыскивали и объяснили ситуацию. Он долго отказывался, предлагал другие варианты, но в итоге вынужден был согласиться и, выйдя на сцену без подготовки и репетиции, начал петь. Зрители были заворожены, успех оказался бесспорным. Среди гостей присутствовал руководитель знаменитого тогда университетского эстрадного оркестра, который, услышав студента, не задумываясь, предложил ему петь в своем оркестре. Вот так началась удивительная, счастливо-трагическая карьера Симона Теряна. Вначале были ансамбли «Юность» и «Крунк», а затем и Государственный Эстрадный оркестр Армении. Он пел на одной сцене с Тедом Джонсом и Мэллом Луисом, с Хулио Иглесиасом и Джанни Моранди; дружил с Марией Биешу, с Лили Ивановой, с Пугачевой и Анной Герман... Всех не перечислить. Его личными друзьями были Армен Джигарханян, Джордж Гарваренц, Леонид Енгибаров, Владимир Высоцкий. И при все при этом Симон Терян оставался удивительно скромным, порядочным, веселым и добрым человеком. Никогда не позволял называть себя «звездой», а сцену считал святым, Лобным местом, где наказуема любая фальшь и проявление неуважения к зрителю.

Ему много раз предлагали жить и работать в Москве, в Ленинграде, в странах Прибалтики, в Бейруте, во Франции и Америке, и всегда на фантастически выгодных условиях. Но он неизменно возвращался на Родину, и Родиной для него было не географическое пространство под названием «Армения», а люди, живущие в этой стране и его семья, которую он бесконечно любил.

В 1981 году, в расцвете творческих сил, он неожиданно ушел со сцены. Ушел, решив не возвращаться никогда. Почему? Ответа на этот вопрос Симон Терян не дал никому. Возможно, он просто устал.

Устал от низости того явления, когда серое большинство подвергает методичной травле немногочисленных истинно талантливых и бескомпромиссных в своей честности людей. Симон Терян любил повторять слова Аристотеля: «Подлинного гения можно узнать по тому, что все тупицы при его появлении устраивают против него заговор». Но талантливые люди не опускаются до самозащиты и остаются в этой борьбе в одиночестве, гордые своей открытой незащищенностью. У них остается два пути: либо умереть, как Енгигбаров и Высоцкий, либо добровольно уйти. Тогда, в 81-ом, Симон Терян ушел. Ушел и стал жить, как обыкновенный человек, оставив вакантным то место, которое он безраздельно занимал более 20-ти лет и на которое впоследствии никто не рискнул даже претендовать, ушел, пытаясь забыть гром аплодисментов и восторженные крики «Браво!», стараясь не замечать, как то самое «серое большинство» все глубже и беззащитнее проникало в святая святых – в Искусство.

Но мог ли настоящий артист жить без сцены, не видел ли он ее в своих беспокойных снах? Что чувствовал Симон Терян, видя, как постепенно умирает, но все еще из последних сил пытается выжить настоящее искусство? Он испытывал огромную боль, ибо однажды, в середине 90-х, не выдержал и решил хоть что-то исправить. Он пошел к высокопоставленному чиновнику, имеющему самое непосредственное отношение к искусству и сказал: «Вот он я, Симон Терян. Я знаю и умею очень много и хочу передать все это последующему поколению, потому что то, что вы сегодня называете искусством, в большинстве своем является надругательством над этим самым искусством. Помогите мне, и я помогу вам». Но оказалось, что он опоздал, и что многие из тех, кто величаво именуют себя «арвестагетами» давно все поделили между собой и не потерпят вмешательства чужака, пусть безмерно талантливого, пусть умного и бесконечно доброго, но чужака. А может быть именно это их и напугало, что он талантливее и умнее?

Настоящий артист не может и не должен жить без сцены, ибо тогда он умирает духовно. А духовная смерть намного страшнее физической. Он всегда знал это, а по-настоящему почувствовал в 1994 году, когда после 13-летнего молчания вернулся на сцену, только на один вечер, всего на 4 часа, когда восторженный и соскучившийся по нему зритель показал, что никогда не забывал его, любил и ждал. И тогда Симон Терян понял, что не имел права обрекать себя и зрителя на столь долгую разлуку, понял, что заставил страдать многих, и в первую очередь самого себя.

И снова он стоял на сцене в своей легендарной черной сорочке, и все, о чем он молчал 13 лет, за него сказали его глаза и руки. По словам самого Теряна он пришел, чтобы попрощаться со сценой и со зрителем. Увы, это его пророчество, впрочем, как и все остальные, сбылось: 30 июня 2000 года его доброе, но очень уставшее сердце остановилось: отреклось, любя...

Шарль Азнавур... Он тоже из нашей юности. Азнавур уже не ностальгия, не воспоминание, это нечто постоянное. Он вообще не относится к категории – «люблю-не люблю». Его можно слушать даже тогда, когда уже ничего не слушается и не хочется... Вспоминается Азнавур 2002-го года, у вечного огня в Цицернакаберде, поющего Ave Maria Пανε Римскому Иоанну Павлу II. Зрелище из

числа тех, когда мурашки бегут по телу, и понимаешь, что Бог сошел именно сюда, на эту землю...

В те времена вера в Бога, а тем более национализм были под строжайшим запретом. Вся история армянского народа преподносилась в одном ключе – не будь русского оружия- Армении бы не было. О Первой Республике говорилось вскользь, о Дашнакцутюн упоминать – ни-ни. Был главный герой – Давид Сасунский. Второй – Вардан Мамиконян. С легкой руки Раффи и Дереника Демирчяна Васак Сюни, Ваган Мамиконян, Меружан Арцруни были предателями нации. Сейчас, когда снова спрашиваешь себя – что же сделали эти люди, приходишь к совершенно противоположному выводу: может все же не были предателями, а хотели спасти народ от полного уничтожения. Правда, ценой ассимиляции. А это уже выходило за рамки менталитета. Да и сейчас, усомнившегося в Вардане и его воинах, ждет по меньшей мере осуждение. Хотя большевики тоже «спасли» Армению и до ассимиляции оставалось совсем немного – если бы не развал Союза, мы сейчас были бы «советским народом» армянского происхождения. Или, как сейчас говорят, «лицами кавказской национальности».

О Боге не говорили, если кто и верил, то глубоко в душе. Бабушка со стороны отца у меня была верующей, неукоснительно ходила в церковь по воскресеньям, но никогда мне ни о чем не рассказывала – ни о Христе, ни о Евангелиях. Помню ее старую Библию. Иногда я брала эту Книгу – не почитать, нет, - посмотреть. Библия была иллюстрированной. Потом, после смерти бабушки, она пропала. Я и сейчас не очень люблю ходить в церковь....

Ну нас уже совсем завело в сторону – и от Еревана, и от джаза. Мы, кажется, остановились у Разданского ущелья. Давайте спустимся - там хорошо летом и осенью. А если учесть то, что лето в Ереване начинается с апреля, то самое время. В наши дни Разданское ущелье еще не было «благоустроенным», не существовало столько кабаков. Зато царила тишина, и с наступлением тепла мы брали выпивку, закуску и заваливались на весь день. Сидели, трепались, пели – было хорошо и бездумно...

Степан Шакарян в свои 70 лет бодр, подвижен и категоричен во всем, что касается жизни и музыки. Он родился в год и день смерти Комитаса, о чем любит напоминать. Шакарян добрый и обаятельный человек с хорошим чувством юмора. Наше первое знакомство по телефону было не самым приятным – он наотрез отказался давать интервью, не помогло даже «волшебное слово»: «Я от Мартина Вартазаряна». Но потом мы познакомились, и Степан Григорьевич, по собственному признанию, решил «загладить вину»...

...Зачем говорить о том, чего нет. Нет армянского джаза – потому что нет денег, нет государства, меценатов. Но это не все. Джаз, если так можно выразиться, грейпфрут, то есть гибрид лимона и апельсина. В случае с джазом музыка негров с плантаций и белых эмигрантов. Это истинно американская музыка и в другом месте ее быть не может. Джаз еще и грамматика, одолеть которую могут таланты. Так зачем же говорить и писать о несуществующих вещах? Раньше как было – отдельным композиторам заказывали музыку– искусство развивалось, потому что был стимул. Существовало министерство культуры, которое занималось всем этим. А сейчас... зайдите в любую музыкальную школу – полная разруха, нет приличных инструментов, нот. Ведь есть талантливые дети, которых нужно обязательно учить музыке. Наш народ думает только о желудке – ему не нужен ни джаз, ни вообще искусство. Я однажды поднимался рано утром по Каскаду. Дошел до самого конца и не удержался от восхищения: какой открывался вид – Арарат, небо

чистое. А рядом какой-то мужик – ну и что, этим сыт не будешь... А вы говорите – джаз, культура...

Город... В 50-е годы это был тихий уютный городок, который я очень любил. Он не был по-настоящему столичным и у него не было традиций, но была атмосфера, располагающая к творчеству. И ее нельзя было назвать городской. Я бы сказал, что Ереван эмигрантский город. Элиту – коренных ереванцев – безжалостно уничтожили, сейчас добивают остатки. И что самое грустное – разрушается то немногое, что могло бы поддержать дух города, его ауру.

Наверное, немалая вина во всем происходящем лежит и на министерстве культуры, которое действительно ничего не делает – не может, не хочет, лень – любой довод правилен. Тогда зачем оно нужно вообще? Тем более с назначенцами-партийцами? По словам Роберта Амирханяна, Армения обречена на то, чтобы не иметь министерство культуры. Может он и прав ...

Речь Роберта Амирханяна у меня почему-то ассоциировалась с синкопами. И получился у нас такой синкопированный монолог. Но перед тем, как дать ему слово, наверное следует напомнить, что он написал музыку к 16 игровым и около 30 мультипликационным фильмам, автор популярнейших песен.

У НАС НЕТ ОЩУЩЕНИЯ ЦЕЛОГО...

Моя характеристика нашего общего состояния следующая – наша жизнь протекает на совершенно неожиданных, незнакомых для нас путях. Это не означает, что эта жизнь неполноценна, но она еще не устоялась, она пытается обрести самое важное – ясность взаимоотношений между людьми, взаимную ответственность и понятие общего, целого. У нас нет ощущения целого. У нас есть ощущение своего «я», и зачастую я это сравниваю с состоянием человека, вышедшего из тюрьмы. Первые его шаги ведут к себе самому – он не идет к структурам, ему надо подчинить себя, найти себя и начать что-то с себя. Это состояние у нас исторически достаточно долгое, мы сейчас, идя к себе, разрушаем понятие «мы». В принципе у нас его и не было, у нации абсолютно не было гражданственности. Мы все были при работающем механизме, не могу сказать, в какой роли, но это уже неважно, хотя в прошлой жизни нашей очень много очень важного и ценного в плане творчества. Да и в плане жизни тоже. Но затушевываются взаимоотношения, чистота, наивность – все обретает рыночную окраску. Люди привыкают к тому, что надо платить за услуги.

КУЛЬТУРА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕЗЗАЩИТНА

Культура не беззащитна. Она защищается теми людьми, которые этим не могут не заниматься. Другой вопрос, что сами работники культуры беззащитны. Сама культура не может быть беззащитна, она поднимает духовные пласты, целый народ, если будет какой-нибудь символ общенационального значения, люди конечно же сразу обретут больший полет. Человеческая память очень короткая на плохие вещи. Если предложить что-то хорошее, позитивное, раз- два и все, человек готов пойти дальше. Это в его органике, человек безгранично живучее существо. Вспомните, через какую тьму мы перешли. Я не хочу сейчас одаривать медалями наше время, ни в коем случае, но я реально смотрю на жизнь Любая ситуация жизненна, нет ситуаций, которые нежизненны. Другой вопрос, что мы можем быть и не принимаем это сейчас, потому что мы привыкли судить по результатам, мы не любим процесс, мы хотим всего и сразу. Я очень верю в путника, который идет не останавливаясь. Оазис далеко, за границей горизонта и он его видит только гипотетически. Но он идет.

ЧТО ВАЖНО

Что я считаю очень важным для моего государства, страны, народа? Чувство государственности, общности, чувство всеобщего. Когда мы сопоставляем друг друга и пытаемся найти того, кто виноват, что всего вышеупомянутого нет – это никуда не годится. Виновных, конечно, надо наказывать, потому что это приводит к другой безнаказанности. Но это другой разговор. Вне себя все виноваты, а мы сами внутри нет. Когда мы видим кругом столько брани, то естественно теряем уважение и благоговение к кому-либо, потому что мы или все охаиваем или впадаем в какие-то величины, пусть даже ложные. Эти величины необходимы для того, чтобы мы не теряли звездное освещение. Есть солнечное освещение, есть освещение горящего горизонта или горизонта в мареве. Но существует и другое освещение – во тьме тоже существует освещение, это внутреннее освещение, его я называю ориентиром на целостность.

ЧТО НУЖНО

Нам всем, нашему народу пора браться за самих себя. Не за «себя» лично, а за «себя» в большом смысле. Мы должны понять - пора создавать якорь, который должен приземлить наш исторический багаж нового времени. И уже к этому якорю строить пристань. Сейчас весь мир смотрит на Армению как на карту, и если в этом случае мы думаем, что наши задачи решаются в другом месте, то мы ошибаемся. Наши задачи решаются на нашем месте, поэтому любой армянин должен решать свою задачу на своем месте, а не в Америке, Европе, России. Очень важно, чтобы мы были прикованы к нашим идеям, к нашим сложностям. Знаете, иногда люди гордятся своими сложностями, потому что это делает жизнь полнее. Они должны преодолевать эти трудности. И это правильно. Представляете, движение без сопротивления – это же невозможно. Любая скорость без ограничения и тормозов – убийственная вещь. Поэтому наши сложности естественны. Правда, их больше, чем мы могли бы предположить, но надо найти силы и способ их преодоления. Нет никаких сложностей, которые нельзя преодолеть. Нет такого. Самая главная сложность – желание. Желание делать, не ожидая ни от кого ничего. Кто виноват, что мы большей частью безинициативны, мы все время ждем чего-то, кого-то обвиняем. Я не хочу так. Это означает отклонение, это важная потеря скорости и темпа. Надо браться за себя в большом смысле, ориентироваться на высокую духовность, а не на рынок, потому что рынок ведет к фетишизации средств. Истинное же богатство ничего общего не имеет с деньгами, он совершенно в другом измерении. Болезнь вещей должна быть, потому что иногда люди для того, чтобы подтвердить свою значимость, нуждаются в вещах. Наша задача – предложить людям вернуться к духовным ценностям. Рынок нужен. Есть вещи, которые продаются, и есть вещи, которые никогда не купишь. В том – то и наша задача – чтобы рынок обрел культуру и наша культура имела рынок.

РЕАЛИСТ

Я оптимист там, где другие пессимисты и наоборот. Я вижу все в реальном свете. Излишний оптимизм – вредное занятие в то время, когда реальность подсказывает совершенно другой исход. Так же вреден и пессимизм – они друг друга стоят. Реальность стоит между ними, и если творческий деятель хочет устремиться в небеса, то он должен крепко стоять на ногах и на своей земле. Таланты – генетический фонд. Самый устойчивый, в самое сложное неустроенное время показывающий дивные результаты. Талантливейшие

ребята – сегодняшние студенты: девочки из Мартуни и Раздана, из других мест. Деревня снабжает город, а город пока остается потребителем.

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Городской фольклор у нас безликий, это смешение восточных и обещамериканских ритмов – это рынок, это не творчество. Не каждый, кто взялся за перо, может называться писателем или журналистом. И не любой человек, который хочет петь – уже певец. Если кто-то взялся и поет, его показывают по ТВ, еще не означает, что он автор или певец. Надо спокойно относиться ко всему этому. Эти люди зачастую пользуются нашей доброжелательностью и зарабатывают большие деньги. А настоящее творчество пока в нашей стране незащищено. У нас нет этой задачи – видеть истинное творчество. Мы сейчас видим занятия творчеством, а это разные вещи. Но опять-таки, бездарность нельзя воспринимать как минус, это жизнь. Мы должны сами заниматься просвещением наших детей да и всего народа, сами! Пока школа не создает ту атмосферу, какую мы хотели бы видеть, обучение не носит заинтересованного характера. Мы должны все делать сами, пока не придет тот человек, который будет делать то, чего мы хотим. Нормальное состояние государства, это когда потребности нашей жизни в руках профессионалов. Вот истинная суть государства. Профессионалы, а не те, которые занимают временные посты. Здесь нужна, конечно же, определенная кадровая политика, определенные пояснения, как человек должен применять свое умение. Человек должен быть абсолютно защищен законами. К сожалению, мы иногда отстаем, идем за законами, за жизнью...

Фильм «Пощечина» сначала запомнился именно музыкой Тиграна Мансуряна. Она такая армянская, что хочется плакать. И сейчас, слушая ее, думаешь – неужели это написано в то время, когда вроде бы и «творить не творилось и писать не писалось». Но именно тогда и снимался этот фильм, вроде бы ни о чем, то есть о любви... Самое интересное то, что сама повесть Тотовенца ну никак не предполагала такого фильма, ну никак.

В Ереване, особенно в центре сейчас пройти невозможно – пыль, грохот, шум – словом стройка. Строятся приличные дома. Облик города меняется с каждым днем, и с каждым днем становится больше недовольных: ах, испортили таманяновский Ереван, превращают в безликий мегаполис, ах, как жалко. Да, действительно жалко, ибо уже нет тех улочек, по которым ходили в юности, нет тех кафе, нет трамваев – их заменили многочисленные маршрутки. Зато теперь можно без проблем доехать куда угодно и не топать до дому минут 10, а то и 15. А кататься на трамвае было здорово, особенно на «двойке» или «семерке» – неторопливо, через весь город из Эребуни в Зейтун, если кто не помнит. Сидишь, глядишь в окно, никуда не спешишь... Трамваи уже тогда очень старые, дребезжащие, на стыках иногда подрагивали.

Совсем пропал в новостройках и кинотеатр «Пионер», в котором шли фильмы, не выпускаемые в основной прокат. Если учесть, что в СССР таких фильмов было предостаточно, и все они были хорошие, а некоторые и вообще тянули на мировое кино, то за билетами приходилось стоять в очередях. Там мы смотрели «Гараж», «Сталкер», американское и европейское кино. Там же армянский Госфильмфонд устраивал тематические просмотры армянских фильмов. Расписание составлялось на год вперед, и мы всегда знали, когда можно пойти посмотреть интересный или новый фильм. В кино мы ходили постоянно – иногда умудрялись посмотреть даже два фильма за день. Но однажды мы с подружкой в упомянутом клубе КГБ посмотрели 2 фильма и еще 2 часа «Белоснежку и 7 гномов» Диснея. И все за один

день! После этого неделю мимо кинотеатра проходить не могли – переборщили. «Ад в поднебесье» и «Аэропорт» тоже там показывали. Кто бы мог подумать, что «Ад в поднебесье» может стать явью 11 сентября 2001 года....

«Козырек» неожиданно стал именоваться «Рипсима» - нечто непонятное и чужое. Правда над новой надписью безграмотно на армянском выведено «Козырек», но...Очень скоро там поднимут цены и... Хотя цены уже сейчас высокие – чашка очень дурного кофе стоит самое меньшее полдоллара. Говорят, в Венеции дороже, раз в 10. Так то Венеция... А «Козырек» уж лучше бы вообще оставили без названия, как оно и было.

Может быть, все придумано просто так, когда уже в голову ничего не лезет, кроме дурных мыслей. Типа того: когда человек сам себе не нравится, он начинает сразу искать виновных, особенно среди тех, кто под рукой и – в лучшем случае пишет глупости. В худшем – начинает эти глупости претворять в жизнь. Наверное, лучше все написать, выплеснуться, уже не возвращаясь к ушедшему дню.

Начинал он, как и все – в далеких 60-х. Играл с друзьями - с Малхасом, Кокой, Алешей, потом ушел в Государственный оркестр Константина Орбеляна. Потом оркестра не стало. В 1992 году Армен «Чико» Тутунджян собирает коллектив под названием «Chico & Friends» с которым начинает выступать в джаз-клубе гостиницы «Армения». В этом составе играли Ваагн Айрапетян, Армен Усунц, Тигран Пештмаджян, Арсен Нерсисян, Карен Гаспарян. Состав выезжал в Швецию, где дал серию успешных концертов. «Chico & Friends» выступали на первом после длительного перерыва ереванском джаз-фестивале в 1998 году. К 2001 году состав ансамбля окончательно сформировался и вроде бы устоялся. В него входили Тигран Пештмаджян (вибрафон, фортепиано), басист Симон Долмазян, молодой трубач Ерванд Маркарян и барабанщик Армен Тутунджян. Идея создания состава без фортепиано, приходила в голову «Чико» еще в самом начале карьеры. На сей раз идея создать коллектив с трубачом осенила Пештмаджяна, прекрасного вибрафониста.

Тутунджян был джазовым ведущим на первой в Армении FM-радиостанции в начале 90-х. В 1998 году он организует цикл передач, посвященных джазу, на телеканале "A1+". Когда канал закрылся, «Чико» ушел в «АР», где вел передачу Jazz-Time. Сейчас на Общественном ТВ Армении он делает то же, что и делал всю жизнь – рассказывает о джазе. «Какой смысл говорить о прежних заслугах, о пройденном когда-то пути? Говорить надо о дне сегодняшнем и думать о завтрашнем. Только так можно всегда оставаться в форме» - это говорит он сам и наверное он прав.

В Ереване сейчас почему-то слушают арабскую и, что еще хуже, турецкую музыку. Если дальше пойдет такими темпами, то новое поколение забудет родные мотивы. А кто об этом должен думать? Наверное, в который раз повторим – на Министерстве культуры лежит доля вины, причем большая доля. Вот в Азербайджане (да-да, именно!) министром работает Полад Бюль-Бюль оглы, человек искусства. Уже не будем говорить о том, что главная политика делается и культурой тоже. Тот же Бюль-Бюль оглы привезет пару исполнителей в Москву – и на полгода все забудут, что есть армянская культура. Не будет у нас второго Мартина Вартазаряна или Роберта Амирханяна. Это те, кто остались. Но они явно лучше бы руководили культурой, если это слово вообще уместно в данном случае.

Тогда, в 70-е впервые прозвучали обработки армянских народных песен – сейчас они стали классикой, особенно на фоне псевдо-эстрадной «народной» музыки. Одним из первых аранжировщиков был Аксель Бакунц. Племянник расстрелянного в

1937-м году писателя Акселя Бакунца, добрый и улыбчивый, он подтверждает поговорку: «хорошего человека должно быть много».

Аксель Бакунц, или как его называют друзья, Кока - один из старейшин армянского джаза. Хотела, было, написать «патриарх», но как-то не вяжется это слово с его обликом. Да и к другим джазменам, которые составляют славу армянского джаза, даже к самому старшему из них – Мартину Вартазаряну, это слово не очень подходит.

Поседевшие или облысевшие, они за грузом прожитых лет как-то умудрились не растерять максимализм и кураж юности, интеллигентность, порядочность, честность – все то, что сейчас возводится чуть ли не в ранг героизма.

Мы сидели с Акселем Вагановичем в небольшом кафе и он рассказывал. Не о себе – эти ребята о себе говорить ужасно не любят- об эстрадно-джазовом колледже, которым руководит почти 10 лет.

«Почему-то все говорят, что нам запрещали играть джаз, рок. Никто ничего не запрещал – мы ездили с гастрольями по Союзу, а пару раз даже за рубеж с нашим квартетом. Тогда просто была небольшая обязаловка: спеть одну патриотическую песню, а дальше пой, что хочешь. Так что все было в порядке. Я играл в «Крунке» в 1966-68 годах, а пели у нас Симон Терян, Раиса Мкртчян. Хорошее было время. У нас в одно время играл Карен Свасьян, ныне философ, живет в Швейцарии. Много народу играло – от души и прекрасно.

Профессиональных исполнителей, как и музыкантов, было разве что на пальцах сосчитать. Тогда и возникла идея на базе Ереванской консерватории создания эстрадно-джазовой студии, которая в 1996 году стала Ереванским государственным колледжем эстрадно-джазового искусства. Выпускники студии: Сюзан Маркарян, Эрнэ Юзбашян, Эмма Петросян, Нуне Есаян и другие. Я совершенно уверен, что не будь этой студии-колледжа, такого бума на певцов и певиц, который наблюдается сегодня, не было бы.

Многие хотят сразу стать знаменитостями, хотят непременно выступать на ТВ, радио, давать концерты. Есть, конечно же, среди них ребята толковые, с ярким проявлением своего индивидуального слога, но есть и пустышки, вообразившие себя Бог весть кем. Очень часто мне приходится им говорить: “Детка, займись чем-нибудь другим”.

А то, что человек талантливый, чувствуется сразу. К примеру, есть ребята, которые отлично играют на гитаре, не зная нот. Вот это - наши кадры. С вокалистами легче. По тому, как исполняется песня, можно сразу судить о данных этого человека, его слуховом кругозоре, эрудиции. Я делаю ставку на врожденный талант, внутренний дар. Его ни с чем не спутаешь.

Если повезет, то окончивший колледж сможет найти свое призвание за рубежом. Но многие прекрасно чувствуют себя и здесь, найдя работу в ночных клубах, ресторанах, кафе... Получилось так, что сегодня именно в таких местах звучит серьезная музыка. Яркий пример тому - “Поплавок”. Уже с первого-второго курса молодежь “оседает” в ночных заведениях. Как правило, многое сегодня делается за счет личных контактов. По правде говоря, как раньше мы занимались сплошь партизанщиной, так и сегодня мы недалеко отошли от этого... Да, сегодня Министерство культуры как-то поддерживает нашу работу, но это не тот уровень поддержки. Мы всего лишь учебное заведение, записывать и популяризировать лучшие исполнения нам не под силу...

...Я почему-то совершенно уверен, что у тех, кто так страстно тянется к “рабису”, не все в порядке с генами. Чистокровный армянин не станет слушать такую музыку. Сегодня можно искоренить “рабис”, создав альтернативную

музыку. Надо делать так, чтобы мы слушали больше свои произведения. Народ должен почувствовать разницу. В свое время, в начале 70-х, мы сделали такой эксперимент: народную музыку переиначили, переписав в более популярной эстрадной манере с некоторыми элементами джаза. Представьте себе, понравилось. Армянская музыка всегда отличалась от восточной и европейской. Об этом впервые сказал Комитас, выделив третью, сугубо армянскую музыку, имеющую свою эстетику, отличную от всех. Она - в крови. У талантливых музыкантов она проявляется ярче, своеобразнее. К примеру, Армен Донелян, один из десятки лучших американских джазовых пианистов, подпитанный необычайно глубоким музыкальным кругозором, сохранил в себе истинное армянство... Года два тому назад, приехав на родину, он открыто тянулся ко всему народному, его это всерьез увлекало, тянуло к себе. А когда наш ансамбль “Серпантин” исполнил “Ераз”, он не смог сдержать слез. После он рассказал, что вдруг вспомнил эту песню, которую еще в детстве напевал ему отец...»

Вот такой получился монолог. Наверное, можно было спросить и о том, как он начал играть, почему именно джаз и ничего больше, тысячи разных почему. Но сколько ни рассказывай о человеке, лучше него самого это никто не сделает. Так оно правильное и – честнее.

Рассказывает Кока Бакуни: готовились мы к первому концерту «Серпантина» - пришлось побегать – аппаратура, зал, прочее. Все утряс, назначил день концерта, пришел домой, и вдруг как ударило: а что мы будем играть, репетурара-то нет. Дело было в 10 часов вечера. Достал я из холодильника бутылку водки, сел и сделал аранжировку «Назан-яр». Потом подумал - одной песни маловато – нужно еще. Так до утра и просидел - сделал «Нубар- нубар», еще несколько. В 10 утра пришел на репетицию. Вот так все и было.

Уже поздно, за окном весна, играет Оскар Питерсон. И опять вспоминается программа «22.30», в одном из выпусков которой показали концерт Питерсона и Каунта Бейси. Интересно получается – из прошлого осталось только то, что получило сейчас продолжение. Все остальное осталось за кадром. Как и рано ушедший Давид Азарян.

Коля Вартанян: когда нам было примерно по 20 лет, зашли мы с Додиком в церковь св. Саркиса. Он упал на колени и о чем-то страстно молился. Когда мы вышли, я спросил: что ты просил у Бога? Давид ответил: я просил, чтобы он меня вывез отсюда...Бог его и взял к себе...

29 марта 2005 года исполнилось 2 года со дня смерти джазового пианиста Давида Азаряна. Он погиб в Стоунхеме (США). Погиб нелепо: вышел менять колесо и его сбила встречная машина. Трагедия произошла практически на глазах у жены и детей, ожидавших мужа для встречи в том самом роковом месте. Азаряну был всего лишь 51 год.

Давид Азарян приехал в США в 1989 году по десятидневной визе, но обратно на родину так и не вернулся. Жил Давид в Белмонте, в основном играл в различных бостонских клубах, выступал на самых известных сценах Нью-Йорка, включая Карнеги Холл, а также преподавал в Беркли. В Америке он выпустил несколько дисков, из которых наиболее известен Stairway to Seventh Heaven.

Азарян рано начал заниматься музыкой и свою первую награду на конкурсе пианистов получил в 12 лет. Однако вундеркинд выбрал путь джазового

музыканта и со своим трио много гастролировал по Советскому Союзу и за рубежом до тех пор, пока не решил использовать шанс и перебраться в Штаты.

Давид Азарян: "Иногда судьба, состоящая из случаев, порой даже из королевских, Их Величеств Случаев, своим мудрым вмешательством, неумолимой рукой (часто довольно грубо) корректирует нашу жизнь и ставит все точки над 'i'. Если научиться ретроспективно проследивать взаимосвязь событий и суметь определить драматургию в этой цепи фактов и явлений (естественно, в основном на примере своей жизни), то можно будет развить интуицию до такой степени, что в узловых жизненных ситуациях ты поступишь так или так и окажешься в результате правым".

Он был одним из немногочисленных армянских джазменов, сумевших добиться признания в Америке, на родине джаза. Давид давал концерты в самом престижном кембриджском джаз-клубе "Regattabar", выступать в котором считали большой честью известные джазовые музыканты. Он играл с выдающимся музыкантом современности Джо Ловано и записал с ним диск, работу над которым закончил буквально перед смертью. Его альбомы "Living in Jazzland", "Desire", "Longing", выпущенные в Бостоне, разошлись в одночасье. До последних дней он преподавал в бостонском Berklee School of Music, будучи профессором, имея свой класс и свою методику преподавания.

Левон Малхасян: Додик был Музыкантом с большой буквы, он прекрасно чувствовал композиционную драматургию произведения. Его музыка, интересная по ритмике, выделяется среди остальной, ее невозможно спутать ни с какой другой, так как все, что он делал, импровизационно ново, причем в масштабе мирового джаза. Каждый момент его жизни был ярким, индивидуальным, как и он сам. Я бы сказал так: Давид в своем творчестве был основательным профессионалом.

Ерванд Ерзнкян, художественный руководитель и главный дирижер эстрадно-симфонического оркестра Общественного телевидения и радио Армении: Я знал Давида Азаряна еще с детства, наши родители дружили. Это был мальчик-вундеркинд и он уже тогда играл превосходно. Но я вообще не поощряю, когда джазовые музыканты уезжают в США. Там он в любом случае – один из многих. Да, в США он выступал в престижных клубах, но здесь он был бы более знаменит. В Армении он был единственным. Давид Азарян – веха в нашем джазе, мы потеряли хорошего профессионала и элитарного джазмена.

Александр Григорян, художественный руководитель Русского драмтеатра: Как композитор, работающий в театральном жанре, Давид дебютировал в нашем театре в спектакле "Лодка в лесу" болгарского драматурга Стайчева. Его музыка была настолько элегантной и неожиданной, создающей в спектакле великолепный контрапункт, удивительно игривое настроение, что, когда в софийском театре ставили ту же пьесу, попросили использовать музыку Давида Азаряна. Он отличался изысканным вкусом, интеллигентностью. Это был человек небольшого роста, но с большим сердцем и потрясающей улыбкой.

Вспомнилась Татевик Оганесян – в те годы ее «Вокализ» для нас был не хуже, чем пение Эллы Фицджеральд. Может Татевик ей и подражала, не знаю. Скорее всего, да – не подражать великой певице было невозможно. Но и здесь было наше родное, армянское. Как бы ни говорил Степан Шакарян, что нет армянского джаза, он все же есть. Просто это не армянский джаз, а джаз по-армянски.

Татевик Оганесян: «Вообще джаз –это особая философия и если в нее погрузиться, она будет сопровождать тебя всю жизнь». Начинала она в 70-е годы в Эстрадно-симфоническом оркестре Гостелерадио Армении под управлением Мартина Ватазаряна. Потом был оркестр Орбеляна. Было все: слава, приглашения на различные конкурсы и джаз-фестивали... Но в 1988 году она уехала в США. В Нью-Йорке все пришлось начинать заново. Через 3 года она стала выступать со своим джаз-трио (Армен Донелян, Бен Алисон и Портино).

В 1998 году Оганесян приехала на первый Ереванский джаз-фестиваль со знаменитым продюсером Джорджем Авакяном. Кстати, привез их Армен Манукян, о котором речь еще впереди. Тогда Татевик представила свою программу, в которой вместе с классикой джаза исполнила Комитаса, Саят-Нову, народные песни в джазовой интерпретации. Эти песни они исполняет на гастролях по всему миру. «Мне хотелось познакомить своих слушателей с армянской музыкой и я это сделала», - сказала она в свой приезд в Ереван.

Эта книга не случайно называется «Ереванский вальс». Получилось так: впервые услышанная музыка навеяла ностальгию по временам юности и... дальше уже было несложно. Некоторое время тому назад Марина, не ведая, что творит, посоветовала написать небольшую книжку. Как она выразилась – «о том, что тебе ближе всего». Сначала была идея собрать наиболее приличные статьи и опубликовать – как это нередко делает наша братия. Но столько «приличных» статей не нашлось, по крайней мере, на мой взгляд. Правда, кое-что, опубликованное в газете «Республика Армения» вошло, но это уже «в тему». Потом была идея написать о Карабахе, но по ряду причин она тоже отпала. Так и маялись мы вдвоем в поисках общей идеи, потому что писать хотелось жутко. Совпадение некоторых событий, постоянные воспоминания в конце концов сделали свое «черное» дело. Оказалось, что о любимом городе и друзьях-знакомых очень легко писать. Правда, Ереван получился какой-то однобокий, «джазовый», но, как пел Окуджава: «Каждый пишет как он слышит, каждый пишет как он дышит, как он дышит так и пишет, не стараясь угодить...»

Все дело в том, что в городе, где на главной площади стоит огромный экран (вместо памятника Ленину), на котором крутят Луи Армстронга, плохо быть не может.

*Все же грустный он, этот вальс...Почему-то вспоминаются дни молодости, когда вдруг накатывала беспричинная тоска, депрессия, иногда настолько жуткая, что хотелось резать вены, что-нибудь взорвать или, на худой конец, напиться. Сейчас, по прошествии стольких лет, начинаешь понимать, что вся эта юная муть никакого отношения к реальной жизни не имела: мы жили в плену иллюзий и вечности. Иллюзии, надо полагать, закончились –правда, не до конца, еще есть надежда, что все изменится, причем в лучшую сторону, - с вечностью же пока все в порядке. Раз мы живы, значит все продолжается. Почему-то кажется, что этот вальс весь в прошлом. Вальсы вообще имеют обыкновение напоминать о чем-то дорогом, но ушедшем и даже самые радостные из них, как «Сказки Венского леса» это всего лишь воспоминание о любви, которая была настолько сильна, что быстро закончилась, не оставив ничего, кроме музыки. Наверное, это и есть самое важное, не знаю... И странное дело – сколько ни слушай «Ереванский вальс», он не надоедает. Но ведь и Город не может надоесть, ты в нем живешь, каждый прожитый день – от Бога. В этом, наверное, тоже магия Еревана. У Эрrolла Гарнера есть классная вещь *Lover Come Back to me*. Слушаешь – и становится тепло и приятно от того, что есть на свете подобная музыка и есть такие пианисты..Он вообще играет бесподобно. Мне он даже нравится больше*

Питерсона, хотя нравится- не нравится в данном случае просто неуместно.

Недавно по ТВ давали «Пасхальную сюиту» Оскара...

А Misty – это действительно нечто туманное, расплывчатое, не поддающееся словам настроение. Это и нечто недостижимое, божественное, что не может испортить даже самое неумелое исполнение. И еще это ереванская осень – такая же щемящая и грустная.

Нынешней весной рано утром у меня был час свободного времени – где-то надо было пересидеть. Такое тоже бывает в нашей суматошной жизни. Дело было недалеко от Café de Paris. В то утро оно было почти пустое, только пара студентов и какая-то дама - то ли аспирантка, то ли преподавательница, но явно не из здешних, завтракала: кофе, круассан... Вдруг показалось - не было этих 30 прошедших лет, и по улице Абовяна ходят все те же ереванцы, с восточной медлительностью «торопящиеся» по каким-то делам. Нынче на Абовяна постоянно что-то строят, ломают и кажется, что это никогда не кончится.

Сейчас в самый раз пройтись по местам «боевой славы». Прогулок этих будет несколько, так что вперед. Гулять будем неспешно – ведь пройти от Монумента до площади и не присесть в паре мест выпить кофе – грех. Куда мы дойдем в конце, пока не ясно, но скорее всего вернемся туда, откуда пришли...

Итак, кафе «Арагил», которое сейчас, равно как и Дворец молодежи (в просторечии «кукуруза») стоит в руинах. В «Арагил» ходили редко – далековато, но вид оттуда и сейчас чудесный. А «кукуруза», которую уже начали сносить и за которую ряд людей стоит горой, почти развалилась. Хотя разваливаться она начала уже сразу после строительства. В правом крыле находится эстрадно-джазовый колледж, в классах стоят тазики и ведра на случай дождя. Директор колледжа, Аксель Бакунц (о нем мы уже рассказывали) обитает в жутком темном кабинете без окон... Как в этих условиях можно учиться, известно одному Богу и, наверное, директору. Но учатся, в колледже 120 студентов. Будь это заведение частным, и крышу бы починили, и классы привели бы в порядок.

Но пошли дальше – мимо памятника Абовяну, мимо институтов – прямо к «Армэнерго». Напротив была очень милая стекляшка, где летом можно было посидеть очень недорого, съесть мороженого, встретить друзей из соседних вузов. Сейчас в стекляшке ярмарка.

Следующая остановка – гостиница «Ани» и знаменитый бар «Урарту», где подавались непонятные коктейли. Тогда еще не пришло откровение, что пить нужно только водку – пили все подряд. К совершенству надо идти долго... Впрочем, в «Ани» было неплохо, там играли джаз, рок – в этом смысле разнообразия раньше было больше. Это сейчас, куда ни пойдешь – одно и то же за редчайшими исключениями. Напротив «Ани» - магазин «Мелодия», на витрине которого красовался огромный диск, сделанный Костей Подпомоговым, сыном художника Валентина Подпомогова. Костя сейчас в Америке. Ну что можно было купить в этом магазине в советское время – разве что приличную классическую музыку. Все остальное – с рук. На излете 80-х магазин почти опустел – все, что народу было нужно, он уже достал. Отсюда рукой подать до кинотеатра «Москва», еще одного символа Еревана.

В «Копейке», так кажется это заведение называлось, всегда было дымно и трудно дышалось от запаха прокисшего вина, но сидели, убивали время или до начала киносеанса, или просто так. Частенько сживали в ней Левон Нерсисян и Эдмон Аветян. Гостиница «Ереван» конечно же, была обычной советской гостиницей, а внизу, где сейчас за темными окнами ничего не видно, было кафе, увитое плющом.

Довольно уютное, надо сказать. Между прочим, на месте кинотеатра «Москва» стояла церковь св. Петра и Павла, взорванная в 30-х годах...

...Прошли «Детский мир», площадь. Изобилия кафешек не было, не было и Pizza di Roma. Но поющие фонтаны били, кажется всегда, как и чудный сквер с 2750 фонтанчиками и вечным огнем революционерам. Огня нет, фонтанчики остались. Далее свернем на Амиряна, чтобы выйти на проспект. На углу Амиряна и проспекта было кафе «Лилит», куда летом можно было заходить прямо через широко распахнутые окна. Сейчас здесь ресторан «Славянский»: половые, цыгане, швейцары в ливреях и неплохая кухня. Кстати, кормили и кормят в Ереване почти везде очень прилично.

Небольшие шероховатости исполнения, особенно когда слушаешь эту музыку постоянно, сначала раздражают. Ну типа того, что «смазал, не додержал и вообще грязно играет». Потом вдруг вспоминаешь, что в этом есть особый шарм – так играют настоящие джазмены. И никогда не знаешь, как будет звучать произведение в следующий раз, даже минут через 15. Получается так, что, зная наизуток произведение, ждешь этих ляпов уже в другом исполнении. А когда их нет, то почему-то разрушается целостность восприятия. Возможно и ошибаюсь. Но пока... при первых тактах волшебника-рояля начинаешь думать: а как все-таки здорово...

Где-то в 1980 году мне довелось в первый раз в жизни поехать в Араратскую долину, почти к самой границе. Впечатление жуткое – никаких гор вокруг, нет даже холмика, и громада Арарата, давящая, тяжелая, страшная. Всю обратную дорогу не хотелось говорить. В 1995 году мы поехали в Хор Вирап делать репортаж. Думала, по прошествии лет настроение изменится. Не изменилось. Да и не могло измениться, самое сильное чувство – первое. Все остальное только подтверждает или опровергает. Это относится ко всему, а к людям в первую очередь.

И кого только не встретишь в «Поплавке»! Я бы на месте владельцев сделала бы нечто вроде бульвара Sunset со «звездами»: кто пришел – быстренько звездочку и фотографию на память. И заработать можно прилично.

Напротив Маркарянновской больницы на втором этаже находилось маленькое уютное кафе (сейчас там магазин «Меломан»), ну а дальше – «Козырек», в котором тоже просиживали дни, назначали деловые встречи и свидания. Встречи назначались и у памятника Саят-Нове – оттуда было легче сориентироваться: куда пойти, тем более, все было рядом. Ну а в конце проспекта – уже упоминавшийся «пончиканец».

За редкими исключениями все есть и сейчас, «злачных» мест даже больше. И совсем не надо брюзжать: в наше время было лучше, интереснее - и луна светила по-другому, и солнце ярче ... Мы были другими. Кто знает, что будет чувствовать сегодняшняя молодежь лет через 20-30, проходя по улицам родного города. Наверное то же самое, что и наше поколение – Город-то остается на месте. Уже тепло, и так приятно пройти по Баграмяна, особенно когда идешь сверху. Все хорошо, только уже пыльно и шумно от многочисленных строек. Много цветов, черные зимние оттенки уже меняются на весенне-летнее разноцветье. Еще неделя – и все станет буйно- зеленым. Спешно достраиваются новые летние кафе- мест все равно не хватит. Странно все-таки: говорят все уехали, но народу везде полно и пробки повсюду.

«Поплавок» уже распахнул окна, но почему-то исчезло зимнее очарование, прелесть новизны. Всех уже знаешь – кто когда играет, когда стоит приходить, а когда лучше не надо. Но интрига остается – всегда ждешь чего-то необычного, и оно

приходит – не тогда и не так, как хочется, но сюрпризов хватает. Тем более, если не ждешь.

От «совковости» осталось еще одно предубеждение: если играешь в кабаке, пусть даже самом дорогом, – значит не музыкант, а лабух. А ведь лучшие музыканты мира борются за то, чтобы вывести эту музыку из ночных клубов в концертные залы, и борьба все еще идет с переменным успехом. В других жанрах юный музыкант может сказать себе: "я буду играть на лучших сценах мира"; в этом - счастлив, если удастся пару раз в неделю сыграть в ресторанах. Величайшие звезды джаза зарабатывают раз в двадцать меньше звезд оперной или симфонической сцены, но при этом тысячи, десятки тысяч молодых музыкантов во всем мире стремятся играть именно джаз, посвящая ему все свое время. Ежеженедельно в мире выходят десятки, нет - сотни пластинок, но во всем мировом объеме продаж джаз занимает всего пять процентов. О его существовании знают все, но немногие могут с уверенностью назвать хотя бы трех лучших его представителей. Многие настроены положительно и слушают с удовольствием, но толком джаз мало кто знает.

И уж если речь зашла об американском джазе... Другого, признаться, лично для меня нет. Более того, истинный джаз заканчивается к пятидесятым годам, максимум к началу 60-х. Один из «бессмертных» - Джордж Гершвин. В начале 20-х граница между черными и белыми музыкантами в джазе была еще практически непроходимой, и, пока Луи Армстронг еще бился за признание своей музыки в Чикаго, Пол Уайтман с несколько облегченным эстрадным звуком своего полуджазового полутанцевального оркестра - тогда, впрочем, никакого различия между этими стилями не было - считался в Нью-Йорке "королем джаза". В 1923 году Уайтман заказал молодому 25-летнему сыну еврейских иммигрантов Якову Гершовичу пьесу в "новом", как он выразился, стиле. Она должна была сочетать в себе легкость популярного джазового музицирования и серьезность более респектабельной классики. Тогда на заре становления этой музыки джазмены пытались избавиться от извечного комплекса неполноценности перед так называемым высоким искусством.

Сделанный Уайтманом выбор был неслучаен - отказавшийся от своего еврейского имени Джордж Гершвин казался самой подходящей кандидатурой для смелого экспериментирования по слиянию двух жанров. В кругу бродвейских музыкантов он уже имел репутацию автора ряда популярных хитов и успел даже сочинить небольшую оперетту - "Blue Monday". Именно она и привлекла внимание Уайтмана и стала причиной исторического заказа. Безалаберный Яков-Джордж, впрочем, о порученной ему работе начисто забыл и вспомнил о ней лишь за три недели до концерта, увидев на нью-йоркской улице афишу концерта оркестра Пола Уайтмана, на которой среди прочих значилось и новое сочинение Джорджа Гершвина. В панике, бросившись к роялю, он сочинил "Rhapsody in Blue", принесшей ему мировую славу.

А мне вспомнился январский Орджоникидзе (нынешний Владикавказ), зал филармонии в костеле и оркестр тогда еще мало кому известного Валерия Гергиева, дело было в 1982 году. Солировал ленинградский пианист Павел Ядых. Играли они русскую классику, что – не помню, а в конце – Гершвина. На дворе стояли крещенские морозы, но Гершвин удивительно подходил и ко времени, и к месту.

Может быть столь длинный рассказ о Гершвине и не к месту. В принципе, трудно сказать, что в этой книге к месту, а что нет. К месту то, что любит автор, не так ли? Чтобы любить джаз, не обязательно в нем серьезно разбираться. В конце концов, это

музыка чувства, настроения – сколько ни говори или пиши о нем с ученым видом – все едино, все упирается в два слова – да или нет. Естественно, великих надо знать. Но знание в данном случае приходит от того, что без этой музыки невозможно жить. Все остальное, связанное с этим, приходит потом и само собой – тут даже усилий прилагать не надо. И когда в один прекрасный день ты понимаешь: вся твоя жизнь сконцентрировалась в этих звуках, а все остальное – лишь приложение. И тогда можно спокойно сказать – да, я разбираюсь в джазе, я знаю, что хорошо. Умствования о стилях, контрапункте, гармонии надо оставить критикам. Они все объяснят, разложат по полочкам – и музыка пропадет, растворится, исчезнет, словно и не было ее вовсе.

Все же «Поплавок»- это больше ностальгия, чем «громкое» место, ведь от того «Поплавка» ничего не осталось, только местоположение. Старый «Поплавок» был заведением с отвратительным кофе. Кажется, эта традиция сохранилась – кофе здесь и сейчас не очень. Действительно, не миф ли Ереван, придуманный нами? Может отчасти, поэтому мы и любим его, и придумываем каждый свой Ереван – для одних это старый город, который сносят, для других – джаз, для третьих еще что-то. Все вместе, как ни странно, прекрасно укладывается в стройную конструкцию под названием «розовый город мечты». Кстати, он давно не розовый...

Постепенно становится жарко. Раньше пыли было меньше – наверное спасало обилие деревьев. Городской шум затихает к двум-трем часам ночи, а ближе к лету можно гулять до утра.

Арто Тунчбояджян с Ваагном Айрапетяном записали очень пронзительную и трагическую музыку «24 April». Слушаешь и чувствуешь шорох миллиона ног по песку. И еще одна композиция How Can I say Goodbye to you – вообще безысходность, тоска... Странная все-таки эта армянская музыка – действительно, вроде ничего светлого и радостного. Как будто все веселые мотивы закончились с рождением армянской нации. Но на самом деле сейчас рождается новое ощущение- света и радости. В этом заслуга армянских джазменов всех поколений.

Когда слушаешь Арто с Ваагном, понимаешь, что это в общем-то хорошо и интересно – еще немного и на сцену вылетят чернокожие и начнут плясать под неистовый рокот барабанов Тунчбояджяна... "Я пытаюсь сделать так, чтобы в моей музыке постоянно звучала моя армянская сущность".

А Ереван, будем надеяться, останется таким же – немного провинциальным, восточно-европейским, иногда жестоким, но от этого не менее любимым. Центр города почти неузнаваем – сносятся последние старые дома. Единственное, что жалко – фасады. Может можно и стоило бы их сохранить. А может и нет... не вписываются они в череду фешенебельных домов, растущих на Северном проспекте. Но уже сейчас их остатки навевают не грусть, нет, - тоску. Ереван все же город достаточно молодой и, наверное по замыслу нынешних отцов города, черные здания никак не вписываются в общий образ столицы, которая уже очень далека от таманяновского идеала. И слава Богу. Просто мы, армяне, слишком консервативны, для нас что-то сломать, изменить подобно чуть ли не предательству. И еще мы очень американизированная нация, хотя и от России мы не отошли. Да и вряд ли отойдем.

Ереванца очень легко узнать в другом городе хотя бы по тому, как он переходит дорогу. «Зебра», светофоры – это не для нас. Мы будем лавировать между машинами, рискуя угодить под колеса, но переходить улицу будем там, где удобно

нам. Перебегая через проспект Руставели в Тбилиси, где все спускаются в переходы, я увидела двоих, как и я, пересекающих проспект по проезжей части. Увидели друг друга, улыбнулись, даже помахали – свои, ереванские. В 70-х вдруг городские власти решили штрафовать за переход в неположенном месте. Штраф по тем временам был большой – уже не помню – то ли рубль, то ли три. Естественно, ничего из этой затеи не вышло – милиция тоже была своя, ереванская.

Стоп. Писать об армянском джазе без Орбеляна?.. Наверное, начинать рассказ надо было с него, но... вспомнился он почему-то здесь. Может, так и лучше – ведь все еще впереди, есть еще имена, которые надо обязательно вспомнить. Но интересное дело – многие из моих современников, да и людей постарше, составивших славу и гордость Еревана, коренными ереванцами не являются. Да, они почти все родились в Ереване, но их родители приехали из разных мест. Город их всех принял, и дети их не мыслят, что можно родиться и жить где-либо в другом месте. Правда, говорят... да разное говорят....

Он родился 29 июля 1928 году в городе Армавир. Способного мальчика отдали в школу для особо одаренных детей при Бакинской консерватории. Но проучиться Константину удалось очень недолго. Наступил 1936 год. Начавшиеся в стране кровавые репрессии не обошли стороной и дом Орбелянов. Арестован, а позже расстрелян отец. Через два года, в 1938 году, арестована и приговорена к 10 годам сталинских лагерей мать. Ее реабилитировали лишь в 1953 году. Тут же Костю исключили из "престижной" школы. Из большого города братья перебрались в Нагорный Карабах. Гарри устроился преподавателем в школе, а 11-летний Константин подрабатывал, аккомпанируя гимнастам из спортивного общества "Буревестник". В 1940-м Гарри призвали армию. Еще через год началась война.

В 1942 году Орбеляна взяли пианистом и аккордеонистом в джаз 8-го авиационного корпуса, где сложился неплохой по тем временам музыкальный коллектив. 14-летний музыкант стал воспитанником военного оркестра. Однажды джаз приехал на гастроли в Ереван. Армянские джазовые музыканты "открыли" для себя молодого импровизатора. На талантливого музыканта обратил внимание и решил пригласить к себе в коллектив основатель и руководитель эстрадного оркестра Армении Артемий Айвазян. Начало их совместной работы Орбелян всегда вспоминает с юмором. Вызванный телеграммой от самого Айвазяна, Константин поспешил явиться к маэстро как был, в не самом презентабельном виде. Будучи, ко всему прочему, достаточно дерзким по характеру, с ходу высказал несколько критических замечаний по поводу последнего выступления оркестра Армении. Айвазян, выслушав юношу, по-своему принял вызов и без всяких предварительных репетиций и подготовок "вытолкнул" Орбеляна на эстраду в очередном концерте. У Айвазяна, ставшего его "другом детства", молодой Орбелян прошел хорошую школу. В те годы эстрадный оркестр Армении считался одним из лучших советских ансамблей, отличительной чертой которого были профессионализм, яркая театрализованная форма выступлений и ориентация на армянскую национальную музыку.

В 1952 году Орбелян организовал на радио инструментальный квинтет. Это был шаг на пути возвращения в любимый мир джаза. Здесь надо обязательно вспомнить Эдварда Мирзояна, который сыграл в судьбе Орбеляна, да и многих нынешних композиторов, исключительную роль. Не зря Мартин Вартазарян называет его УЧИТЕЛЬ. В устах Мартина Цолаковича это звучит почти как Бог.

С начала 70-х годов оркестр Армении приобрел триумфальную известность в СССР и за рубежом. Коллектив выступал на лучших концертных площадках мира вместе с популярными джазовыми коллективами. Часто выступления носили по-настоящему соревновательный характер. Впервые такое испытание армянские музыканты выдержали в 1973г. в ФРГ во время Дней советской культуры. Им пришлось в течение шести часов подряд играть по очереди с одним из самых известных коллективов - оркестром Кёльнского радио и телевидения под управлением Вернера Мюллера. Публика и пресса были единодушны: армянские джазисты переиграли зарубежных коллег. Ну и так далее. Джаз распался с обретением Арменией независимости, Орбелян уехал в Штаты. Ныне Армен Мартиросян пытается возродить былую славу... Вероятно, нужно время.

Он всегда готов предложить глоток холодной родниковой воды. Он - это мальчик-водонос, маленькая выразительная скульптура которого давно стала украшением Еревана. Спеша по делам, я, сделав крюк, стараюсь обязательно пройти рядом, постоять и представить себе этих мальчишек, легко перебегающих с места на место, и услышать: «Воду продаю! Холодную воду!».

Мальчик - символ, история города. Фигурка стоит на месте бывшего рынка Еревана, называвшегося «Кантари шука». Деревянные постройки базара, последний торговый ряд, был разрушен к концу 60-ых годов. Вот по этому рынку и бегали мальчишки с глиняными кувшинами в знойное ереванское лето, раздавая воду всем желающим. Вода вкусно булькала, вытекая из узкого горлышка, холодные капли тяжело шлепались в пыль, а мальчишки, не дождавшись последнего глотка, уже голосили: «Вода! Воду продаю!»

Автор скульптуры - Ованнес Беджсян. «Однажды, на одной выставке я услышал разговор отца с друзьями детства, - вспоминает сын Ованнеса Беджсяна Давид - тоже скульптор. - Отец, режиссер Генрих Оганесян (режиссер знаменитого «Три плюс два») и Антон Ервандович Кочинян - первый секретарь ЦК КП Армении вспоминали, как они продавали воду сначала на Кантари- шука, а уж потом и на улицах Еревана. Так что скульптура - это где-то воспоминания детства». Ставить в те годы скульптуру на жанровую тему было довольно трудно. В фаворе были героические темы и монументальные изображения. Помог, конечно, Антон Ервандович. Побывала фигура и на реставрации - постарался Давид Беджсян, честь ему и хвала, и не только потому, что выполнял сыновний долг - он сохранил мальчика в первую очередь для нас, давно уже привыкших к «изыскам» консервированной воды «Ной» и «Апаран». А вода в Ереване действительно была вкусная. Да и сейчас в некоторых районах города ее можно пить прямо из-под крана.

Ереван разросся, и вода поступает жителям из разных источников. Старого родника, питающего раньше маленький город, уже не хватает. И открыв кран, из которого достаточно часто не дождаться ни струйки, вопреки заверениям владельцев водопровода, ереванцы бегут в магазин за «европейской» водой. И тогда самое время вспомнить о мальчишках-водоносах, таскающих на своих плечах ереванскую воду, постоять у скульптуры, ставшей символом розового города «мечты», от которого сейчас почти ничего не осталось.

Говорят, что хороший, а тем более талантливый музыкант не может играть на чем попало. Даже если это вполне приличный инструмент, сработанный на музыкальной фабрике, к примеру немецкой. Нет двух одинаково звучащих роялей, скрипок, гитар. Великий Владимир Горовиц возил свой не менее знаменитый «Steinway» по всему миру. Это была не прихоть гения, а привычка

к звукам именно этого рояля. Ну а не иметь собственные струнные или духовые инструменты настоящему музыканту вообще не пристало. А если так, то и музыкальный мастер должен соответствовать .

Настоящих мастеров можно пересчитать по пальцам во всем мире, а в Армении – тем более. И как бы ни развивался прогресс, все равно, музыкальные инструменты делаются почти вручную. Считается, что даже электропила может дать ничтожную погрешность. А это значит изменение качества звука. Но это так, отступление...

Известно, что можно окончить гуманитарный институт и заниматься чем угодно – от журналистики до ... изготовления гитар, к примеру. А если свою первую гитару, правда игрушечную, сделать в 6 лет, то тут уже ясно – Божий дар, судьба. Армен Блбулян, на сегодняшний день самый лучший мастер по гитарах в Армении, окончил французское отделение Брюсовского института и музыкальную школу по классу классической гитары. Его отец, Петрос Блбулян был деканом того же факультета и прекрасным трубачом. Мы уже писали о знаменитых в 60-е годы джаз-оркестрах ереванских вузов. Брюсовский был одним из лучших. Армен и сам играл в различных группах и, естественно, мастерил гитары.

Как настоящий ремесленник в самом лучшем смысле этого слова, он – самоучка. «Мой учитель – Лео Фендер. Заочный, конечно. Я учился на его гитарах. Терпеть не могу какие-то правила, нормы – у человека должна работать фантазия, он должен иметь стиль. Без этого ничего не получится. Нужна одержимость».

Инструмент начинается с выбора дерева. Иногда приходится покупать несколько кубометров, чтобы выбрать пару подходящих досок. Все остальное – струны, колки, шурупы – приходится покупать за рубежом – в Армении ничего этого нет.

«Гитара, да и вообще любой музыкальный инструмент – удовольствие дорогое. Нормальная акустическая гитара за рубежом стоит около \$2500. Это нормальная цена, ниже которой ни один уважающий себя мастер не станет продавать гитары. Все, что дешевле этого – «фанера». Я все делаю своими руками – от дизайна до покрытия лаком готового изделия. По другому нельзя», - говорит Армен.

Делает свои гитары Армен дома, в крохотной комнатенке. Зимой там работать невозможно – холодно, стынут пальцы. Печку не растопишь – места для нее нет. Вот и мается человек, имя которого знают все музыкальных дел мастера мира, без мастерской.

«Вся наша беда в том, что мы существуем отдельно от министерства культуры, от государства. Я вот даже не могу получить мастерскую. Да обо мне знают в мире, а толку никакого.

В 90-е годы пришел ко мне один француз. Помните, какое было время – ни света, ни тепла. Ну я и показываю ему свой «паяльник», который нагревался от свечки. Он долго в себя не мог прийти и понять – как можно в таких условиях вообще что-то делать. Вот так. Я тогда еще много чего напридумывал, только чтобы работать», - рассказывает Армен.

Два раза он участвовал в крупнейшей выставке шоу-бизнеса NAMM (National Association of Music Market) в Лос-Анджелесе. «Туда никто не приглашает – ты должен за все платить сам: за место, за свой PR. Правда, случайных людей там не бывает – там собираются гиганты шоу-индустрии, знаменитые мастера - знакомятся, заключают контракты. Один контракт может позволить мастеру целый год работать и не думать о завтрашнем дне».

На его инструментах играют Арто Тунчбояджян, Рубен Ахвердян и Георгий Мангасарян. Его знают такие признанные мастера по гитаре, как Стив Бейли, Майкл Тобиас, Скотт Хендерсон и много –много других. На концерте «Поет Ереван 70-х» четверка бас-гитаристов – Аксель Бакунц, Ерванд Ерзнкян, Рубен Срапионян и Вазген Асатрян - играла на инструментах Блбула (как же ереванскому парню без клички!).

«Я два раза был в Штатах, но вот остаться... Понимаете, я мастер, я хочу работать у себя на родине. Правда, мне в Америке предлагали очень приличную работу. Но... даже не знаю. Ереван – это мой город, и я не хочу быть здесь гостем».

Сегодняшний Ереван чем-то напоминает тот старый обилием концертов и спектаклей. Такого давно не было. И уже не успеваешь – все концерты почему-то в один и тот же день и час. Вот и выбирай – везде хочется поспеть, наверстать упущенное в те холодные, беспросветные вечера 10-15 лет тому назад. В начале 80-х приезжал театр им.Моссовета с несравненными Ростиславом Пляттом и Фаиной Раневской. Билетов, естественно не было, но все спектакли мы смотрели, пару раз даже сидя на полу театра им.Станиславского. Московские театры тогда были частыми гостями Еревана. Правда, за последние два года грех жаловаться.

Если джаз представить в цвете, то для меня это – красное с вкраплениями черного и фиолетового –тревожные цвета. Они никогда не дают успокоиться. «Красное придает внешности музыканта особый интерес. Зрители приходят от тебя в восторг, даже если ты играешь неважно. Лично я вообще не могу играть, если мне не нравится, как я одет», - Майлз Дэвис.

Интересно вообще говорят они - эти джазмены. Если отщипнуть от каждого по кусочку и свести в единое целое – получается прелюбопытное создание, естественно с армянским колоритом. А может все это параллели придуманы со скуки, ведь в Ереване порой бывает так скучно, что невольно. Вроде и ходить есть куда и к кому – однако наваливается тоска, от которой единственное спасение – прогулка по теплому ночному городу.

А улицу Абовяна все же не надо было трогать. Старые дома можно было превратить в магазины, кафе, да во что угодно. С разрушением этих домов исчез старый Ереван, и никакой фешенебельный кабак типа «Old Yerevan» не заменит того, что уже ушло и никогда не вернется.

Страшное это слово «никогда». Просыпаешься утром, идешь по родному городу, видишь разрушенные старые дома и понимаешь: все исчезло, ушло и никогда не вернется. Вот с чем трудно примириться.

От четырех до пяти утра на землю вдруг опускается непроглядная темень и сразу после нее – рассвет... Один час растягивается в бесконечность. Это час, когда не пишется и не думается – душат воспоминания о Городе. Есть, на мой взгляд, в Ереване что-то дьявольское – он манит, цепко держит, но если вдруг возненавидишь – то до конца. Стоишь на Монументе, особенно когда полнолуние, и само собой вспоминается пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат... – и

обязательно приходит на память место из «Мастера и Маргариты», где Воланд прощается с Москвой,

Магия джаза заключается в том, что вроде бы и не слушаешь, но в то же время слышишь, что и как может звучать у тебя в душе сегодня или 20 лет назад, или еще раньше. В великих джазменах есть что-то волшебное-непостижимое, что-то от Владимира Горовица или Иегуди Менухина. Кстати, тот же Менухин в охотку играл классический джаз и ничуть не хуже мэтров. Джаз будет звучать всегда, потому что это память, ностальгия – у каждого поколения своя. Мы сейчас рвемся обратно в 70-е не из-за того, что нечего слушать, а из-за того, что есть что вспомнить. И музыканты, которые играют всю жизнь, тоже играют память, но уже на подсознании. У Эллингтона есть потрясающие слова - «Джазовому музыканту очень важно хранить память о прошлом. О песне, которую пели старики во дворе лунной ночью, или о том, что кто-то кому-то сказал в давние времена».

Джаз слушается и когда тебе плохо, и когда хорошо – под любое настроение можно найти ту единственную мелодию, которая нужна здесь и сейчас.

ГОРОД ПЕРВОЙ ЛЮБВИ: Место встречи – Большой концертный зал. Годы семидесятые.

В фойе Большого зала филармонии развешаны старые черно-белые фотографии нынешних мэтров армянской музыки. В самом зале – почти ни одного незнакомого лица: кому-то киваешь, на ходу здороваешься, радуешься – сколько лет, сколько зим. Всех нас собрал в минувшее воскресенье необыкновенный концерт – ностальгия «Поет Ереван 70-х». Оказывается все это было совсем недавно – всего каких-нибудь 30-40 лет тому назад. На сцене пели, играли наши любимые музыканты и на минуту показалось, что все они также молоды, как и тогда, в далекие 70-е.

Словно не было мрака, войны, очередей за хлебом – Ереван все тот же: город первой любви, город, где всегда играли хорошую музыку, будь то джаз, рок или дудук. Я намеренно выделяю дудук, потому что когда на сцену вышел Дживан Гаспарян -любые эпитеты тут просто неуместны – это Дживан! - и заиграл мелодию Саят-Новы, казалось, что зал затаил дыхание, чтобы не пропустить ни одного полутона. Ну а потом Дживан уже с Малхасом и остальными сыграл «Дле яман» в джазовой интерпретации. Рассказывать об этом невозможно, это надо было слышать.

Узнаваемые с первых же тактов мелодии буквально наэлектризовали зал и наверное почти все думали – как давно мы не слушали «нашу» музыку. Звучали старые песни, памятные еще со времен оркестра Орбеляна. Звучал рок-н-ролл в блестящем исполнении Левона Севана и Бориса Андреасяна. И конечно же, как всегда на таких концертах, не обошлось без остроумного и всегда обаятельного Мартина Вартазаряна, который то вел концерт с Сусанной Шагинян, то садился за рояль вместе с Левоном Малхасяном – тут им равных нет. Известно - сколько ни репетируй, все едино – если музыка у человека в сердце, он ее сыграет. В этот вечер музыка звучала в сердце у всех – и у артистов и у зрителей. Я говорю о репетициях не случайно: программа концерта обкатывалась около месяца, на паре репетиций была и я. Наши музыканты настолько сыграны, что им, на мой дилетантский взгляд, достаточно просто одного слова, кивка, жеста. Что в общем-то и было. Наверное, можно было найти серьезные музыкальные термины, разложить весь концерт по полочкам, объяснить все читателю, что мы видели. Но как можно рассказать игру на четырех бас-гитарах, виртуозных трубачей и кульминацию

концерта, когда все солисты исполняли армянскую народную песню «Назан-яр» в обработке Акселя (Коки) Бакунца...

И как не вспомнить тех, кого не было на этом концерте, и, увы, уже никогда не будет. Тех, кого забросали бы цветами, вызывали бы на «бис» и без кого этот праздник души был, увы, немного грустным, может даже незавершенным... Симон Терян, Белла Дарбинян, Георгий Минасян, Лола Хомянц, Роберт Еолчян, Давид Азарян... И еще, наверное, надо перечислить имена тех, кто участвовал в концерте и подарил нам этот праздник. Правда, всех назвать – слишком длинно, а кого-то упомянуть, кого-то нет – нехорошо. Скажу только – это были звезды армянской музыки. Мы их не забыли и дай им Бог еще не один такой концерт. Мы еще встретимся. Обязательно встретимся, ведь мы живем в любимом для всех нас городе, который невозможно представить без музыки... Концерт в филармонии получил совершенно неожиданное продолжение: в Café de Paris все тот же неутомимый Вазген Асатрян затеял съемки фильма. Фильм смонтировали, однако не так удачно, как хотелось бы. Но даже в таком варианте смотреть его было неважно – комок стоял в горле, сердце рвалось куда-то, все же наверное обратно в молодость, в 70-е...

Он закончил музыкальное училище по классу контрабаса, потом перешел на бас-гитару, ударные, соло-гитару – словом, играл на чем попало. После училища им. Романоса Меликяна пару лет проучился в ГИТИСЕ, но серьезно начал играть в 1975 году. «Отец привел меня в гостиницу «Ани» к Малхасу и сказал: «Лева -джан, посмотри, чем этот ребенок занимается?» И с тех пор пошло. С 1977 я официально начал работать в Армконцерте, в ансамблях «Армина», «Эребуни», несколько дней в оркестре Орбеляна, но не сработались...». В Москве Вазген Асатрян 2 года играл в ставшей уже легендой группе Стаса Намина «Цветы» - год на баса, год на барабанах. Потом вернулся в Армению, работал в СКК звукорежиссером. Сейчас Вазген Асатрян – музыкант, продюсер, шоумен и удачливый бизнесмен – словом «и швец, и жнец и на дуде игрец».

- Я родился и вырос в Ереване. Я люблю этот город – его нельзя не любить. Во времена СССР я собирался уехать из Армении, но сейчас – ни за что. Я гражданин Армении, моя жена – гражданка Франции, но я не собираюсь менять гражданство, в этом нет нужды. Хуже всего быть на родине иностранцем.

Мне очень трудно понять, во что сейчас превращается Ереван – он изменился. Да так и должно быть – это был совершенно разный город – в 50-е один, в 60-е – другой. А 70-е годы были звездным часом армянской культуры. Концерт в филармонии «Поет Ереван 70-х» это ностальгия, слезы, душевный покой для многих, а для молодежи, увы, ненужные и устаревшие песни. Это плохо. Мы не имеем права забывать все то хорошее, что было в те времена. Все хорошее надо хранить. Я наверное говорю банальности, но без прошлого у нас нет будущего. Мы живем не на пустом месте, здесь жили и живут наши родители и это место для нас свято. Я помню, мой отец очень любил аргентинское танго и иногда дома танцевал с мамой – мы с братом смеялись - тогда в моде были другие ритмы. А сейчас я тоже люблю танго. С возрастом приходит другое понимание жизни. Наш концерт должен был состояться – ну сколько можно держать воспоминания в себе, душить слезы, подступающие к горлу. Все это должно было вылиться во что-то --не биться же головой об стенку. Поэтому мы собрались – все с такой ностальгией и нежностью ждали этого концерта и он получился! И это тоже наш Ереван.

Истинный ереванец... Это Мартин Вартазарян, ходячий архив нашего искусства и культуры, это композитор Эдвард Мирзоян, это Дживан. Это Левон Малхасян, который для меня настолько слился с Ереваном, что я уже не представляю город без него, без его шуточек, музыки, без его знаменитого «Ай балам». Простите за сравнение – это как Оперный театр. Его могло бы не быть, но хорошо, что он есть. Так и Малхас... Многих я не назвал – пусть не обижаются, все они истинные ереванцы, их много во всех сферах: в архитектуре, музыке, живописи.

Город грязный, правильно. Но что делать, если идет ребенок с родителями, они лузгают семечки и сплевывают на тротуар. Чему может научиться этот ребенок? С мусором надо бороться всем миром – нельзя выкидывать мусор, не доходя 20 метров до урны. Сегодняшнее поколение, к сожалению, невоспитано. А все от того, что в школах не преподают этикет. Детей просто надо учить: вставать, когда проходит пожилой человек или женщина, уступать им место в транспорте. Извиняться, открывать дверь перед слабым полом. Большая вина на родителях: если в семье нет уважения друг к другу – то чего ждать от детей. Раньше когда женщина проходила мужчины вставали и ждали пока она пройдет потом садились – на уличной скамейке - я это видел. Наши дети все знают про Андраника, однако он же не говорил, что надо сорить на улицах! Мы должны бороться – словом, примером – угрозами и запретами ничего не добьешься.

Все понятно – мира еще нет, есть только перемирие, но ребята отдали жизнь за независимую Армению не для того, чтобы все вокруг было грязно – во всех смыслах. Они воевали за будущее. Прошло всего 11 лет и мы уже забываем о погибших. А наши отцы 60 лет помнят. Те, кто сейчас живет в центре даже не знают, какой он был красивый и чистый. Ничего не ломали, деревья не рубили, улицу переходили там, где положено, а не по газонам.

Однако изменения есть и в лучшую сторону. Молодежь все больше смотрит на Европу. Интернет интернетом, но дети начали читать книги. Надо отказаться от слепого подражания американского образа жизни. Это же самая катастрофическая страна, французы про США говорят: «Свалка планеты». Я не хочу, чтобы все это пришло в Армению. Вот так.

В тот вечер в Филармонии пел и Эдгар Карапетян – как всегда элегантный, интеллигентный и кажется, что годы его не берут.

В оркестре Орбеяна Эдгар Карапетян проработал 18 лет, в «золотой век». Его друзья и близкие шутят: «Этот своеобразный феномен нужно занести в Книгу рекордов Гиннесса, потому что так долго у Орбеяна никто не работал...» - Я родился в Армавире, после окончания школы поступил в Харьковский машиностроительный институт. А пел, чуть ли не со дня рождения. Затем меня призвали в армию, где попал в воинский ансамбль по конкурсу. Видимо, это и предопределило мою дальнейшую творческую судьбу. После армии уже жил в Киеве, выступал на концертах.

В один прекрасный день в город на гастроли приехал оркестр Орбеяна. Я сразу решил встретиться с ним, но к моему несчастью, музыканта не застал. Меня прослушала певица Рубина Калантарян и обещала порекомендовать маэстро.

Через месяц получаю приглашение из Еревана на прослушивание. Разумеется, еду, встречаюсь с Орбеяном. Он наиграл мне мелодию песни «По ночной

Москве», я пропел буквально одну-две фразы и маэстро, закрыв крышку рояля, сказал: «Все понятно». Вот как я оказался в коллективе эстрадного оркестра. Это был оркестр профессионалов-единомышленников. Орбелян приглашал к себе самых лучших музыкантов из Баку, Тбилиси, Минска, Москвы. Здесь собрались лучшие исполнители эстрадной песни. Семен Терьян, Араик Геворкян, Георгий Минасян, Татевик Ованесян, Зара Тоникян, Роксана Бабаян другие. Мы давали по 200-300 концертов в год.

Оркестр Орбеляна в те годы был единственным выездным коллективом в Союзе в капстраны, несмотря на то, что большой популярностью пользовались и другие: оркестр под управлением Эдди Рознера, Лундстрема, Саульского... Но так уж получилось, что предпочтение отдавали нам. Давая разрешение на выезд за рубеж, госмужи были уверены, что все возвратятся обратно. Но... Это было в Бейруте. После концерта к нам подошел человек и сказал на армянском: «Вас и Симона Теряна я хочу пригласить на кофе. Это здесь, недалеко. Почти напротив вашей гостиницы». Сема говорит мне: «Пойдем». А нельзя, потому что после концерта нам надо было идти прямо в гостиницу. Однако мы решились. Сели в машину и поехали. Ехали долго. Наконец, въехали в какое-то здание, где подъемная дорога на этажи. Это был подземный гараж. Вышли, сели в лифт а когда распахнулась дверь, мы остолбенели: огромный накрытый стол, полная иллюминация. Оказалось, что рамкаварская партия празднует Рождество. Как выяснилось позже, за столом сидели сотрудники разных посольств, кагэбэшники из нашего советского посольства. Когда нас представили - «Певцы из Армении», публика бурно и радостно отреагировала. Представьте наше состояние. Я говорю своему товарищу: «Сема, это наш последний вздох. Мы пропали». Потом нас попросили спеть, а под утро человек, пригласивший, говорит: «Я отвезу вас в клуб». Сема (бунтарь, как всегда): «Давайте». Тут я не выдержал: «Ты что, с ума сошел? Сейчас уже наши просыпаются. Поедем в гостиницу». Так и сделали, никто ничего не узнал.

Утром, как всегда, в 10 часов - репетиция. Вдруг на сцену врывается разгневанный импрессарио и показывает Орбеляну пачку газет: «Вот твои хваленые артисты, которые ночуют только в гостинице...»

Орбелян недоумевает: в газетах наши фотографии. Обалдеть. «Эдгар, ты? Нож в спину? Сема? Что же вы делаете? Так... Симона Теряна немедленно отправить домой (а впереди еще 20 дней гастролей), Эдгара Карапетяна исключить из партии. Собирайте партийный актив...»

Он состоял из восьми человек, а Роберт Еолчян был секретарем парторганизации. Он и говорит: «Хорошо, Маэстро. Но за рубежом такие вопросы не решаются. Мы сейчас исключим Эдгара из партии, а он попросит политического убежища». Орбелян согласился с этим «убедительным» доводом. «Ладно, разберемся в райкоме партии». А Семе все-таки купили билет и в Ереван он уехал с пустым чемоданом.

Когда приехали домой, спрашиваю у Орбеляна: «Маэстро, пойдем в райком?» А он: «Ты что, с ума сошел? Перестань!»

Так они и жили. Но главное – у них у всех была возможность заниматься любимой музыкой, а это в те времена значило очень много.

Иногда кажется, что все только начинается – и Город, и мы, грешные. Пока ничего не сказано, не написано, не сыграно. Идешь по старым местам и вдруг – что-то не то, освещение не то, поворот оказывается был на квартал выше... А еще по-другому – ищешь что-то очень нужное и как бы невзначай натыкаешься на то, когда уже и

забываешь, зачем искал. Недавно именно так мне буквально свалился на руки Хулио Кортасар. Вдруг вспомнился рассказ «Преследователь» про Чарли Паркера и захотелось перечитать. Маюсь я по квартире и мучительно вспоминаю, где может быть Кортасар – то ли во втором ряду, то ли еще где-то или у кого-то. Подхожу к шкафу, открываю наугад дверцу, и он падает в руки ... То же самое со знакомыми – нежданно-негаданно встречаешь на улице человека, который вроде бы и уехал. Оказывается, нет – здесь, просто пути не пересекались. В этом тоже магия Еревана – в этом городе просто так ничего не бывает. И если ты очень чего-то хочешь – оно обязательно будет. Когда – вопрос времени и еще чего-то, что могут объяснить парапсихологи. Как это у модного ныне Пауло Коэльо: «Если ты чего-то сильно хочешь, на помощь тебе придет вся Вселенная».

Символом новых времен для Еревана стали скульптуры колумбийского художника и скульптора Фернандо Ботеро. Первой прописалась к нас «Черная кошка», около которой уже назначают свидания. Там же летом идут ставшие знаменитыми «Концерты на Каскаде». «Кошка» достаточно непривычна: возможно из-за предубеждения к черным котам, а может из-за приверженности национальным ценностям и искусству. К ней сейчас уже привыкли – фотографируются парочки и туристы.

Потом появился «Гладиатор», совершенно не соответствующий нашим представлениям о могучих бойцах прошлого, сонный и пухлый. Сразу же вспомнилась невеста когда прочитанная статья о Ботеро, в которой приводились слова художника о том, что цель его – заставить человека потрогать, попытаться ущипнуть скульптуру. Действительно, хочется потрогать...

«Говорят, что в моих скульптурах и картинах сквозит ирония – может быть. А вообще я считаю, что искусство должно дарить радость, воспевать жизнь, как это было в прошлом, в эпоху Возрождения. Я стараюсь это делать».

Утро. Уныло слоняются у пухлого гладиатора стражи порядка... опершись локтем о кису, листает газеты прохожий... Не знаю, насколько успокаиваются ереванцы, но не сомневаюсь, что расслабляться к фигурам Ботеро придет не один турист. И, что тоже не вызывает сомнения: приехав к Ботеро, туристы откроют для себя армянское искусство...

На улицах нашего города всегда можно встретить тех, кого актер и режиссер Микаел Погосян снял в фильме 1998 года «Ереван- blues». Все наверно помнят эту невероятную прозрачную полусферу, парящую над Городом и Араратом. Люди, сидевшие в полусфере – узнаваемые, любимые, пели песню Рубена Ахвердяна и казалось, что все мы вместе смотрим на Ереван – с любовью и надеждой.

«Многие негативные события нашей жизни – драки в кафе, кабаки у Пантеона вызвали у меня адекватную реакцию. Так и получился «Ереван-джан». Если мы, ереванцы, что-то делаем, то делаем от имени всех», - рассказывает Погосян. Фильм получился удивительно теплый и добрый, одним словом – ереванский. Ну а лейтмотивом этого фильма стала мелодия Левона Малхасяна, известная под названием «Ереванский вальс».

Фильм был закончен в 2002 году. По-моему, главное что есть во всех фильмах Погосяна – доброта. Наверное, иначе он не может относиться к Еревану. И именно Ереван – главный герой его фильмов. Может звучит несколько высокопарно или, наоборот, штампованно, но это так. Бывают иногда случаи, когда чувства облекаются в настолько старые и избитые формы, что кажется – ничего не сказал, надо было бы по-другому. А другие слова нейдут на ум.

В 2004 году Погосяну исполнилось 50 и он сделал диск Մի քայլ ավելի դժվար... THE BEST. «Я очень иронично отношусь к своему юбилею. Но диск все же сделал – там все мои персонажи – старые и новые знакомятся друг с другом, общаются... Сейчас у меня идея снять фильм про актера и посвятить его Мгеру Мкртчяну. Сценарий писал вместе с хорошим сценаристом Григором Бабаяном, но в прошлом году он скончался, и я остался один. Но фильм будет, есть и название - «Допплер». Есть еще проект спектакля про то, что нас всех волнует – и здешних армян, и диаспору. Пьеса уже пишется, посмотрим». Но это в будущем, может быть даже недалеко. Люди творческие обычно терпеть не могут вопроса о творческих планах, а журналисты все словно сговорились – спрашивают об одном и том же.

И еще говорили мы о Ереване – единственном, неповторимом, нашем Ереване, который вроде и не изменился, но на самом деле меняется ежечасно, подчас не в лучшую сторону. Вообще Ереван - город мистический, имеющий свою ауру, энергетику. Может даже город-фантом. Каждый видит его по-своему, но и каждый, считающий для себя невозможным жить в любом другом месте, должен делать что-то для Города. По крупицам.

«Я состоялся, как индивидуум в 1990 году, в США. Пожил там три месяца и понял, что жить без Еревана не могу», - просто говорит Погосян. «Чтобы как-то приглушить ностальгию, начал писать письма по выдуманным ереванским адресам. Подписывался инициалами и посылал в сюда. Наверное, письма доходили, не могли не дойти.

Вопрос в том - смотришь ли ты на родной город с любовью или равнодушно. Мы чувствуем - что-то в городе не то, есть проблемы, мимо которых я не могу пройти. Можно исправить, а можно оставить как есть. Иногда я встречаю людей, очень интересных, которых невольно вставляю в свои фильмы. Знаете, есть такое понятие, как эмоциональная память актера, некая запись из жизни. Когда начинаешь работать - включается «автопилот».

Мы много потеряли в своем городе. Его меняют, часто равнодушно. Нам кажется, что мы - бессильны, и не в силах что-то изменить. И тогда мы становимся эмигрантами в своем городе, а иногда и в своем деле, когда начинаешь чувствовать, что ты никому не нужен. Тем не менее, я уже вижу, что новое поколение может сделать Ереван если не прежним, то хотя бы сохранит то, что есть. Я предчувствую это».

Актеры вообще умеют угадывать будущее и скорее всего Погосян прав – на смену нынешнему бездумному поколению идет другое, для которого – Ереван не пустой звук. И в этой связи мне вдруг вспомнился эпизод из недавнего фильма другого ереванца Карена Кочаряна про школу им. Пушкина. Там школьники стоят на каскаде и говорят: «Это мой город!»

Странные они, эти ереванцы – просишь рассказать о себе, они начинают говорить про город. И даже если что-то о себе, о своем творчестве проскакивает – то опять-таки в связи с городом. Погосян с гордостью говорит, что тот ресторан рядом с Пантеоном из фильма «Ереван-джан» закрыли после фильма. А это чего-то да стоит.

Погосян не любит «автобиографии», типа: родился, окончил, сделал. Наверное он и прав – подробности такого рода обычно скрывают образ человека, о котором хочешь написать. Главное – образ, настроение, чувства, которые испытывает пишущий о своем персонаже. «Часто человек устает от себя, перестает себе нравиться. В такое время лучше всего промолчать...».

Подоспел и фестиваль «Золотой абрикос». И какое же мероприятие в сегодняшнем Ереване обходится без джаза?! Перед кинотеатром «Москва» развернулось целое действо – играл оркестр Ерванда Ерзнкяна, где одним из саксофонистов был его 13-летний внук, а в центре площади перед кинотеатром стояла укутанная в старые советские газеты лошадь, которую ровно в полночь благополучно подожгли, оставив остов. Старые газеты с заголовками: «М.С. Горбачев встречается с сельхозактивом» и тому подобное. Получилось очень весело и в меру пьяно.

Организатор концертов – Малхас: «Обещал, что каждый вечер будут играть – играют. Я свои обещания выполняю». Действительно, трудно представить все это действо без джаза, то бишь без Малхаса и Булика... Всех желающих угощали вином бесплатно, на что народ, отучившийся развлекаться, смотрел сначала с опаской. Потом стало шумно, бестолково – как на любом кинофестивале. Глядишь, через пару лет и наш фестиваль войдет в число известных, хотя бы на пост-советском пространстве. «Наш двухлетний малыш постепенно раскручивается и прорывается вперед, вызывая к себе все больший интерес», – сказал председатель жюри конкурса документальных фильмов Рубен Геворкянц.

Рубен Геворкянц, кинорежиссер: *Я коренной ереванец. Я всю свою жизнь прожил в малом центре. Когда меня спрашивают, не хочу ли уехать во Францию, в Америку – я говорю: я не могу уехать из малого центра, как я могу поехать в другую страну. Я не могу жить на III участке, Чарбахе. Не потому, что это далеко, а потому что мои корни здесь. Всего лишь. Я очень их всех уважаю, но жить там не могу. Я патриот этого города. Я не могу видеть этот мусор, которым сегодня завален весь город. И это не строительный, это бытовой мусор. И самое ужасное, что никто этим не занимается и сами люди мусорят. Это говорит о низжайшей культуре нашего народа. К сожалению. Я иногда даже знаете что делаю? Когда из машины выбрасывают пустую пачку сигарет, я догоняю и заставляю, чтобы подняли. Это чревато неприятностями, но многие понимают и поднимают. Может в следующий раз они этого не сделают?*

От того Еревана, от детства ничего не осталось. Во-первых не осталось настроения, запаха – это связано с возрастом. Мы не можем понять того, что сейчас мы живем в их времени, а не они в нашем.

То, что город через пять лет будет красавцем – я в этом не сомневаюсь. Говорят, разрушили старые дома. Да эти крысятники и клоповники давно надо было снести. Я не говорю об уникальных домах – их в Ереване штук 10 – их надо сохранить. Но не может архитектура города подстраиваться под старье. Вот напротив АОКСА все дома должны быть снесены. Другое дело – надо создать, восстановить старый уголок, как в других городах. Я например считаю, что город должен развиваться в ногу со временем.

Я этот город очень люблю. Было мне как-то видение – я вернулся в Ереван в 2050 году. Все было на месте, но не было тех людей, с которыми я общаюсь, не могло быть. Город для меня – люди, не камни. Я люблю тот город в котором живут мои друзья. Увы, многие уходят. У меня 13 друзей детства. Когда улица Саят-Нова только строилась, мы ходили туда помогать и сфотографировались. Из 13 осталось только трое – все остальные умерли. Они уехали в другой мир...

Слава Богу, пока еще не все «уехали». Ереван без Рубена Ахвердяна, равно как и он сам без Еревана – нонсенс. Это его Город, в нем его любовь и неприятие зла – всего понемногу.

«Но я люблю жить мою жизнь в этом покинутом и темном городе, где меня любят и мне верят, где еще поют мои песни»

Рубен Ахвердян – харизматическая, культовая фигура последних четырех десятилетий. Он в некотором роде символ шестидесятых, откуда вышли Высоцкий, Окуджава, Галич – все те, кого он считает своими учителями. Он постарел, пополнил, но все также остр и язвителен. Его слово подчас разит наповал, а его русский язык воспринимается опять-таки как символ ушедшего: сейчас в Ереване мало кто так правильно и вкусно говорит по-русски с обязательными добавлениями ненормативной лексики. Хотя сам Рубик считает, что это вполне нормальная русская речь, без этой лексики она пресновата.

- Национальная армянская культура начинается с армянского языка. Там где моя родина, там мой язык. Мы же говорим на втором родном языке, на русском. Европейскую и американскую культуру мы получаем через Россию - Европа входит в Москву или Петроград и медленно спускается на Кавказ. Как часть Европы мы несколько русскообразные. Я бы сравнил Европу и Россию с собаками. Европа похожа на подстриженного 4-5 веков тому назад пуделя. После рыцарства она приняла какие-то другие формы и вошла в Россию через Петра I. Так вот о пуделе – он приходит в Россию и там совокупляется с совершенно диким животным, тоже собакой – «совком».

Мы все «совки», а кроме этого я еще и шестидесятник – это было прекрасное время. Нам была дана возможность помечтать наяву и даже об этом говорить. Петр Великий был мудрым человеком и то, что мы так любим учиться, это тоже идет от него. С американской литературой я тоже познакомился через русский язык, я могу преподавать русскую литературу в российских вузах. Я пишу свои песни на армянском языке - это естественно, но забывать о том, какие у меня были учителя, будет неправильно. Они учили меня правде. Правда – она бесцветная, она безвкусная, она прозрачная. Сейчас мы живем без правды.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Если не было бы Жака Бреля, Франсуа Вийона, Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы – весь этот букет - если бы не поднялась волна шестидесятых, не было бы и моих песен. Я бы ничего не знал и не смог бы писать такие песни, какие я пишу.

Вы знаете, я много общего вижу в том, что на мое творчество оказал большое влияние Франсуа Вийон, так же как и на Высоцкого, потому наша «хулигановатость» немножко совпадает. На самом же деле гений не знает ни времени, ни пространства, он суется везде.

Я очень многое взял у них - человек становится богатым, когда много берет, вбирает множество культур. Неправильно говорить – англосаксонская культура, американцы – один народ, англичане - совсем другой. Есть жанр, который я смог донести до армянского слушателя: в разных странах он называется по-разному: в США – это автобиографическая песня, в России - городской романс, поющая поэзия. Мои песни и автобиографические и поэтические, а когда я говорил об Окуджаве, я имел в виду классический русский романс.

Мы нуждаемся в хороших учителях. Я бы желал, чтобы у нашей молодежи были такие учителя, которых имел я. Мой великий учитель – Высоцкий. И ерунда все это, что молодежь не хочет учиться. Хочет, просто негде и не у кого. Меня никогда не приглашали читать лекции в университете или в театральном, а ведь я был хорошим режиссером.

А сейчас кто не может писать стихи - становится министром и издает книжку. Человек может родиться в провинции, но не быть провинциалом. Но эти сукины дети почему-то все – провинциалы. Не путайте с сельчанами, они генофонд нации. Если сельчане исчезнут – наше дело табак.

ОБЩЕСТВО БЕЗ КУЛЬТУРЫ

Гений чувствует, что придут времена хуже. Мы сейчас должны мириться с тем, что сейчас власть черни. Дело не в президенте или правительстве - это порок системы. Мы больное общество, если нами руководит не голова, а задница. А по-другому мы бы не смогли. То что есть сейчас в Армении, укладывается в французскую поговорку: « буржуа похожи на свиней». Что у нас творится в области культуры – то же самое, но в больших масштабах есть в России и любой стране СНГ. Я писал свои песни для армянского слушателя, а не для русского. Наши девушки красивее и наш язык более приятный, чем русский. Хотя... я иногда скучаю по русскому языку и ищу людей, которые говорят на нормальном русском.

Моя самая больная мозоль – министерство культуры. Министр культуры должен быть намного умнее всех остальных министров. Помните, во время СССР грузины очень много внимания уделяли кино. Почему? Да потому, что они побеждали именно этой культурой. 21 век – это война культур, образа жизни. Я уверен – строительство любого нового здания в центре города должно быть санкционировано министром культуры. Он должен иметь право вето. У него должно быть прав больше, чем у других министров и даже министр сельского хозяйства должен к нему прислушиваться.

Мы потеряли свою защитную ауру, у нас огромные черные дыры – без культуры ты теряешься, наше общество больно интеллектуальным СПИДом. Парадокс советской власти заключался в том, что она заставляла, чтобы были народные танцы, именно армянские народные танцы. Было интернациональное мышление, но сохранялась национальная культура. Очень многое зависело от личности – идеология идеологией, а личность была не последним звеном. А сейчас у русских: тупой, еще тупее. Мы тоже приближаемся к этому. Вот если сравнить этих, с позволения сказать, певичек с гениальной Зыкиной – у нее были и ноги, и грудь, и Голос. Помните, ей разрешили записать песни Beatles. Ну разве ее можно сравнить с этими папусами.

Я человек свободный – я деньги зарабатываю за кордоном. Я тут никогда не зарабатывал, не делал концертов. Здесь я просто пою для людей. Я недавно вернулся из США, встречался с System of a Down. Так вот – они мне говорили, что росли на моих песнях. Я писал и пишу нормальные песни для нормальных людей.

Я думаю, что нам не нужен президент. Нам нужен казачий круг. Я не очень в этом разбираюсь, но кажется, казаков явно больше, чем армян – они собираются и все высказывают свое мнение. Мы еще немного глубоко азиаты и иногда хочешь, не хочешь, выскакивает – «Я лев или не лев?!» Вы знаете, во

время советской власти я думал, что Бог есть на самом деле, а вот наши времена меня убеждают, что прав был Дарвин. Я вот только думаю, от какой породы обезьян мы произошли. От бабуинов, что ли.

В центре города – эротические клубы. Нигде в мире вы такого не встретите – такие заведения все за чертой города, равно как и казино. Кстати, ради казино я специально ходил в 1998 году к президенту. Вообще дурная ситуация – выигрыши стали смыслом жизни, только бы не работать. Нам вообще не везет на президентов. Может женщину выбрать?.. Наши женщины намного образованнее и могут себя вести лучше и приличнее, чем мужчины. Вот в парламенте – Алвард Петросян, Грануш Акопян, да и другие - они намного выше любого депутата.

ЭТО ЕРЕВАН...?

Я ничего не делаю, я хожу и смотрю. Правда, ходить особенно и не куда. Абсолютно незнакомый город. Мы все в грязи. Если ты живешь в обществе, то ты такой же. Кристально чистым может быть только мертвец. Армянское телевидение я не смотрю – они говорят на каком угодно языке, только не на армянском. И я ничего не боюсь – боятся те, кто нахал, кто всем должен. Я в этом смысле абсолютно свободный человек и я хочу ходить по моему Еревану. Пока что он не виден...

Вот такой Рубен Ахвердян – всеми узнаваемый и многими любимый. Как он сказал после беседы: «Ничего нового я не сказал – так мы думаем и живем. Просто кто говорит вслух, а кто - нет».

«Ну заходи же, что ты застыл и с глупой улыбкой окаменел. Это Ереван, здесь ты дома, где тебя ждут даже в полночь. Где тебя еще любят или ругают, и напоминают о том, чего не помнишь. Ну заходи же, что ты застыл и с глупой улыбкой окаменел? Это твоя улица, школа жизни, где тебя помнят и не забыли...»

Настоящий ереванец добрый, приветливый, всегда готов прийти на помощь, порядочный. Оставшихся ереванцев, а их очень и очень мало, надо занести в «Красную книгу Еревана». У нынешних жителей Еревана в зрачках знак доллара и больше ничего. Да и Еревана почти не осталось – снесли дом, где останавливался царь Николай I, разрушился мост через Гетар, которому было 400 лет... Что мы будем показывать потомкам, о чем будем с ними говорить? Об уродливых застройках, окончательно испортивших центр города? Об уничтоженном Конде? Об исчезнувших булыжных мостовых, которые сохранились опять-таки только в Конде. А посмотрите на памятник графу Паскевичу – и место выбрано непонятное и смотрит он в каком-то неизвестном направлении... А ведь он освобождал Эривань не для себя, для нас.

У нас во дворе жили семьи пяти национальностей: русские, армяне, курды, украинцы и азербайджанцы. Одна из азербайджанок живет здесь до сих пор. Настоящий ереванец не будет делить людей по месту рождения – то, что я ненавижу, а это в последние годы стало нормой.

«Все сейчас «фанера». Очень редко, у кого хотя бы минусовая фонограмма. Зачем? Народ и так слушает. Живьем играют только «старики», для которых искусство, творчество – дело и суть жизни». Это еще раз подтвердилось на Каскаде, когда эстрадно-симфонический оркестр Ерванда Ерзнкяна играл для многочисленной

публики старые песни Артемия Айвазяна, Арно Бабаджаняна, Константина Орбеляна.

Отрадно было видеть молодежь, подпевающую «старикам», счастливо-умиленные лица старшего поколения, для которых концерт стал встречей с молодостью, с Ереваном, который они хранят в своем сердце. Над городом летела «Серенада» Бабаджаняна, композитор Мартин Вартазарян то дирижировал оркестром, то объявлял следующий номер, и на душе становилось легко и покойно. Так бывает, когда встречаешься со старыми друзьями. А знаменитая «Му way» в исполнении Георгия Мангасаряна буквально заворожила слушателей. Для нашего поколения эта песня, да и все другие, прозвучавшие на концерте – именно наш путь...

Почему-то день сегодняшний получается тоже из прошлого – может от того, что и люди, с которыми общаешься – больше из прошлого. С нынешними общаться не то чтобы скучно, просто неинтересно. И еще одно. Когда кажется, что все идет не так, как хочется, – значит не случайно. Случайностей вообще бывает мало: то, что мы задумали, не удалось именно по нашей вине и придумывать причины в виде снов, плохого расположения светил или дурную погоду – занятие недостойное. Все время кажется, что делаешь все невпопад – на самом деле все получается как должно.

Появились новые улицы: Итальянская, Американская. Улочки красивые, особенно Итальянская, с ивами. Ереван сейчас даже красивее, чем был когда-то. Может кого-то и раздражает обилие рекламных щитов и многочисленные кафе – по мне чем больше всего этого, тем лучше. Что может быть красивее сверкающего неонов проспекта. Особенно все это красиво ночью – когда едешь вниз по Баграмяна, кажется, что едешь по светлому пути – дороге, уходящей в бесконечность.

В написанной многими истории «Поплавка» как старого, так и нового, переплетаются быль и желание представить «свой Поплавок» – у каждого он ассоциируется с чем-то родным и близким. Я не очень понимаю людей, любящих брюзжать: дескать, под стук тарелок и вилок не играют серьезную музыку. Насчет этого можно поспорить – играл же Эррол Гарнер в знаменитом «Cotton Club», оркестры Эллингтона, Кэллоуэя и другие тоже не считали зазорным играть в знаменитых клубах-ресторанах, тем более во времена «сухого закона». В конце концов музыканты зарабатывают на хлеб насущный, играя любимую музыку. Неважно – что было до тебя и что будет после – главное то, что есть сейчас, в этот миг. Вполне вероятно, что пройдет совсем немного времени, и мы по-другому будем относиться и к «Поплавку», и к людям, сидящим там. Улетит ангел-хранитель – и кафе превратится в заурядное место, где все очень дорого. Хотя свято место пусто не бывает: появится новый ангел-хранитель. Но это будет уже совсем другая история и совсем другой «Поплавок».

У ереванцев как ни у кого развито чувство собственности. Да, город грязный, неухоженный, не все здесь ладно, но это наш Город, и только мы имеем право его критиковать. Мы никому его не отдадим. Так наверное и должно быть, любят не за что-то, а просто так – за то, что он есть. «Каждый день я встаю и иду в Город» – все остальное не имеет значения.

Карен Кочарян: *Ереванец – это не место рождения, не национальность, это призвание. Не каждому дано им быть. Эталоном ереванца для меня является художник Валентин Подпомогов, с которым несмотря на разницу в возрасте, меня связывала дружба. Он говорил: «Я люблю этот город патологически. Как невесту». Я уверен – не обязательно родиться в Ереване, чтобы стать ереванцем. Григор*

Асратян и Мурад Мурадян не были родом из Еревана, но именно они сделали очень много для того, чтобы наш Город стал таким, какой он есть. В 90-х годах мы делали передачу «Улица», в которой рассказывали о старых ереванских улицах, их истории и дне сегодняшнем. И во время подготовки передачи я стал смотреть на дома – вы не представляете, какие каменные узоры я тогда увидел. А ведь мимо этих домов я проходил каждый день... Старые дома сносить надо – никогда еще в Ереване не было столько крыс и скорпионов, как сейчас. Но нельзя забывать о человеке, которого выкидывают на улицу из дома, где жили его деды и прадеды, а взамен предлагают квартиру на окраине. Для будущего также надо сохранить и исторические дома – их не так много осталось. Я действительно люблю Ереван, что в моем понимании значит всю жизнь служить ему – не таить, а передавать свою любовь детям.

Ну а что такое настоящий ереванец? Он никогда не бросит окурок на тротуар. Он порядочен, честен и всегда готов прийти на помощь. Просто нас очень мало осталось. К сожалению, настоящие ереванцы все чаще и чаще встречаются на похоронах. А хоронят ереванцев с каждым годом все больше и больше. И нас, к сожалению, как говорит мой друг Армен Манукян, «нас, ереванцев, осталась одна ученическая тетрадь».

Ереванец... Знаете, в мире очень мало городов, похожих на наш – своей аурой, притяжением. Есть тбилисцы, москвичи, ленинградцы. Это образ, стиль поведения. В Европе или США вы такого не увидите – там все нивелировано. Но я скажу больше – ереванцы и здесь стоят особняком, таких других в мире нет. Для меня образ ереванца - это еще и Мартин Вартазарян, без которого я просто не могу представить наш «3-й клуб».

Прав Карен – каменные узоры на домах просто потрясающие. Скоро их почти не будет, к сожалению. За последние 15 лет Город превращается в нечто безликое. Создается впечатление, что кто-то задался себе целью изуродовать Центр, чуть ли стереть его с лица земли, чтобы остался он только на открытках. Поистине в том, что творится с перестройкой Еревана есть нечто оруэлловское – нет старого Еревана и поэтому его и не было никогда. «Весь мир насилия мы разрушим до основания..» - дальше все знают. Следует напомнить, если кто забыл и то, что последовало за «новым миром». Может получается диссонанс между началом и концом, но такова жизнь – она вся на диссонансах...

Армен Манукян – личность в музыкальных кругах Еревана известная – он продюсер, пианист, один из организаторов фестиваля «Одна нация, одна культура», человек большой эрудиции и, что немаловажно, интересный собеседник. Кстати, он же и был продюсером с армянской стороны гастролей оркестра «La Scala». И еще он ереванец в четвертом поколении...

Армен Манукян: ереванцы такие же люди как все, просто по ним видно, что они ереванцы

Ереван был центром Армении. Меня очень беспокоят слова новоиспеченных политиков: у нас не было государства. Да нет, у нас было государство и была столица. Выбрасывать 70 лет в угоду каким-то демократам негоже. Новое поколение вообще может подумать, что армяне жили в какой-то пустыне или на необитаемом острове. Нельзя все отбрасывать. В том государстве строились города, развивалась культура, да и нынешние политики тогда получили образование. Ереван – это барометр, это путь, по которому мы должны идти. Раньше в Ереване все сады были огорожены решетками. Вдруг в один прекрасный день решетки убрали и город оказался в зелени. Сегодня мы снимаем зелень и ставим заборы,

причем не решетки, а глухие заборы. Из многогранного и многоликого наш город превращается в коробку с бетонными стенами. Я очень люблю мой город, я люблю его название. У меня нет боли за сегодняшний Ереван. Но есть обида: то, что мои родители и их поколение делали для Еревана, все уходит. Что делает сегодня наше поколение? Оно отбрасывает все, что было сделано до него. Если относиться ко вчерашнему с пренебрежением, то завтра и к тебе будут относиться также. Я вообще против деления людей по месту рождения. Это явление появилось в 90-х годах, наверное, из-за закомплексованности приезжих. Чтобы как-то поднять себя, возвыситься – они тоже стали называть себя ереванцами. Я ереванец в четвертом поколении и никогда, ни в одном обществе, ни в одной семье не слышал вопроса: ты ереванец или нет. Ереван был очень многонациональным городом – все жили, отлично понимая и дополняя друг друга, и даже те люди, которые были коренными ереванцами с большой любовью многому учились у, так сказать, некоренных. Я очень хорошо знаю Ереван – я рос в семье архитектора и музыканта и очень хорошо помню споры по поводу градостроительства, благоустройства. В этот дом мою мать отец переехать уговорил с трудом. Ее семья жила рядом с площадью Ленина, а на Каскаде тогда, в 40-е годы были сады. Но отец говорил, что здесь будет центр города. Так и получилось.

Противопоставление Еревана и районов - не просто так. Я долго анализировал это явление, начиная с 90-х годов и мне показалось, что просто так ничего не бывает. Специально так делается. У меня есть какая-то определенная конкретика в отношении тех или иных людей, которые хотели услужить кому-то, закрыть там что-нибудь. Или им показалось, что они не востребованы и надо перекрыть кислород таланту. Правда, такое происходит на всем постсоветском пространстве. Но есть нации, которым это выгодно, есть нации, которые от этого не оболванились. Территория тоже имеет значение – к примеру, Россия огромна и там эти явления не так выпуклы. Но если мы обрели какую-то демократию, то мы должны думать о себе. О себе в хорошем плане. Это наука, техника, культура. Нам надо меньше смотреть по сторонам.

Наше поколение приучали много читать. На улице Абовяна, там где сейчас SIL PLAZA был лучший книжный магазин города. Мама с утра с подругами ходила на переключку – хорошие книги продавались по записи. Вечерами они собирались, обменивались мнениями о прочитанном. Это передавалось и детям. То же самое относилось к просмотру кинофильмов, к концертам, к театральным постановкам. Об этом писали, говорили. Ереван был носителем определенной ауры. Что мне всегда нравилось, так это то, что в Ереване всегда было стремление идти вперед: получить образование, хорошую работу. Сегодня гложет отсутствие и потеря духовности города. И дело не во мне - я думаю о поколении дочери, внучки. Я принадлежу к тому поколению, когда гордостью являлся значок о высшем образовании. Сейчас это все определяется папиным карманом...

Рубена Матевосяна особо представлять не надо, не так ли? Ограничусь тем, что расскажу, как недавно мы ехали с ним в такси, и водитель глядел во все глаза – живой Рубен Матевосян! Такое тоже случается в нашем городе.

Рубен Матевосян: Я влюблен в Ереван! Я был в прекраснейших городах мира, но я не видел более национального города, чем наш. Его архитектура – это армянская классика, наиболее ярко выраженная в Оперном театре и площади Республики. А новое только подчеркивает самобытное. Где еще в мире вы увидите такие узоры на туффе?!

Действительно, нигде. И нигде в мире нет такой смеси глухого провинциализма, то есть ярко выраженного армянского менталитета и не менее ярко выраженного стремления к европеизму и американизму.

Это еще и очень жестокий город, особенно к своим любимцам – он диктует, повелевает, как надо себя держать, что делать и говорить и, в конечно итоге, может «залюбить» человека... Есть еще один путь – уйти в глухую защиту, не обращать внимания ни на что и делать свое дело. Таких – раз, два и обчелся. Но они есть – именно они понимают истинную сущность Еревана.

Ереван и очень грустный город, особенно в пору сумасшедшей осени, которой тоже нигде нет. Ереванская осень – это нечто особое, неповторимое: грустное и светлое. У ереванской осени свои особенные звуки, запахи, настроение. Если попробовать сыграть эту осень – может получиться «Серенада» Бабаджаняна или что-то очень близкое. А может и знаменитые «Autumn Leaves» - почему бы и нет... В иные годы осень тянется настолько долго, что кажется зимы не будет. Фиолетовые сумерки приносят легкую и светлую грусть, летают паутинки и кажется, что все хорошее только впереди. И никакой «унылой поры». Утром уже холодно, но ближе к полудню солнышко начинает припекать, уходят мысли о предстоящих холодах, о морозах, которые год от года крепчают. Но в один из далеко непрекрасных дней дождь вдруг сменяется колючими снежинками, и наступает зима, которая везде одинакова – холодна и противна. А под нескончаемый дождь слушается только волшебный рояль Питерсона, Гарнера и... Малхаса. Это уже чисто его, может даже именно ереванское, ни с чем не сравнимое звучание...И еще: кажется, что он цепляется пальцами за клавиши, рояль и руки становятся единым целым и летят в неизвестное, потому что никогда не узнаешь, чем может закончиться импровизация. Когда расходятся гости и в доме наступает долгожданная тишина, лучше джаза ничего нет. Наступает отдохновение, умиротворение. Уходят заботы, мелочные уколы, какие-то дела, на поверку оказывающиеся совершенно ненужными и весь день мешающие жить. «A night in Tunisia» - это очень наше, даже не восточное, а именно наше, армянское – это может тоска по утраченному: знойному небу, холодным ночам и еще о чем-то потерянном.

Может я и ошибаюсь... Наверное не зря «век джаза» пришелся на «потерянное поколение» 20-х. Мы тоже многое потеряли, и сейчас в погоне за утраченным хотим поймать на миг уходящий день, час, минуту, настроение. Кому-то это удастся, кому-то нет – все зависит от человека и немного от Ее Величества Госпожи Удачи. И тогда мы говорим - It's All Right With Me. Как-то дурачась, Марк написал на моем столе целое послание, составленное только из названий песен THE BEATLES. Анималист Роберт Саакянц несколько выбивается из общего настроения, но ведь и он – частица Еревана и его мнение тоже к месту. Роберт принадлежит к числу тех людей, без которых все, по его мнению, утонет в сладком сиропе.

Роберт Саакянц:

- Я занимаюсь тем, что люблю, по другому никогда не было. Я люблю делать анимационные фильмы, а кино терпеть не могу. Кино вообще, а армянское в особенности – это либо скучно-заунывный деревенский жанр, либо тот же скучно-заунывный да вдобавок насквозь фальшивый городской с неправдоподобным литературным языком, неправдоподобным поведением актеров. Я никогда его не любил и у тех, кто со мной спорит, я спрашиваю – у тебя дома есть хоть одна кассета с армянским кино? На этом дискуссия заканчивается. Армянское кино никогда не было явлением. Были отдельные фильмы, да и то они по большому счету компромиссны, причина компромисса: время, цензура, менталитет. Но вот если посмотреть нейтральным взглядом, вряд ли есть одна картина, которую можно

назвать армянским кино. У грузин кино есть, у нас нет. Они этим кино завоевали мир. Говорят, что Эдуард Шеварднадзе дал на развитие грузинского кино \$5 млн. На наше никто не даст ни копейки, потому что его нет. Грузинское кино выше армянского на целую цивилизацию.

- Когда вы смотрите московские «ток-шоу», да и вообще российские программы, таких вопросов не возникает, не правда ли? У них говорит масса интересных людей, им задают острые вопросы, есть ярко высказываемые позиции. Нельзя же сравнивать, к примеру, передачи Владимира Познера с теми, которые делаются у нас. В таких передачах главное - подбор собеседников. От наших же такое впечатление, как в «Двенадцати стульях» - ораторы несут одно и то же, даже без вариаций. Через слово говорят «հիշո՞ւմ» и «ճիշտի՞նք», изрекают прописные истины с невероятным пафосом, а в глазах у самих испуг, потому что хотели сказать что-то другое, но почему-то думают, что по телевизору надо говорить именно это.

«Ток-шоу» проводить надо, в Армении тоже можно найти интересных собеседников. Но нужна еще хорошая телережиссура. Вернемся к российским каналам. Совершенно патологически организованная передача Андрея Малахова — если это только не жанр: совершеннейший бардак, вопли — все это раздражает. По крайней мере, меня раздражает. Однако смотрят и смотрят с удовольствием. У нас такой передачи быть не может - между армянами и русскими разрыв глубже и шире — сказывается разница в менталитете, кругозоре. как это ни парадоксально, из-за нашего положения последних лет мы имеем, скажем так, гораздо глубокое представление об азах геополитики. Мы пытаемся просчитывать чьи-то ходы. А русские остались на уровне: начальник скажет, все изменится. Единственное что - в российских передачах люди хоть говорить нормально умеют. У нас все косноязычны.

Я не помню, чтобы в Армении была культура даже в советское время. Просто тогда те же слова произносились звонче. У нас всегда была поверхностная культурка: все награждены, все со званиями, от этого чванливы и самодовольны, но глубины - ноль. Все те же штампы, все те же глупости об истории и происхождении, не подкрепленные ни знанием, ни правом. Общий уровень развития и образованности низкий, и по части культуры ничего не изменилось — все так же плохо и провинциально. Провинциальность это грех, грех провинциализм. Как были так и остались задворками империи. Обидно, что безграмотны деятели культуры, интеллигенция. Толпа же не задумывается о своей древности или исключительности. Ей это по фигу. Толпа везде толпа.

-Давайте вспомним, что мы имеем. Не надо брать музыку - квартет Комитаса был и будет, в Армении были и есть потрясающие музыканты. Я говорю об умении разговаривать, мыслить, излагать свою позицию. Любого «деятеля культуры» можно застать врасплох. К примеру, никто не задумывается: есть Достоевский, а действительно ли он хорош? И тому подобное. Не обязательно ниспровергать, но хотя бы сомневаться нужно? Глаза на лоб полезут, если вы спросите — «Джоконда» настоящая или нет, должна висеть или нет, есть загадка улыбки или нет. Они не способны говорить об этом, задумываться над этим. Культуру у нас воспринимают блоками, и с ленью.

Я практически не слышал ни от кого серьезных и глубоких разговоров на какую-то тему. Сумеют ли наши мужи обосновать, допустим, идею многоженства? Не сумеют — ни за, ни против. Будут говорить, что наша церковь это осуждает, что армянам это чуждо и не положено и все! Позиции нет. Кто-нибудь задумывался — что происходит в церкви, когда он приходит и ставит свечку? Не понимает же ничего — священник говорит на габаре, он этот язык не знает. Задумывается? Не

задумывается. Разговаривать об этом необходимо – это тренинг ума. Любой вопрос, который я сейчас из головы придумал, для них, как правило, сенсационный – они никогда его себе не задавали. Именно потому, что из поколения в поколение поэты завывают «Հիշիլի՜ի», не понимая или не слыша, что звучит это как Пакистан, Афганистан. Только армяне, претендующие на цивилизацию, называются мусульманским словом. Даже не Иран, не Азербайджан. Никто же не сказал, что так должно быть. Наверное и потому имена детям дают – Фрунзе, Наполеон. Хорошо, но ребенок вырос и он опять не задумывается, а бывают ли такие имена - Паскевич, Воронцов.

Абсолютная лень. Думать - это не для нас. У нас есть более насущные, материальные цели – выйти, кого-нибудь кинуть и быть на том счастливым, причем на всех уровнях. Я не собираюсь называть факты, не потому что я их не знаю, а потому что все настолько формально чисто делается, что обвинять кого бы то ни было бессмысленно. Деятели культуры замечательно покупаются медальками – три дня тому назад ругая власти по телевизор, он из рук этих же властей получает подачку. . Отремонтируешь театр – он за власть, не отремонтируешь – он за оппозицию. Это не мое открытие, это констатация факта.

Скажите, как объяснить детям в школе, что животное мучать нельзя, а в воскресенье у ребенка на глазах делают маты. Мне отвечают – это наш древний обычай. Тогда давайте вернемся в первобытное состояние и уберем это культурное наслоение. Тем более оно очень тонкое – достаточно просто дунуть. -Мы сейчас снимаем фильмов больше, чем в советское время. План - 3-4 фильма в год по госзаказу сохранился и он финансируется. Эти 3-4 фильма снимаю не я. Много лет снимается «Сасунци Давид», который делает Арман Манарян, снимает достаточно стабильно Гаяне Мартиросян. Наира Мурадян снимает замечательные короткие фильмы. Есть дебюты. Кроме того, есть огромные возможности в рекламе. Ведь как - можно халтурить, а можно и рекламу делать хорошо и чему-то научиться для себя. Я же сейчас делаю огромного объема учебные фильмы для Москвы – «Учитесь писать», «Учитесь считать» – каждый фильм больше всего годового плана в советское время, то есть 8 советских объемов только учебных фильмов. Это делается по линии государства.

-Я очень сдержанно отношусь к Еревану. Это мой любимый город, потому что с ним связано детство, люди, с которыми я встречаюсь. Это студия на Теряна, где я начинал работать. Это конкретные здания, я их люблю, но это не значит что они мне нравятся. Никогда не мог понять очередной наш штамп – «розовый город». Мне вообще больше нравится кремовый, а во-вторых он не розовый, а грязно-фиолетовый, неприятного оттенка и никаких восторгов этот цвет у меня не вызывает. Я этот город просто люблю, но не считаю, что если он старше Рима, то и лучше.

Этот омерзительный цвет зданий, жуткий мусор. Когда по ТВ любовно показывают сверху панораму площади, я не понимаю - они эти жуткие жестяные крыши не видят? Мы же понятия не имеем, что такое черепица - лишь бы не капало. Полное отсутствие понятия эстетики и желания, чтобы вокруг было красиво. Люблю я этот город, но туристом сюда бы не приехал. Стереотипы ужасны еще и потому, что поэты воспели, а спекулянты, ставшие бизнесменами, честно это восприняли. И потому за право искупаться в Севане берут сумашедшие деньги, потому что он у нас жемчужина и лучшее Средиземного моря. Автоматически за древность берут. Пятизвездочные отели – кто такие отели строит?. Неужели этот бизнесмен приедет в Ереван туристом за такие деньги?

Вопросы, на которые тоже невозможно получить ответов – о причинах я уже говорил.

В 23 года я написал для Ара Ернджакяна, который открывал Камерный театр притчу и чем дальше, тем больше она становится для меня актуальной. «Здесь в горах живут замечательные люди. Долго живут. Этот старый мудрый чабан пас своих баранов, когда со своим войском проходил Александр Македонский. Александр прошел дальше и вскоре умер. Через много много лет другой Александр, Пушкин проезжал здесь, встретил старого чабана. Прошел дальше, скоро был убит на дуэли. А старый мудрый аксакал продолжает пасти в горах своих баранов. Долгих тебе лет, старый аксакал, новых тебе Александров». Ереван можно любить, только сказки рассказывать не надо. Все отдельно: это горы, это бараны, это Рим.

Каждый новый день приносит утраты: ушли из жизни Георгий Минасян, Лола Хомянц, Белла Дарбинян, выпал из поля зрения Шаэн Айрумян, Зара Тоникян в Бельгии, Эльвина Макарян в Америке... Пару лет тому назад армянский джаз лишился легендарного барабанщика Роберта Еолчяна.

А о Белле Дарбинян, скончавшейся совсем недавно, 23 августа 2005 года, рассказывает ее дочь, Тереза Касьян:

«...Мама уже в пять лет была звездой – пела в военном госпитале в Кировакане. Репертуар был огромный – от «Хабанеры» до песен Рафика Бейбутова. Но вообще-то она собиралась поступать в химический техникум, представляешь – с ее данными! Хорошо, у нас в гостях был родственник-музыкант, он и сказал: «Вы что, с ума сошли – такой талант в техникуме хоронить». Мама поступила в училище им. Романоса Меликяна. Ей было всего 14 лет, пришлось пойти на хитрость – на вокал в этом возрасте не принимали – и прибавить пару лет. Потом был класс Татевик Сазандарян в Ереванской консерватории и оперная студия Большого театра в Москве. У нее было прекрасное меццо-сопрано, и она была не просто певицей, но и актрисой. Бог щедро одарил ее талантами. Ей прочили блестящую карьеру оперной певицы, ее приглашал Олег Лундстрем в свой оркестр, но... она вернулась в Ереван. В 1966 году стала солисткой эстрадно-симфонического оркестра Госкомитета по телевидению и радиовещанию Армении, где проработала около 30 лет».

Белла Дарбинян была первой, кто начал исполнять гусанские и ашугские песни в современной аранжировке. Своим исполнением она пленяла армянских любителей музыки, покорила многие отечественные и зарубежные сцены. Многие известные композиторы - Арно Бабаджанян, Александр Аджемян, Константин Орбемян, Алексей Экимян и другие, первые исполнения своих песен доверяли именно ей. Потом наступили 90-е годы и все рухнуло. Тяжелее всего без света, наверное, было артистам, привыкшим к огням сцены, овациям... Она могла бы спокойно уехать, но, как и все мои собеседники, осталась.

«Последний концерт мама дала в США, уже больная. Это было в 2003 году – в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Сан-Хосе. Я не могу рассказать, как ее принимали! Для многих, собравшихся в зале она была символом. А голос... он звучал как всегда, как будто не было вынужденного от обстоятельств молчания. Наверное, мало кто знает, как мама пела русские романсы. Это было ни с чем несравнимое исполнение». Тут, наверное, надо вспомнить, что настоящая фамилия певицы была Кузнецова, просто ее "перевели" на армянский.

В те же годы блистала и Лола Хомянц с Арташесом Аветяном. Арташес уехал, а Лола...

Лола Хомянц... Было время, когда ее голос постоянно звучал в эфире. Начала она петь со студенческой скамьи, когда училась на механико-машиностроительном факультете Тбилисского государственного политехнического института. В те годы по всему Союзу пронеслась «эпидемия» всевозможных конкурсов, олимпиад, других творческих соревнований. На одном из таких конкурсов Лола заняла первое место. Она участвовала в городских, республиканских конкурсах, а вскоре вместе с институтским оркестром стала лауреатом Всемирного фестиваля молодежи, на котором исполнила песню «Пусть всегда будет солнце».

В конце 50-х - начале 60-х годов Лолу Хомянц все чаще стали приглашать с концертами в Москву. Она выступала с оркестрами Олега Лундстрема, Александра Крола, другими музыкантами. Исполняла в основном джазовые произведения, а тогда, после «оттепели» это было довольно смелым шагом. В репертуаре певицы были произведения Гершвина, Бернштейна. Сразу пришла популярность, ее голос звучал на радиостанции «Юность» и ЦТ. Она объездила с концертами весь Союз, в Советской энциклопедии Лола Хомянц упоминается как «известная исполнительница традиционного джаза». «Меня много «били», и что обиднее всего, в основном здесь, в Армении. Сейчас я народная артистка Советского района Еревана. Я думаю, что «били» меня за мою прямолинейность и бескомпромиссность. Лучшее средство «убить» актера, певца - не давать ему эфир. А чтобы выйти в эфир, надо дать определенную сумму. В открытую об этом никто не говорит, но это так. Чтобы записать песню, нужно заплатить оркестрантам, и не только им. У кого-то есть такая возможность, а у кого-то - увы...»

В последние годы она хотела выступить с программой, которую сама же составила. Это старые армянские песни, давно не звучавшие в эфире в современной аранжировке. Но не успела...

У этого города есть удивительное свойство – он больше в прошлом, чем в будущем. Все уже было: и «золотой век» армянской музыки, и рыцари, и настоящая жизнь. Каждое время было уникальным, может и наше время кто-то вспомнит лет через 30 с такой же ностальгией, с какой мы вспоминаем семидесятые.

Живет большинство из нас ностальгией, которую немного удастся притушить все тому же Вазгену Асатрян. Решив, что одного концерта «Поет Ереван 70-х» недостаточно, он сделал еще два. Говорят, что в одну реку дважды не входят. Оказалось – возможно. На два дня мы вновь вернулись в Ереван 70-х. И опять был Большой концертный зал филармонии, почти те же исполнители, что в первый раз, но программа была уже немного другой: первый концерт начался с «A night in Tunisia» в исполнении легендарной четверки: Малхас, Кока, Алеша и Чико. Во второй день концерт начался с «Ноктюрна» Арно Бабаджаняна, конечно же в джазовой интерпретации.

А потом... потом на сцене пошло бурное веселье – рок-н-ролл в неподражаемом исполнении Левона Севана, песни Стиви Уандера в исполнении Бориса Андреасяна. Пел Георгий Мангасарян песни Фрэнка Синатры – все это вперемешку с классикой армянской песни. На сцену вышел и Роберт Амирханян, правда с забинтованной кистью, что не помешало ему сыграть – а пели его песню Раиса Мкртчян и Рубен Матевосян. Роберт даже пошутил: «За долгие годы Малхас меня убедил, что можно играть тремя пальцами. Так что

все в порядке – четвертый и пятый мне не нужны». Маэстро и сам спел, вызвав восторг у публики. Публика, надо сказать была под стать концерту – взрослые женщины и мужчины буквально подпрыгивали в креслах. Еще немного – и они стали бы отплясывать вместе с Левоном Севаном рок-н-ролл. Да и от самого Левона буквально искры летели, когда он стал отплясывать с публикой прямо в зале. Словом, веселье било через край.

За роялями сидели Рубен Амирбекян и Левон Малхасян – Мартин Вартазарян подошел в конце и сыграл свою «Прогулку» - она тоже из 70-х... Вместо четверки бас-гитаристов, которую мы запомнили по первому концерту, на сцене играл квинтет вместе с приехавшим из Марселя саксофонистом Вячеславом Казаряном.

Ну а бессменная ведущая этих концертов Сусанна Шаинян никого не забыла – для всех, кто ушел из жизни или не в зале, у нее нашлись слова благодарности. Арно Бабаджанян, Константин Орбелян, Мелик Мависакалян, Александр Арутюнян, Степан Шакарян и многие, многие другие, составившие славу и гордость армянской музыкальной культуры 70-х... Как сказал Вазген Асатрян: «70-е годы... Для меня – это знаменательный период армянского музыкального искусства. И это неотъемлемая часть истории нашего любимого города и нашей страны. Не забывайте эти годы и поколение талантливых и замечательных исполнителей. К сожалению, многих нет с нами. Но их музыка и искусство – всегда с нами. Я благодарен судьбе, что мне довелось выступать рядом с ними».

Не хочется заканчивать на грустной ноте. В Ереване 70-х было очень весело. А те, о ком и для кого написана эта книга были зачинщиками всего, что происходило в городе, благо, что люди они веселые, не дураки выпить, подшутить над всеми и, в первую очередь, над собой. Помимо концертов, съемок, гастролей, постановок, они придумывали всевозможные викторины, юморины, игры, состязания; проводили их между собой, один коллектив против другого, музыканты против художников, поэты против артистов... Город был умным, да-да, именно умным, потому-что отличиться и выделиться тогда можно было умом, талантом, образованностью, а не иномаркой, дорогими украшениями или хорошими связями, как сегодня. А еще в городе очень ценили чувство юмора...

Признанным лидером в своей “весовой категории” всегда считался Симон Терян. Химик, ставший певцом и артистом, почитающий Монтеня и Гете, чемпион по игре в “виселицу” и “эрудит”, обладал не только даром подражания и повествования, но еще и потрясающим чувством юмора.

Симон Терян:

- Тогда, в дни моей молодости, никто не хотел жить, подобно амебам; мы постоянно были на виду, все время придумывали что-то, прекрасно сознавая, что, как говорится, “нет предела совершенству”. Мы были молоды и счастливы. Если начну вспоминать все наши хохмы, розыгрыши, все, что связано с гастролями, репетициями, да и просто вылазками в город – не хватит не то что одного интервью, а даже целой книги. “Поплавок”, “Козырек”, “Сквознячек”... Сколько всего связано с этими местами, да и вообще с нашим городом! Обо мне в свое время ходило много легенд и анекдотов. Не скрою, почти все – правда.

По рассказам родных и друзей, серия “Анекдоты от Симона” могла длиться часами, до слез, до судорог, когда слушатели уже начинали умолять его остановиться. Друг Теряна рассказал, что однажды на отдыхе в Цахкадзоре

Симон вдруг начал читать вслух рассказы Зощенко, да так, что через несколько минут вокруг собралась целая армия отдыхающих, а взрывы хохота доносились до соседних пансионатов.

Еще в юности он явился в Университет, сидя верхом на осле, и заехал так в деканат. А на вопрос “кто пустил ишака в деканат?”, наивно поинтересовался, какого именно ишака они имеют ввиду, ушастого или...

- Знаете – вот странность – я боюсь людей без чувства юмора. Если человек не способен шутить и от души смеяться, то такой человек, на мой взгляд, способен на подлость и предательство. Я шутил всегда и над всеми, в первую очередь – над самим собой, ибо со мной постоянно случались какие-то казусы. Во-первых это было связано с моей патологической, какой-то хрестоматийной невезучестью. Такое впечатление, что герой Жана Ришара списан с меня.

Как-то приехали мы на гастроли в Сочи. Маэстро Орбелян дал нам день на адаптацию и отдых, а со следующего дня должны были начаться репетиции и концерты. Не успел я зайти в гостиничный номер, как ребята: Шаэн, Томик, Славик – заходят и говорят: “Сема, пошли на пляж”. А я очень боюсь воды (в детстве тонул в Севане, еле спасли). Одним словом, я отказываюсь, говорю, что устал, не могу, не хочу и т.д., а они не отстают. Ладно, пошли на пляж. Иду по гальке и слышу, как отдыхающие шушукуются: “Симон Терян, смотрите, Симон Терян!”. Мне, естественно, приятно, лестно, что узнают; я расправляю плечи, подтягиваю живот – хотя тогда у меня и не было живота – захожу в воду. Первый шаг, второй, третий – и все: чувствую, как в подошву ноги впивается что-то острое и кричу от боли. Оказалось, что на дне была разбитая бутылка от лимонада, которая распоролла мне ногу буквально от пальцев до пятки. Короче, выступать весь сезон пришлось с забинтованной ногой. А еще я придумал выходить на сцену прихрамывая, с тросточкой, что, кстати, очень подходило к моему сценическому имиджу несчастного, покинутого всеми человека. Бедный Орбелян! Как он только все это выдержал?

Ну, историю о наших с Гариком Карапетяном “гасторолях” в Бейруте знают все. Как мы рванули к рамкаварам, которые праздновали Рождество. Кстати, если бы с Гариком поехал не я, а кто-то другой, то поверьте, никто ничего не узнал бы. Но это же был я! Одним словом – скандал, проблемы с КГБ и прочие прелести жизни советского артиста. Меня “выслали” с гастролей обратно в Ереван, а Гарика чуть из партии не исключили. Но, слава Богу, обошлось.

Довелось побывать и в знаменитом доме на Лубянке. А знаете за что? Приезжаем в Москву. Концерты проходят “на ура”, впрочем, как всегда; уж простите за нескромность, но с нашим оркестром тогда мало кто мог сравниться. Я всегда закрывал программу. Вышел, спел одну песню, вторую, третью... А зрители не отпускают, требуют продолжения. Я выхожу еще раз и объявляю: “А сейчас, дорогие друзья, я исполню для вас песню “Je t’attend” из репертуара нашего соотечественника Шарля Азнавура”. На следующий день вызвали, вернее не вызвали, а препроводили в вышеупомянутое здание и говорят: “Товарищ Терян, что за высказывания вы себе позволяете? С каких это пор француз-капиталист стал нашим соотечественником?”. “Да нет, - говорю, - вы не поняли, просто Азнавур – армянин”. “Запомните, товарищ Терян, наша родина – СССР, и только советский человек может быть вашим соотечественником!” Вот так.

Даже моя мама в юности мне сказала: “канач артов гнас – кцамаки”, то есть: по зеленому полю захочешь пройтись – и то оно засохнет. Как говорил все тот же герой из “Невезучих”, и тонул, и падал, и кофеварка била...

...Историй так много – все-таки 25 лет на сцене – что даже не знаю которую Вам рассказать. Некоторые не могу просто потому, что не совсем удобно, некоторые слишком длинные.

Ладно, давайте еще одну. Как-то встретились мы на гастролях с ребятами из “Арарата”. А это то ли 74-й, то ли 75-й год, они – в зените славы, мы, извините, тоже. В этот день у одного из ребят родилась дочь. Как водится, решили отметить. В общем, погуляли от души, но в какой-то момент, естественно, выпивка закончилась. Советский Союз, все магазины после 19:00 закрыты. И знаете, что мы придумали? Пошли к ближайшему гастроному, разбили окно, залезли, взяли спиртное, а у кассы оставили деньги за разбитое стекло и за выпивку, и, что самое главное, написали записку, что, мол, мы, такие-то и такие-то (все наши фамилии), приносим свои глубочайшие извинения за причиненный ущерб, но поступить иначе просто не могли. Наутро в гостиницу явился милиционер: “Ну, и где тут эти артисты-футболисты?”. Думаем, ну все, сейчас начнется... Ничего подобного. Знаете, зачем он пришел? Руки нам пожать!!! Ничего подобного в его милицейской практике не случалось. Виданое ли дело: грабители оставляют записку с извинениями и деньги за причиненный ущерб! Кстати, оставили мы, как оказалось, гораздо больше, чем надо было.

Поскольку Симон очень рано поседел, он всегда выглядел старше своих лет, и с этим связано много веселых казусов. Оркестранты хорошо помнят историю о том, как во время гастролей в Америку к Симону под села пожилая, если не сказать старая дама, которая почему-то стала показывать ему свои семейные фотографии. Добравшись до фото, где были запечатлены ее внуки, старушка с умилением представила Симону всех троих, сказав, что старшему уже 41 год, среднему 38, а младшенькому всего 33, и сразу после этого спросила: “Господин Симон, а сколько лет Вашим внукам?” Добавим, что Симону тогда было ровно 33, то есть столько же, сколько ее младшему внуку. Стоит ли говорить, что с этого дня коронным вопросом ребят из оркестра к Симону стал вопрос о том, сколько лет его внукам.

- Приехали мы как-то в Ленинград. В холле гостиницы “Октябрьская” ко мне буквально подлетел какой-то дедушка, весь увешанный орденами и с криком: “Друг! Фронтовик!” кинулся мне на шею. А потом долго допытывался на каком фронте я воевал, на Первом Украинском или Втором Белорусском. Все пытался помочь мне вещи до номера донести. И смех, и грех... Ребята просто упали, причем в прямом смысле слова.

А еще никогда не забуду, как Анастас Микоян зашел к нам за кулисы после концерта и все пенял Орбеляну на то, что он “мучает этого бедного старика”. А потом подошел ко мне поближе, внимательно посмотрел и воскликнул: “Вай, да он же совсем молодой!”.

- Я всегда вспоминаю те годы с удовольствием и благодарностью. Конечно, было и плохое. Вообще, человек – существо несовершенное, всегда помнит о плохом, а хорошее забывает, так как считает: то, что хорошо – это норма, а плохое выходит за рамки этого, и следовательно помнится дольше. Так нельзя. Нельзя быть настолько неблагодарными. Каждый эпизод, каждая секунда, каждый миг, когда мы были счастливы, стоит ста мгновений разочарования. И в этом смысле, могу смело сказать: я – счастливый человек! Недавно в разговоре с дочерью я сказал: “Когда я умру, не жалея меня и не плачь, ведь я прожил такую насыщенную, яркую жизнь, о которой другие не смеют и мечтать. А годы на сцене вообще можно считать, как один к трем. То есть сейчас мне порядка 115 лет”.

Все эти истории надо было слышать из уст самого Теряна. Рассказчик не в состоянии передать всех эмоций и накала, которые присутствовали всегда, когда он что-либо рассказывал, как говорится, “в ролях”.

Рассказ о Ереване был бы неполным без Левона Игитяна. Для тех, кто его не знает – архитектор, остро слов, просто «ереванский парень» и, как она сам выражается – «хулиган».

Рассказывает Левон Игитян: *У ереванцев есть один комплекс – они ереванцы. У меня - не знаю, к счастью или к сожалени - , есть еще один комплекс, который также вечен, как комплекс ереванца – это турки. Я прекрасно понимаю, что по высоким понятиям , по общечеловеческой психологии все народы равны. Но я не принимаю этого до тех пор, пока в моем доме сидят какие-то разные племена и говорят об общечеловеческих ценностях. А Европа как и в пятом веке кинула нас, занятая христианскими дискуссиями. Она тогда решила – отдадим этих армян, потом разберемся. В результате - нам плохо, но и им сейчас плохо, потому что в центре Европы мечети растут, как грибы и европейцы думают, как спастись. Мы же в лучшем случае можем быть для них консультантами, потому что мы на своей шкуре это все испытали. А любители-политики обо всем этом забывают и робко так стоят перед дверью и просят- мы, мол, вас достойны, возьмите нас к себе. А ведь это та самая Европа, которая нас кинула.*

Нету равенства. Равенство - это несправедливость. Я когда был мальчиком, один раз – это был единственый раз – меня папа взял на парад, на площадь. Я сидел у него на плечах и он мне говорил, кто проходит. Это те, это другие, это академики во главе с Виктором Амбарцумяном. «Это самые умные люди нашей нации», - сказал он. А я спросил: «Пап, если они самые умные, почему эти идут, а те стоят и их приветствуют с трибуны?»

Я всю жизнь был свободным человеком . У нас в классе был парень, он жил за Южным аэропортом. Я жил рядом со школой. Он никогда не опаздывал, я всегда. Когда каждый день себя насилуешь - сокращается жизнь. Вот когда выходит солнце, идут красивые женщины, я получаю удовольствие. Я хочу долго жить, все это видеть.

Я когда первый раз был в Париже, то удивился – телевизор не включают, в 9 часов ложатся спать, а ночью выходишь – жизнь кипит. Я спросил у парижанки не знаю в каком поколении: как так? «Ночью не спят только те парижане, которые обслуживают приезжих. Чтобы Париж оставался Парижем. В Ереване ночная жизнь другая была – мы наслаждались этим городом и друг другом. Нам жалко было тратить время на этот идиотский сон, когда мы есть, этот город есть, а мы что же - должны спать?! Мы друг в друге нуждаемся. Самое главное – общение, чего подчас не хватает.

Кроме всего прочего – я глубоко убежден, что в этом городе есть какая-то тайна, которую никто не может раскрыть. И Малхас не может. Когда скульптор Коненков приехал в Ереван, а он почти всю жизнь прожил в Америке, ехал он по трассе из аэропорта и сказал: «У меня такое впечатление, что я приехал не в Советский Союз. Ни одного красного плаката». Мы наперечет знали всех кагебэшников. Нам об этом говорили те же сотрудники КГБ – ведь они тоже были ереванцами. В Ереване что-нибудь скрыть – дохлый номер.

Я с этим городом на ты. И не только я. В микромире это сохранилось, а в большом Ереване... Вектор поменялся, но я глубоко убежден, что наши дети и внуки понимают, что вместе жить лучше, чем врозь. Так долго живешь. Для меня в жизни важны три ценности – если мы их не сможем сохранить, нам ничего не поможет. Это земля, женщины и дети.

Все, что я рассказываю, могло произойти только в Ереване. Даже если ереванец уедет – там ничего не будет. Вот если Малхасу в день давать кусок черного хлеба – он ни за что не уедет. Понятие «ереванский парень» возникло в последние годы. Сами истинные ереванцы по своей природе так не говорят. Это определение возникло у тех людей, которые хотят утвердиться. Нам это смешно. Они закомплексованы. Если человек после 25 или 30 лет страдает проблемой самоутверждения, значит он не ереванец. Это самоутверждение начинается со двора, школы, круга общения. Я в юности жил на III-м участке, там тогда жили все репатрианты. У нас была танцплощадка, к нам приезжали танцевать со всего города, звучала гавайская гитара.

У меня в этом городе никогда не было проблемы обще- жития – ни с самым интеллигентным, ни с вором. В нашем городе есть неписанный закон – каждый должен удостоиться своей полочки. Причем это Город решает, чего ты достоин, какого места...

Мы вообще были довольно буйными, сидели в «Поплавке», а вернее сказать в «раскладушке», пили, шумели. На нас постоянно жаловались жители окрестных домов. Один раз сидим, играем в «балду» - проигравший идет за водкой. Видно уж очень расшумелись, кто-то позвонил в милицию, приехал наряд нас забирать. А Роберт Еолчян жил в доме над магазином «Дерасан» (сейчас там «Prima Gold»). Три часа ночи. Выходит он на балкон и спрашивает у милиции, в чем дело. Ему говорят: вот хулиганят, везем в участок. Привезли нас в Спандарянское отделение милиции, следом за нами Роберт Александрович как был, в домашнем. Старшина подумал, что он тоже пришел на нас жаловаться. А он разбушевался: прекрасные ребята, как вы смеете их в камере держать. Словом, выпустили нас.

...Ääëî â òîî, ÷òî òîäââ, â 60-70-â ôîðîèðîäâëîññ ïàñðîðîäîä ïàññðîäâ. Äûëà îðèðèäëüîäîü äëàñðü è áûëà ïàññðîäâîäîü üëëðà, äëëüîä êîðîðîé ïà ôîðîèðîäîäîä ïàññðîäâ áûë çîä÷èäëüîî ñëëüîäâ îðèðèäëüîé äëàñðè. Äñâ îî-ïàñðîüüîî ääëëëä äðîüîä: ïàññðîðî Ëî÷àð, Ëîñðîäî çàðüî, Ëäâîî Ìäðññüî, Ýäîîî Ääðüî, Ñîäððä Ëîäððüî, Ìääââäâîîä, Ìäððð Ñäâäë, Ìëîäñ è ðäë ääëäâ -îîë äñâ, ñîçîäââü ñâîð ìëññë, îðîñëäâäëë ñ îäîë ÷àñîä è êàðä. Ýðî áûëë ïàðè ðîäâäðñðèäðü. Ääëëëëë îä ñðäëî. Íî îü æâ îññðèäëëë ýðîäî ïàññääëü, ýðîé èîðîðîäèë è îü ïäýçäîü ïäëèë ðð ôîðîð, îññðäâñðîäî êîðîðîé îü äîëæîü ïäðäâäðü ýðî äñâ îîäîî îîëîäîë. Íî è ïàññ ïîññèèðüääëë. Íëëðî èç ïàññ îð ñâîëë ðîäèðäëäé ïà îîä îîëð÷èðü ðî, ÷òî îîë ääâäëë. Äîäîðèëë, ÷òî îü ääçääëüîëëë, à îü ôîäëëë ä êàðä è ýðè ääëëëë. Íàðèë äîæüîë áûëë îîë, à îä ððîäîäèèääëë äîñðäâñðîäâ. Íî ððîäîäèèääëë ïä ýðîî îðäèðññîî çîäëë è îä ääñîîëîëëëññ. Íëääëëë îäð ïä îðèèèäëë. Ððîäîäèèèääëëçîäëë, ÷òî ýðî ðäë, è ä ýðîî çäëëð÷äëññ èð îðäðîñðü.

У нас очень много мифов. Зачастую мы придумываем себе образ и в один прекрасный момент вымышленный человек становится реальностью и понимаешь, что все, что говорится о нем – так оно и есть на самом деле. Это относится и к

Городу в целом – мы его придумали, мы без него жить не можем и все остальное уже не важно.

И в качестве послесловия. Джаз по мнению большинства джазменов, не терпит танцев и живописи. Наверное, они правы - действительно, как передать на холсте гениальные импровизации Паркера и Монка, или Питерсона с Бейси. И как танцевать под Бена Вебстера или Эрrolла Гарнера, не говоря уже о Луисе с Эллой... Не получается. Как говорил Великий Эллингтон: «Джаз это искусство, свинг - бизнес». Да и не получится – нужно настроение, порыв, оголенные чувства, неподвластные времени и моде. Джаз надо только слушать – это та музыка, которая «уносит» в бесконечность. В то же время эта музыка настолько проста, что удивляет - тоже до бесконечности. Это гениальная простота, которая подчас не укладывается в рамки человеческого бытия. И сейчас, как и в далекие 20-30-е годы уже прошлого века мы слушаем эту музыку и счастливы...

Օ՛իծյ՛... Շà÷àì 66íàèòü 6àê ààèàêí: áüèè 6 íàñ è À66áìèé
Àéààçyí, è À6íí Àààààæàíyí è íííâí-íííâí ä66âè6. Íí ý66í 6æâ
ñíâñâí ä66âäy 6âìà. Íí íí÷âí6-66í íâ ñêàçà6ü íâ À6íí íâ
ííè6÷èèíñü. Арно Бабаджанян – это целый мир в армянской музыке.
Можно бесконечно говорить о его таланте, уникальности, о его
прекрасной музыке и не менее прекрасном исполнительском искусстве. Он
учился в классе Константина Игумнова в Московской консерватории.
Игумнов прочил ему блестящее будущее пианиста-виртуоза. Он стал
композитором и остался виртуозом. Его песни были, можно сказать,
обречены на успех в любом уголке как Союза, так и за рубежом.
Мартин Вартазарян и Ерванд Ерзнкян сделали нам всем небольшой праздник
– концерт к 85-летию Бабаджаняна. Зал был полон и, что было приятно
видеть, было много молодежи. Программа была составлена в основном из
любимых и узнаваемых песен из кинофильмов "Песня первой любви",
"Невеста с Севера". Вел вечер, как всегда, Мартин Вартазарян –
рассказывал о композиторе, представлял исполнителей. Он рассказал в
частности о музыке из фильма "Невеста с Севера": "В Москве русские
композиторы спрашивали у Арно Арутюновича, где он "нашел" такую
"русскую" мелодию". Бабаджанян ответил: "Где нашел, где нашел...
Сам сочинил".

Мартин Вартазарян же и открыл концерт классическим исполнением
"Ноктюрна". Во втором отделении был и другой "Ноктюрн" – джазовый,
ставший своего рода визитной карточкой Левона Малхасяна. И тут Булик
не удержался от небольшой ремарки: "Приехал Арно Арутюнович в Ереван.
Лежит больной – мы ему принесли магнитофон, он послушал четыре
такта и сказал: "Малхас". Самое интересное, – продолжил Мартин
Цолакович, – что Арно Арутюнович узнал свой "Ноктюрн". Пели в
основном молодые солисты оркестра и еще раз мы убедились, что есть в
Армении новые, талантливые имена: Левон Мириджанян, Вазген Казарян,
Марат Айрапетян...

Âññííèèàñü çèìà 1983 áíàà - 6èè íü ñ ä66âíí íèí à6è6 ñâ6ñâí 6âà66à è 6çíàèè í ñíà66è
èííçè666à. Ý66í áüèí 11 íyá6y. 6âññèàçüââ66 Èââí Èâè6yí: "Á ý666 áâíü á Èâíâ6ñí
6âà66à áíèæâí áüèà áü6ü í6âíüâ6à. Æââèè 6íââ66à Àè666âíyíà. Íí í6èâ6âè ñ ñè6÷âñíâí
íñçâíèèà è, íâ áíâí6y íè ñèíâ, í666âè íâ ñ6âí6, ñâè çà 6íyèü è íâ÷âè èâ6â6ü Àââââæâíyíà.
Çâè âñ6âè - âñâ ííyèè, ÷66 À6ñ À6666ñâè÷ ñèí÷âèñy. Á ä6íâíâè 6è6èíâ Àè666âíyí
çâèí÷èè èâ6â6ü. Çâè 6è66 íí666âè..."

İēñàòü î ēīīīçēòīđā òàēīāī đāīāā āñāāüà òđóāīī - ēāæāðñý, ÷òî ñēīā íā ōāàðāðò, ÷òīāü īāđāāāðòü òā ÷óāñðāā, ēīòīđüā īāđāīñēīýð òāāý īđē çāóēāō ýòīē ÷āđóþüāē íóçüēē. "Ā āīđāō ñā ñāđāüā", "Ñāđāīāāā", "Ýēāāēý", "Īā÷à" - āā āñā, ÷òî īī īāīēñāē. Ā īēñāē īī īīāī - ē íā òīēüēī īāñīē, īī ē ñāđüāçíüā īđīēçāāāīēý - ēāāððāò īāīýðē Øīñòàēīāē÷ā, ēāīāđíüā īđīēçāāāīēý.

È īñēāāīāā... Īā ñāīī āāēā Āđī Āāāāāæāīýī đīāēēñý 21 ýīāāðý, īī ýòî āūē āāüü ñāððē Ēāīēīā ē īýðüō āāī īòāō - íóāđüē ÷āēīāāē- īñāīýē āāðó īā 22 ýīāāðý. Āđāīāīā āūēē īāīđīñðüā ē ñīñāē īāēē çāīđīñòī āīīāñðē, ÷òî ā āāüü āñāīāđīāñāī òðāóðā ó Āāāāāæāīýīā āāñāēüā ā āñā.

Вот вроде и все, что мне хотелось сказать. Пройдитесь еще раз по улицам нашего города, кивните знакомым, выпейте чашечку кофе. А если уж очень взгрустнется, то всегда можно пойти послушать «свою» музыку – или на концерте, или еще где. Возможно в этой книге слишком много личного, пережитого. Таков, наверное, удел всех, пишущих или, в данном случае, пытающихся писать о родном городе и музыке, которая есть часть собственного «я», смысл существования. Многое, естественно, осталось «за кадром», но Ереван все время с нами, и конца у этой книги просто не может быть...

2005 год, Ереван